

ВЕСТНИК

МГУ им. М.А.Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Москва
2011

УДК 800
ISSN 1992-6375

3.2011

Издается с 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

ПИ № ФС 77-19007
от 15.12.2004 г.

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16-18

Интернет-адрес:

www.mgoru.ru
Подписной индекс
36733
в основном каталоге
Роспечати

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. М.А. Шолохова**

Серия «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Редакционная коллегия

Н.Д. Котовчихина – *гл. редактор*,
Т.Ю. Журавлева – *зам. гл. редактора*,
Т.А. Ерофеева – *отв. секретарь*,
Е.И. Диброва, Л.И. Шевцова,
Н.А. Литвиненко, Р.Б. Сабаткоев,
А.С. Калякин

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых журналов и изданий ВАК

Электронная версия журнала:
www.mgoru.ru

Содержание №3 | 2011

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Абашева Д.В.
«Вручает вечность мне свой ключ»: к 300-летию М.В. Ломоносова . . . 5

Попова Е.Ю.
Литературные прецедентные феномены как средства
экспликация постмодернистских мотивов иллюзорности
и абсурдности мира в творчестве В. Пелевина 9

Постникова Е.Г.
Роль пищевых и сексуальных табу в жизни глуповского общества
(«История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина) 20

ЛИНГВИСТИКА

Аглеева З.Р.
Фразаологизированные конструкции с компонентом «куда» 33

Амири Л.П.
Словообразовательная игра: к вопросу о количественном
соотношении окказиональных существительных,
прилагательных и глаголов в текстах рекламного дискурса 44

Баваева О.К.
Метафорические параллели в современном английском языке
(на материале образных номинаций, обозначающих
и описывающих человека) 55

Боронин А.А.
Событие и персонажный субтекст 60

Диброва Е.И.
Квантовость и скважность
как проявление речевого мышления 69

Ершов М.В.
Оппозиционный характер представления инварианта
в драматургическом произведении (на материале пьесы Б. Шоу
«Пигмалион») 79

Левина В.Н.
Языковая структура пейзажной единицы «метель»
в прозаическом тексте 86

Парастаев Г.Н.
Проблема манипуляции в американском политическом дискурсе
(на примере публичных выступлений политических
деятели США) 97

<i>Шумбасова С.С.</i>	
Английские флоронимы: способы номинации и классификации . . .	104
НАШИ АВТОРЫ.	115
CONTENTS	117
ПАМЯТКА АВТОРУ	121

Д.В. Абашева**«Вручает вечность мне свой ключ»:
к 300-летию М.В. Ломоносова**

В статье рассматривается понимание поэтом значения его творчества в вечности. Национальный характер, высокая оценка гуманитарных наук как основы просвещения Отечества, их воспитательная роль, поэтическая символика – то, что наиболее высоко оценивается в его творческой деятельности корифеями русской культуры.

Ключевые слова: М.В. Ломоносов, историческое значение творчества М.В. Ломоносова, поэтика М.В. Ломоносова, национальный характер, образ-символ.

М.В. Ломоносов полагался в своей деятельности «на помощь Всевышнего», который ему «был в жизнь защитник и никогда не оставил, когда я пролил перед ним слезы в моей справедливости» (письмо И.И. Шувалову от 19 января 1761 г.) [2, с. 400]. Главнейшим своим делом он считал «случай служить отечеству спомоществованием в науках» [2, с. 401]. К наукам он относил и свою поэтическую деятельность, устремленную по своим глубинным порывам не столько к прославлению или хуле современности, сколько к Вечности. Именно на фоне Вечности он и оценивал свои идеи, свои творения. В памяти русской культуры Ломоносов остался ученым-энциклопедистом, но в первую очередь поэтом: поэтическим пафосом пронизаны все его сочинения по любым наукам. Казалось, историческая роль Ломоносова определена и современниками, и потомками в названиях городов и улиц, в имени главного университета страны, в высочайших, теперь уже хрестоматийных определениях его деятельности, оставленных корифеями русской культуры: «Ломоносов был первым основателем русской поэзии и первым поэтом Руси», «Ломоносов был Петром Великим нашей литературы» (В.Г. Белинский); «Ломоносов был великий человек. Он

создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом» (А.С. Пушкин). Каждому жителю России с детства известно имя Ломоносова, еще Н.А. Некрасов, обращаясь к школьнику, писал:

*Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик.*

Перекликается с этими мыслями и пожелание В.Г. Белинского: «Юноши с особенным вниманием и особенной любовью должны изучать его жизнь, носить в душе своей его величавый образ...». Для В.Г. Белинского Ломоносов не только гениальный поэт и ученый, но и «великий характер, явление, делающее честь человеческой природе и русскому имени...». Лучшие, исторически сложившиеся черты русского национального характера проявились в полной мере в личности М.В. Ломоносова: бескорыстие и упорство, трудолюбие и патриотизм, миротворчество и деятельная любовь к человеку. Все, что связано с жизнью и деятельностью М.В. Ломоносова, – для нашей страны предмет особого почитания и уважения. Слова самого Ломоносова о получении ключей от вечности оказались пророческими...

Каждое поколение постигает новые особенности его личности и таланта. В чем он сам видел свои заслуги, почему считал, что сама Вечность вручила ему свои ключи? Особое внимание в российском образовании Ломоносов уделял развитию словесных наук (языка и литературы), справедливо полагая: «Коль полезно человеческому обществу в словесных науках упражнение, о том свидетельствуют древние и нынешние просвещенные народы» [2, с. 393]. Просвещение Отечества Ломоносов не случайно ставил в зависимость именно от словесных наук. Могущество государства, его почитание другими странами, по мнению Ломоносова, определяется развитием всех наук, но «особливо словесными, очистив и украсив свой язык трудолюбием искусных писателей» [Там же, с. 394], возможно изъяснять на этом языке какие угодно науки. Достойны похвалы и почтения те деятели науки, «которых рачение о словесных науках служит к украшению слова и к чистоте языка, особливо своего природного» [Там же]. М.В. Ломоносов, говоря о важности деятельности ученых, писателей, развивал и традиционную для русской культуры проблему *ответственности словесника перед будущими поколениями* (в древности, как помним, писатель постился и молился перед началом работы, обращаясь в летописи к современникам и потомкам, надеясь на то, что его труд будет душеполезным). Без такого внимания к словесности, по

мнению М.В. Ломоносова, старания ученых будут напрасны и даже вредны: «Противным образом коль вредны те, которые нескладным плетением хотят прослыть искусными и, оуждая самые лучшие сочинения, хотят себя возвысить; сверх того, подав худые примеры своих незрелых сочинений, приводят на неправый путь юношество, приступающее к наукам, в нежных умах вскореняют ложные понятия, которые после истребить трудно или и вовсе невозможно» [2, с. 394].

М.В. Ломоносов как педагог-практик (читал лекции, проводил активную работу в университете и гимназии) предостерегал от развития «ложных понятий» у молодого поколения. Ученый видел *ответственность* основой всякой деятельности, особенно же направленной на воспитание новых поколений: соединяя прошлое, настоящее и будущее, ученый особое внимание уделяет *традиции*, без учета которой не возможно оценить настоящее и идти в будущее. В изучении и преподавании словесности должна быть опора на историческую традицию: «Красота, великолепие, сила и богатство российского языка явствуют довольно из книг, в прошлые веки писанных...» [Там же]. Древняя русская литература, получившая развитие «купно с греческим христианским законом» [Там же], впитала богатство, красоту, изобилие, важность, силу эллинского слова и красноречие высоких богословских догматов, они, по мнению Ломоносова, заслуживает пристального внимания и изучения.

Как и для древнего писателя, литературная деятельность для Ломоносова была служением, патриотическим долгом. Назначение его литературной декларации – «Риторики» – способствовать развитию русской культуры во имя доброй в людях перемены, поэтому в «хоре наук» науки гуманитарные, как мы их теперь называем, для Ломоносова запевады. Вот поэтому Ломоносов – великий гуманист и миротворец – основной задачей поэзии считал способность воздействовать на эмоциональную сферу человека, этому он подчинил весь поэтический строй своих сочинений. Он не пытается выразить себя (хотя и это встречаем в его лирике), но стремится выразить общее, общенациональное. Тематическое разнообразие поэзии Ломоносова, ее идейная глубина и интонационное богатство концентрируется в образах-символах, наполненных еще более глубоким смыслом. Видимое и осязаемое становится символом боговдохновенного и невидимого. Возвышенно-торжественный пафос его стихов создается поэтикой, наполненной метафорами, сравнениями, олицетворениями, обращениями, аллегорическими картинками, которые оформляются в символы времени. Высшая степень обобщения, абстракции, аллегоризации связана с символами концептуальными для писателя, с символами, вечными и высокими. Поэзия высокого в лирике Ломоносова определяется

образами-символами Бога, России, Петра I (просвещенного монарха), мира, русского воинства, добра и зла. Книги церковные, учения отцов церкви, духовную литературу Ломоносов считает основой светской словесности: «... мы приобрели от книг церковных богатство к сильному изображению идей важных и высоких...» [2, с. 397], поэтому ученый «дружелюбно советует» с «прилежанием читать все церковные книги к общей и к собственной пользе» [Там же].

Н.В. Гоголь отметил следующие особенности творческой деятельности русских поэтов. Лиризм, «близкий к библейскому», проявляется в «соприкосновенье с верховным источником лиризма – Богом» и такой лиризм вызывают у русских поэтов два предмета: «Первый из них – *Россия...*», другой предмет, «где также слышится у наших поэтов тот высокий лиризм... есть – *любви к царю*» (письмо к В.А. Жуковскому, 1846. О лиризме наших поэтов) [1, с. 216–218]. М.В. Ломоносов в своей творческой деятельности проявил патриотическое воодушевление по поводу славы России со всей силой восторга. Эта «сила восторга превратила натуралиста в поэта» (Н.В. Гоголь). «Всю русскую землю озирает он от края до края с какой-то светлой вышины, любуясь и не налюбуюсь ее беспредельностью и девственной природой», – писал Н.В. Гоголь о Ломоносове [1, с. 335]. Для Ломоносова эти, отмеченные Гоголем, грани русской поэзии слились в единый символ, который и стал доминантой его поэзии: Петр – символ величия России, помазанник Божий на земле: «*Он Бог, он Бог был твой Россия*» или

*Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни;
Послал в Россию Человека,
Каков неслыхан был от века.
Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью погранну,
С собой возвысил до небес* [3, с. 123].

Истинная слава правителя – это слава мирных дел, развития национальной культуры и просвещения. Отношение нации к монарху выявляет степень его славы. Символы мира в поэзии высокого – это тишина и цветы:

*Мечи твои и копья вредны
Я в плуги и серпы скую.
Пребуду все поля безбедны.*

*Отвергнув люту власть твою,
На месте брани и раздора
Цветы свои рассыплет флора* [3, с. 35].

Ломоносов обогатил русскую поэзию замечательными символами. Образ и имя Ломоносова неотделимы от истории нашей родины, нашего просвещения. Ломоносов сам стал символом человеческого могущества, символом России, и это главная оценка его жизни и труда в Вечности!

Библиографический список

1. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1978.
2. Ломоносов М.В. Избр. проза / Сост., вступ. ст. и коммент. В.А. Дмитриева. М., 1980.
3. Ломоносов М.В. Избр. / Вступ. ст. и примеч. А.А. Морозова. М.; Л., 1965.

Е.Ю. Попова

Литературные прецедентные феномены как средства экспликации постмодернистских мотивов иллюзорности и абсурдности мира в творчестве В. Пелевина

В статье рассматриваются особенности экспликации мотивов иллюзорности и абсурдности мира в различных типах интертекста, вербализирующих литературные прецедентные феномены в постмодернистских романах В. Пелевина «Generation "П"» и «Числа». Автор делает вывод о многомерности проблемы абсурдности и иллюзорности бытия в художественной вселенной писателя.

Ключевые слова: литературный прецедентный феномен, интертекста, постмодернизм, мотив иллюзорности, мотив абсурдности, художественный дискурс, В. Пелевин.

Постмодернизм – явление в общественной жизни последних тридцати лет XX в., возникшее в связи с потребностью в переосмыслении культуры и современности и продолжающееся до настоящего момента. У. Эко формулировал это явление так: «Постмодернизм – это ответ модернизму: раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмысливать: иронично, без наивности!» [23, с. 461].

Для постмодернизма характерны тотальная ирония, игровое начало, а также эсхатологическое умонастроение конца тысячелетия и «*deja vu*», эффект которого основан на «литературном воспоминании», т.е. на интертекстуальной стратегии. Эстетика чужого слова играет ключевую роль в рамках данного направления. Особенно типичным для российского постмодернизма является «перепрочтение хрестоматийных текстов русской классической литературы с целью разрушения их стереотипного восприятия (Владимир Сорокин, Евгений Попов)» [22, с. 143–144]. По мнению В. Курицына, особенностями постмодернистской поэтики являются «интерактивность» и «виртуальность»: «С появлением сетей массовой коммуникации, Internet, с усилением в нашей жизни роли компьютеров появилась возможность замены реального мира компьютерной иллюзией. Таким образом, теперь мы все в большей или меньшей степени соприкасаемся с виртуальной реальностью, существование которой порой ставит под сомнение существование действительной реальности. Именно на этом сомнении как основном принципе и строятся все произведения постмодернистской эстетики» [11, с. 10].

Все вышеупомянутые особенности нашли особенно яркое выражение в творчестве Виктора Пелевина, одного из самых популярных и читаемых писателей современности, получившего признание за рубежом, лауреата бесчисленных литературных премий. Ряд критиков отмечают особое место творчества писателя в русском постмодерне.

Так, ему отводится место «вождя крутого поставангарда», обусловленное «виртуальностью» его прозы, его творчество характеризуется как «русский классический пострефлекторный постмодернизм» [7], представляющий собой «увлекательную и предельно ясную философскую прозу, с оттенком мистики и потусторонности, простую для восприятия и обладающую концентрированным содержанием» [7, с. 246]. Пелевин предстает «писателем-идеологом, размышляющим над “вечными вопросами” русской классической литературы» [16].

Особенности проявления постмодернистских тенденций в произведениях рассматриваемого автора проанализированы в ряде критических работ [1; 12; 15]. Особый интерес представляет выделение ряда мотивов, пронизывающих всю прозу автора. Мотивы иллюзорности и абсурдности мира

являются ключевыми для понимания глубинного пласта пелевинского творчества. Так, критики, коснувшиеся проблемы соотношения реальности и иллюзии, приходят к выводу о первостепенной роли разных форм миража в художественной вселенной писателя. А. Генис называет Пелевина лучшим «певцом виртуальной реальности»: «Пелевин поэт, философ и бытописатель пограничной зоны. Он обживает стыки между реальностями. В месте их встречи возникают яркие художественные эффекты: одна картина мира, накладываясь на другую, создает третью, отличную от первых двух. Писатель, живущий на сломе эпох, он населяет свои рассказы героями, обитающими сразу в двух мирах» [4, с. 231]. Описание пограничных состояний и конструирование особого художественного пространства сопоставимо с образом дома, жить в котором невозможно, поскольку реальность не обретаема в принципе [10, с. 80]. «Иллюзорные построения» Пелевина сравниваются с медицинским понятием “фантомная боль” [2].

Вербализация мотивов иллюзорности и абсурдности мира в романах Пелевина осуществляется за счет многочисленных интертекстуальных включений. Как отмечает И. Яценко, «интертексты в постмодернистском тексте являются организующими структурами, и исследование того или иного интертекста неизбежно приведет к проникновению в смысл постмодернистского текста» [24].

Наше исследование посвящено интертексту, или интертекстемам в романах Пелевина «Generation “П”» и «Числа», объединяемых критикой в художественное целое на основе общности их проблематики и мотивов. Термин «интертекстема» обозначает конкретную текстовую реализацию интертекста и определяется как «межуровневый реляционный (соотносительный) сегмент содержательной структуры текста – грамматической (морфемно-словообразовательной, морфологической, синтаксической), лексической, просодической (ритмико-интонационной), строфической, композиционной, – вовлеченный в межтекстовые связи» [20, с. 11]. Интертекстема может быть окружена элементами текста, участвующими в ее разворачивании, – интерпретаторами. Такая интертекстема идентифицируется нами как рассредоточенная. Интерпретаторы, непосредственно указывающие на содержание интертекстемы, называются прямыми, тогда как косвенные интерпретаторы выявляют ее содержание опосредованно. Интертекстема без интерпретаторов является точечной. Также нами разграничиваются интертекстема с имплицитно и эксплицитно выраженным содержанием и гетерогенная интертекстема, состоящая из двух или более интертекстем, относящихся к разным сферам-источникам.

Интертекстема представляет собой инвариант восприятия любого прецедентного феномена, отраженный в исследуемых романах. Таким

образом, прецедентные феномены функционируют в художественном тексте как материализованные знаки интертекстуальности, обнаруживающие культурную значимость определенных художественных текстов и служащие основой взаимодействия как целых культур, так и отдельных текстов [3; 6; 9; 13]. Под ними понимаются имеющие вербальное выражение единицы, известные значительной части представителей лингвокультурного сообщества, актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, обращение к которым обнаруживается в речи представителей того или иного лингвокультурного сообщества [8; 14]. Прецедентные феномены включают прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентную ситуацию и прецедентный текст. Все единицы взаимосвязаны: актуализация одного из них может повлечь за собой актуализацию остальных.

Согласно существующему в лингвистике широкому подходу, классификация источников прецедентных феноменов основывается на их отношении к социально-культурным сферам или «другим текстам культуры» [13; 14; 19; 21]. В результате распределения собранного нами материала по таким сферам-источникам было выявлено, что преобладающей сферой-источником обоих романов является художественная литература, что встраивается в интертекстуальную поэтику Пелевина.

Исходя из вышеизложенных соображений, нам представляется важным рассмотреть особенности экспликации мотивов иллюзорности и абсурдности при использовании литературных прецедентных феноменов в исследуемых произведениях.

Проследим экспликацию данных мотивов в выявленных типах интертекстем, вербализирующих литературные прецедентные феномены.

1. Рассредоточенная интертекстема с прямыми интерпретаторами.

Постепенно Степа перестал считать себя ненормальным. Особенно в этом помог фрагмент из романа Толстого «Воскресенье», который он прочел летом на даче, когда под рукой не оказалось ничего интереснее. Один из героев, член суда, проделывал операцию, которая показалась Степе настолько значительной, что он скопировал в тетрадь по военной подготовке посвященный ей абзац:

«Теперь, когда он входил на возвышение, он имел сосредоточенный вид, потому что у него была привычка загадывать всеми возможными средствами на вопросы, которые он задавал себе. Теперь он загадал, что если число шагов до кресла от двери кабинета будет делиться на три без остатка, то новый режим вылечит его от катара, если же не будет делиться, то нет. Шагов было двадцать шесть, но он сделал маленький шагжок и ровно на двадцать седьмом подошел к креслу». Степа понимал,

что вряд ли какой-то юрист взял и рассказал мятежному графу о своей привычке за рюмкой шартреза. Скорее всего, Толстой наделил героя одной из собственных тайных черт. А раз сам Толстой грешил чем-то подобным, волноваться за свой рассудок не стоило [18, с. 13].

Интертекстема, представленная прецедентным именем Толстой, прецедентным текстом «Воскресенье» и прецедентным высказыванием из этого романа, характеризует глубинные верования главного действующего лица романа «Числа» Степы. Прецедентное высказывание, описывающее суеверие члена суда, его приверженность числам, позволяет Степе, подчинившему свою жизнь божественному служению числу «34» и внимательно отслеживающему события, связанные с другими числами, сделать вывод о своей нормальности, предположив, что привычка члена суда была тайной чертой классика русской литературы Л. Толстого. Прямой интерпретатор, выраженный условным предложением «раз сам Толстой грешил чем-то подобным, волноваться за свой рассудок не стоило», оправдывает Степину «религию», наделяет ее неким авторитетным статусом. Данная рассредоточенная интертекстема показывает глубинную всепоглощающую власть некой идеи над сознанием человека, проявляющуюся в стремлении главного героя во всем находить подтверждение приемлемости своей веры в числа. Очевидна абсурдность, неаргументированность логики Степы, приписывающего Толстому тайную черту одного из эпизодических персонажей романа «Воскресенье». Степа игнорирует тот факт, что Толстой описывает привычку члена суда считать количество шагов, думая о своих проблемах со здоровьем, во время решения судьбы главной героини Масловой, что говорит о его полном равнодушии к своим обязанностям.

2. Рассредоточенная интертекстема с косвенными интерпретаторами.

– *После того, как он закрылся в кабинете, кто-нибудь звонил? – спросил Лебедин. – Я имею в виду, непосредственно перед тем, как крикнуть «Татьяна»?*

Секретарша отрицательно покачала головой.

– *...прямо Маяковский, – мрачно сказал полковник связи [18, с. 290].*

В качестве косвенных интерпретаторов в данном фрагменте, представляющем собой попытку выяснить причины смерти Сракандаева, можно рассматривать элементы, в которых содержится прецедентное имя Маяковский, что отсылает нас к прецедентной ситуации самоубийства поэта, окутанного тайной. Известно, что оно породило множество версий причин этого поступка, сомнения в факте самоубийства как таковом и как результат – стремление выдвинуть и обосновать версию убийства поэта. Сравнение данной прецедентной ситуации с ситуацией гибели

Сракандаева носит иронический характер (основан на несопоставимости образов развратного бизнесмена и великого поэта), выявляя абсурдность, нелепость их сопоставления.

3. Интертекстема с имплицитно выраженным содержанием.

Малюта разработал не только лозунги нового движения («Семейные ценности – это наше все!»); сокращенный, энергичный вариант – «Наше все!»), но и в общих чертах наметил, откуда исходит угроза миру: «Конкретное наполнение образа врага будет обдумано позднее. В настоящий момент предлагается только название-идентификатор “Козлополиты” (вариант – “Лолиты и Козлополиты”), обеспечивающее такую же культурную преемственность, как и представленные визуальные решения, ориентированные на генеральную линию по активации “дремлющего” подсознательного психосостава» [18, с. 154].

Прецедентное имя *Лолита*, главная героиня романа Набокова, используется как часть *названия-идентификатора* для создания образа врага, угрожающего семейным ценностям в рамках концепции политической партии. Название-идентификатор представляет собой игру слов, введенную для придания отрицательной коннотации понятию «космополитизма»: «*козлополиты*» является модификацией слова «космополиты». Особую остроту такая игра слов приобретает при введении прецедентного имени *Лолита* и прецедентной ситуации одноименного романа Набокова. Главный герой романа Гумберт является космополитом, воспринимающим мир через классический гуманитарный опыт, который проявляется в стремлении утомленного духа героя к изначальному – неформализованному бытию, воплощенному в запретной любви к малолетней девочке. Эта ситуация актуализирует в неологизме «*козлополиты*» зооморфную сему, связанную с образом козла, за которым в фольклоре закреплены такие качества, как похотливость, избыточное плодородие и т.д. С точки зрения героя Пелевина Малюты, морально-нравственные качества Гумберта вступают в противоречие с семейными ценностями. Рекламная концепция Малюты призывает к уничтожению космополитизма, порождающего таких, как Гумберт. Само имя Малюты отсылает к исторической фигуре Малюты Скуратова, главного палача Ивана Грозного, который одним из первых в русской истории ввел в общественное сознание понятие внутреннего врага. Пелевин намекает на губительную для русской культуры и науки идеологическую кампанию «борьбы с космополитизмом» в СССР в 1948–1953 г. против отдельной прослойки советской интеллигенции, рассматривавшейся в качестве носительницы скептических и прозападных тенденций. При этом автор использует косвенный интерпретатор «образ врага», типичный для советской

идеологии. Все это подчеркивает абсурдность подобных политических лозунгов для мыслящего человека, иллюзорность благих намерений политической партии.

4. Интертекстема с эксплицитно выраженным содержанием.

– ... У него в одном из романов был старец Зосима, который с ужасом догадывался о материальном огне. Непонятно, почему он так его боялся. Материальный огонь – это и есть ваш мир. Огонь, в котором вы сгораете, надо обслуживать. И ты относишься к обслуживающему персоналу.

– К обслуживающему персоналу?

– Ведь ты копирайтер? Значит, ты один из тех людей, которые заставляют людей глядеть в пламя потребления.

– Пламя потребления? Потребления чего?

– Не чего, а кого. Человек думает, что потребляет он, а на самом деле огонь потребления сжигает его, давая ему скромные радости. Это как безопасный секс, которому вы неустанно предаетесь даже в одиночестве. Экологически чистая технология сжигания мусора [17, с. 110].

Прецедентное имя старец Зосима и прецедентное высказывание из романа «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского позволяет сируффу объяснить Татарскому сущность общества потребления как материального огня, в котором люди горят заживо. Сируфф вкратце обозначает отношение Достоевского к данной проблеме высказыванием «с ужасом догадывался о материальном огне», основываясь на цитате из главы романа «Из бесед и поучений старца Зосимы», которая называется «О аде и адском огне, рассуждение мистическое»: «Говорят о пламени адском материальном: не исследую тайну сию и страшусь, но мыслю, что если б и был пламень материальный, то воистину обрадовались бы ему, ибо, мечтаю так, в мучении материальном хоть на миг позабылась бы ими страшнейшая сего мука духовная» [5, с. 248]. Под «страшнейшей сего мукой духовной» Достоевский понимает «страдание о том, что нельзя уже более любить». Данный философский интертекстуальный пласт, затрагивающий глубинные проблемы человеческого бытия, является неким откровением для Татарского, заставляя его задуматься о сущности современной жизни. Ряд прямых интерпретаторов передает трагедию общества потребления: «огонь, в котором вы сгораете», «пламя потребления», «на самом деле огонь потребления сжигает его (человека), давая ему скромные радости», «экологически чистая технология сжигания мусора». В данном диалоге воплощается представление Пелевина о призрачном, обманчивом характере мироустройства, идея ложности, симулятивности мира, создаваемого человеческим сознанием и существующего только в нем.

5. Гетерогенная интертекстема, состоящая из двух или более интертекстем, относящихся к разным сферам-источникам.

– *Так вот она, – сказала секретарша, кивая на стену. – Это испанское собрание. Кого вы больше любите из великих испанцев?*

– *Это... – сказал Татарский, напряженно вспоминая подходящую фамилию, – Веласкеса.*

– *Я тоже без ума от старика, – сказала секретарша и посмотрела на него холодным зеленым глазом. – Я бы сказала, что это Сервантес кисти [17, с. 206].*

В данном фрагменте интерпретация одной интертекстемы со сферой-источником «живопись» (прецедентное имя *Веласкес*) происходит через другую интертекстему со сферой-источником «литература» (прецедентное имя *Сервантес*). Веласкес характеризуется как «*Сервантес кисти*». Такая характеристика представляется оправданной, поскольку и художник, и писатель являются всемирно известными испанцами, творениям которых свойственен глубокий психологизм, способность отразить противоречивые черты характера человека. Кроме того, используя в данном контексте именно прецедентное имя *Сервантес*, Пелевин, возможно, стремится охарактеризовать абсурдный комизм ситуации романа, когда Татарский обсуждает с секретаршей несуществующие картины испанской коллекции, которые представлены в виде листов с машинописным текстом и стоимостью, развешанных по стенам. Сервантес получил мировую известность как автор сатирического романа «Дон Кихот», высмеивавшего рыцарские романы. Похождения Дон Кихота вызывают смех, но мыслящий читатель понимает, что это «смех сквозь слезы». Подобно Сервантесу, Пелевин описывает «современных ценителей искусства» в сатирическом ключе, показывая симулятивность такого общества, для которых произведения искусства обладают ценностью пропорционально их стоимости. Автор, с одной стороны, подчеркивает абсолютную власть денег в современном обществе, позволяющих человеку создать благоприятный образ самого себя для других, а с другой – нивелирование истинных духовных ценностей, деградацию власть имущих.

Проблема всеобщего безумия, абсурдности мира находит свое отражение и в использовании других гетерогенных интертекстем в ироническом переосмыслении.

Придурковато улыбаясь, он заговорил:

– *Скоро, скоро со стапелей в городе Мурманске сойдет ракетно-ядерный крейсер «Идиот», заложенный по случаю столетия дня рождения Федора Михайловича Достоевского. В настоящий момент неизвестно, удастся ли правительству вернуть деньги, полученные*

в залог судна, поэтому все громче раздаются голоса, предлагающие заложить другой крейсер такого типа, «Богоносец Потемкин», который так огромен, что моряки называют его плавучей деревней [17, с. 196].

Гетерогенная интертекстема состоит из прецедентного текста «Идиот» и прецедентного имени *Достоевский* со сферой-источником «литература» и модифицированного прецедентного имени «Броненосец Потемкин», которое можно отнести к сферам-источникам «кинематограф» и «история». Гетерогенная интертекстема в данном контексте является экспликацией черного юмора и способствует нагнетанию атмосферы всеобщего безумия и тотальной неразберихи российской жизни, когда ракетно-ядерный крейсер получает название «Идиот». Данный фрагмент также отсылает читателей к аналогу речевой идиомы об СССР в эпоху холодной войны – клишированному образу страны как неандертальца с ядерной дубиной. Далее автор иллюстрирует типичный подход к решению насущных проблем российской действительности: растрата денег на еще более дорогой и масштабный проект, когда окупаемость последней постройки неизвестна. Полное отсутствие логики таких предприятий и упование на Бога отражено в ироничном названии крейсера «Богоносец Потемкин».

Итак, анализ литературных прецедентных феноменов показал, что мотивы абсурдности и иллюзорности мира пронизывают следующие аспекты жизнедеятельности героев и функционирования их сознаний:

- глубинные всепоглощающие идеи и логику, их оправдывающую (прецедентное высказывание о подсчете шагов членом суда из романа Толстого «Воскресенье» служит оправданием Степиного поклонения числам);
- ситуации смерти персонажей (прецедентное имя *Маяковский* для описания обстоятельств кончины Сракандаева);
- политические лозунги, обещания политических партий (прецедентная ситуация *взаимоотношения Гумбольдта с Лолитой* из романа Набокова);
- ценности общества потребления (прецедентные имена *Сервантес* и *Веласкес* в ситуации деградации современного общества, прецедентное высказывание старца Зосимы из романа «Братья Карамазовы» о материальном огне);
- само представление человека о жизни, мироустройстве (прецедентное высказывание старца Зосимы из романа «Братья Карамазовы» о материальном огне);
- подходы к решению проблем российской жизни (прецедентное имя «Идиот» и модифицированное прецедентное имя «Богоносец Потемкин» для наименования ракетно-ядерных крейсеров).

Для экспликации мотивов абсурдности и иллюзорности бытия Пелевин обращается к русской и зарубежной классике: творчеству Достоевского, Толстого, Набокова, Маяковского, Сервантеса. Литературные прецедентные феномены позволяют показать многомерность универсальной для современной культуры проблемы исчезнувшей реальности, сотворить атмосферу абсурдности и пустоты бытия как аналога модели сознания пелевинских героев. В романах Пелевина окружающий мир предстает «чередой искусственных конструкций, где мы обречены вечно блуждать в напрасных поисках “сырой”, изначальной действительности» [4, с. 230]. Автор создает художественный мир, в котором настоящая и придуманная реальности тождественны и воплощают в себе некие версии мира, существующие лишь в сознаниях героев. При этом глубинный пласт обоих романов строится на взаимодействии различных интерпретаций миров героев, их духовных поисков и стремлении познать подлинную сущность реальности.

Библиографический список

1. Аннинский Л. Песнь пепси в утробе поколения, которое смеясь рассталось со своим будущим // Свободная мысль. 2000. № 4. С. 103–113.
2. Арбитман Р. Предводитель серебристых шариков: Альтернативы Виктора Пелевина // Литературная газета. 1993. № 28 (14 июля). С. 4.
3. Боярских О.С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004–2007 гг.): Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Тагил, 2008.
4. Генис А. Беседа десятая: Поле чудес. Виктор Пелевин // Звезда. 1997. № 12. С. 230–233.
5. Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы. М., 1985.
6. Илюшкина М.Ю. Прецедентные феномены в российской и британской печатной рекламе услуг для туристов: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.
7. Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? Об одной аванюре Виктора Пелевина // Новое Литературное Обозрение. 1997. № 28. С. 244–259.
8. Красных В.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 62–75.
9. Кузьмицкая Е.В. Прецедентные феномены в творчестве М.А. Кузмина: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.
10. Куллэ В. Красная магия, или Девять способов написания иероглифа «дерево» // Литературное обозрение. 1998. № 2. С. 75–80.
11. Курицын В. Группа продленного дня // Пелевин В. Жизнь насекомых / Предисл. В. Курицына. М., 1999.
12. Курский А. Рецензия на книгу: Пелевин В.О. Желтая стрела: Повести: Рассказы // Волга. 1999. № 1. С. 180–182.

13. Кушнерук С.Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
14. Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Отв. ред. Чудинов А.П. Т. 13. Екатеринбург, 2004. С. 166–174.
15. Некрасов Е. Рецензия на книгу: Пелевин В.О. Синий фонарь: Рассказы // Октябрь. 1993. № 5. С. 185–186.
16. Обыденкин А. Три жизни Пелевина в ожидании четвертой. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-tri/1.html> (дата обращения: 13.03.2011).
17. Пелевин В.О. Generation «П». М., 1999.
18. Пелевин В.О. Числа. М., 2007.
19. Пикулева Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
20. Сидоренко К.П. Интертекстовые связи пушкинского слова: Монография. СПб., 1999.
21. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17–29.
22. Шром Н.И. Новейшая русская литература 1987–1999. Рига, 2000.
23. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // У. Эко. Имя розы. М., 1989. С. 425–467.
24. Яценко И.И. Интертекст как средство интерпретации художественного текста (на материале рассказа В. Пелевина «Ника»). URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_214 (дата обращения: 13.03.2011).

Е.Г. Постникова

Роль пищевых и сексуальных табу в жизни глуповского общества («История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина)

Автор статьи утверждает, что главным объектом сатирического изображения в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина является русская власть с ее мифологией и архаическими принципами организации властных отношений. Автор доказывает, что древние пищевые и сексуальные табу маркируют властные отношения в глуповском обществе, тогда как христианские законы и законы рационально-правовые просто игнорируются глуповцами.

Ключевые слова: сатира, мифология, властные отношения, Салтыков-Щедрин, пищевые и сексуальные табу.

Русская власть с ее мифологией и архаическими принципами организации властных отношений всегда была объектом сатирической репрезентации в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина. Современными исследователями установлено, что архаические формы организации Власти и древняя мифология власти сохраняются в современных обществах и актуализируются при определенных обстоятельствах и в определенных условиях [3, с. 30]. Во время социальных сдвигов, в периоды радикальных преобразований общество стихийно воспроизводит традиционные стереотипы политического поведения, основанные на соответствующих иррациональных представлениях о власти. Возможно, древние поведенческие стереотипы и табу, характерные для традиционных культур, совершенно неожиданным образом были воспроизведены русской властью в период радикальных перемен, затеянных Александром II в 60-е гг. XIX в. Тесную связь политической культуры «просвещенной» имперской России александровского царствования с традиционной политической культурой заметил и описал в «Истории одного города» М.Е. Салтыков-Щедрин.

Глуповское общество изначально подается Щедриным как общество традиционное, идеология которого базируется на мифологических константах. Разрушение любого из основополагающих социально-политических мифов может привести к крушению всей системы мировоззрения (*разом рухнет все глуповское мирозерцание вообще* [8, с. 391]).

Власть же глуповского начальства опирается на Традицию Предков, на сохранившиеся в традиционной политической культуре русских древние архетипы и парадигматические образцы, регулирующие этикет взаимодействия между соподчиненными элементами в русском обществе.

Известно, что на первоначальных этапах становления древних обществ власть старших над младшими осуществлялась через систему запретов (табу). Многие исследователи склонны отводить запрету решающую роль в процессе становления социальности. Можно говорить даже, что «в известном смысле первое табу предопределило первого человека» [1, с. 107]. Возникновение положительных норм осознавалось как запрет на их нарушение [2, с. 182]. При этом двумя универсальными видами запретов, сохранившими свое значение в организации властных отношений и современного общества, являются *пищевые и сексуальные запреты*.

Пищевые запреты изначально маркировали социально-политическую иерархию в обществе. В традиционных обществах пища, предназначенная для употребления представителями «высших» социальных слоев, является запретной для «низших» [2, с. 183–186]. Не является исключением и традиционная политическая культура русских. К примеру, иностранец, побывавший в России в XVI в. и описавший пищу русских, отмечает ее социально-политическую функцию: «Затем соленья и копченая свинина, говядина и баранина, масло и сушеный и мелко толченный, как песок, сыр (...) затем сушеная и соленая рыба, которую они едят сырой. Это пища начальников, т.к. остальные довольствуются сухарями, овсяной крупой, толокном и небольшим количеством соли» [7, с. 257].

Обратим сначала внимание на пищу глуповских Властителей. Как и положено, она отличается изобилием и качеством. Не беремся перечислить все, но постоянными составляющими градоначальнического стола являются: водочка, щи с солониной, поросенок в сметане, гусь с капустой, осетрина, икра, балычок, пироги с разными начинками и т.д. Стол «начальника», ломящийся от яств, служит одним из главных индикаторов глуповской иерархии. Мудрые правители Глупова прекрасно понимают, что *«любовь народная есть сила, заключающая в себе нечто съестное»* [8, с. 332].

Особую роль во властных отношениях играют так называемые «дары», обязательные приношения, установленные Властью для подвластных, своеобразная «дань». Примеров этому в тексте «Истории одного города» можно найти великое множество. *Потом начали*

подносить дары: подали тѣшку осетровую соленую, да севрюжку провесную среднюю, да кусок ветчины. Вышел бригадир из брочки и стал спорить, что “даров мало, а и дары те не настоящие, а лежалые”, и служат к умалению его чести. Тогда вынули глуповцы еще по полтиннику, и бригадир успокоился [8, с. 330]. Традиция «платить дань» как необходимая часть этикета взаимодействия между соподчиненными элементами в обществе была установлена первым глуповским Властителем во время «оно», сакральное «время первотворений», когда еще не «начались исторические времена» [8, с. 277]. Напомним, что родоначальник глуповской власти, «Первопредком», задавший архетип Грозного царя («*Перед грозного судью, самого царя*» [8, с. 275]), приглашенный головотьяпами на царство «умной-преумной» князь соглашается принять должность на таких условиях: *И будете вы платить мне дани многие, – продолжал князь, – у кого овца ярку принесет, овцу на меня отпиши, а ярку себе оставь; у кого грош случится, тот разломи его начетверо: одну часть отдай мне, другую мне же, третью опять мне, а четвертую себе оставь. Когда же пойду на войну – и вы идите! А до прочего вам ни до чего дела нет!* [Там же].

Следующей традицией, установленной князем-Первопредком в самом «*начале исторических времен*», является ритуал «кормления» и «одаривания» народа при вступлении «на престол». Совершив действия, ставшие позднее сакральными для власти, т.е. определив размер дани, запугав «новоявленных» подданных пытками и казнями и совершив акт «номинации», а точнее, переименования «*головотьяпов*» в «*глуповцев*», новоиспеченный Властитель приказал угостить и одарить послов: *Затем приказал князь обнести послов водкою да одарить по пирогу, да по платку алому, и, обложив данями многими, отпустил от себя с честью* [Там же]. Исследователи отмечают, что воцарению нового лидера в русской истории всегда сопутствовал обряд «кормления» народа [2, с. 186]. Так, например, после коронации Лжедмитрия «был накрыт стол для всех, кто мог усесться. Так они обычно поступают при коронации», – отмечал очевидец тех событий [7, с. 270]. При коронации Петра III «Его Величество велел кормить народ на большой площади, где были сделаны два больших фонтана – один с красным, а другой с белым вином» [6, с. 203].

В «Истории одного города» точнее всего этот обряд воспроизведен в главе «Сказание о шести градоначальницах». Соблюдая традиции, заложенные в традиционной политической культуре русских, женщины-властительницы считают необходимым «*накормить*», «*одарить*» и «*напоить*» народ в честь своего «*воцарения*». Первая из претенденток

на градоначальство, «злехидная оная Ираидка», «захватив бразды правления», «бросала в народ медными деньгами» [8, с. 293]. Такое «материнское чутье» помогло ей легитимизировать свою власть. В результате она была признана «матушкой»: «*Вот наша матушка! Теперь нам, братцы, вина будет волюю*» [Там же]. Следующая градоначальница Клемантинка де Бурбон одарила подданных «*клочком земли под огороды*»: «*Пусть сажают капусту и пасут свиней*» [Там же, с. 294]. Третья градоначальница немка Амалия Карловна Штокфиш, захватив власть, «*опаивает*» народ: «*Так выкатить им три бочки пенного*» [Там же, с. 296], после чего тут же признается «матушкой» (Царицей): «*Вот она! Вот она, матушка-то наша Амалия Карловна!*» [Там же]. Выехав в казармы, «*толстомясая немка*» «*из собственных рук поднесла солдатам по чарке водки и по куску пирога*» [Там же, с. 298]. Возможно, именно женщины во время своего «бабьего правления» наиболее точно воспроизводят древний обряд «кормления» народа при воцарении по той простой причине, что, являясь по своей функции «хранительницами культуры», они чувствуют глубокую связь с народными традициями.

Отметим здесь, что аномальность лидера, его несоответствие архетипу Властителя выдается в «Истории одного города» прежде всего в нарушении поведенческих стереотипов, связанных с пищей и дарами. Так, к примеру, inferнальная природа Дементрия Варламовича Брудастого, прозванного «*Органчиком*», проявляется в том, что он «*выворачивает наизнанку*» все поведенческие табуиции. Заслуживает особого комментария следующая строчка: «*Новый градоначальник заперся в своем кабинете, не ел, не пил и все что-то скреб пером*» [Там же, с. 282].

Здесь уместно будет напомнить, что традиционное поведение русского царя предполагало обильную еду и питье. Иностранцы с изумлением отзывались о пышности царского стола: «*Обеды Ивана IV продолжались до 6 часов: от 600 до 700 гостей пресыщались не только изобильными, но и дорогими яствами в продолжение 6 недель, и каждый раз угощались под шатрами по 10000 человек*» [4, с. 490–491]. При этом в русской культуре очень долго сохранялся для царя запрет «оказывать руку». Известно, что благодаря этому негласному табу не сохранилось ни одного автографа Ивана Грозного, а свои знаменитые произведения он надиктовывал. Брудастый же делает все наоборот: не ест и не пьет, при этом «оказывает руку», «скребет пером» (собственноручно строчит законы). Причем работать градоначальник предпочитал ночью: «*густой мрак окутывал улицы и дома, и только в одной из комнат градоначальнической квартиры мерцал, далеко за полночь зловещий свет*» [8, с. 283].

Такое «обратное» поведение можно расценить как ритуальное «антиповедение», характерное для «нежити», «оборотней». Но еще больше глуповцев огорчает тот факт, что им никак не удается установить контакт с Брудастым, продемонстрировать ему свою лояльность посредством соответствующих паттернов, одним из которых является ритуал принесения даров: *И хоть бы он делом сказывал, по скольку с души ему надобно! – беседовали между собой смущенные обыватели, – а то цыркает, да и на-поди!* [8, с. 282].

Таким образом, поведение Брудастого не соответствует представлениям о власти, заложенным в традиционной политической культуре русских. В результате глуповцы приходят к выводам, что *«новый градоначальник совсем даже не градоначальник, а оборотень, присланный в Глупов по легкомыслию; что он по ночам, в виде ненасытного упыря, парит над городом и сосет у сонных обывателей кровь»* [Там же, с. 283].

На социальную функцию пищи Щедрин обратил внимание в главе «Поклонение мамоне и покаяние». В изначальные времена, времена *«до просветительские»*, времена Фердыщенко, Бородавковых и Негодяевых, пищевые запреты оформляли иерархию в глуповском обществе: *Во времена Бородавковых, Негодяевых и проч. казалось, например, непростительною дерзостью, если смерд поливал свою кашу маслом. Не потому это была дерзость, чтобы от того произошел для кого-нибудь ущерб, а потому что люди, подобные Негодяеву – всегда отчаянные теоретики и предполагают в смерде одну способность: быть твердым в бедствиях. Поэтому они отнимали у смерда кашу и бросали собакам* [Там же, с. 380]. В данном случае «каша с маслом» и «каша без масла» – это не просто еда, а знак, семиотически оформляющий традиционную политическую и социальную культуру русских.

Причем маркировка властных отношений через пищу подается как необходимое условие сохранения общественного космоса. Любое нарушение пищевых запретов может привести к катастрофе. Так, например, в продолжении процитированной нами авторской интенции читаем: *Теперь этот взгляд значительно изменился, чему, конечно, не в малой степени содействовало и размягчение мозгов – тогдашняя модная болезнь. Смерды воспользовались этим и наполняли свои желудки жирной кашей до крайних пределов. Им неизвестна еще была истина, что человек не одной кашей живет, и поэтому они думали, что если желудки их полны, то это значит, что и сами они вполне благополучны. По той же причине они так охотно прилепились и к многобожью: оно казалось им более сподручным, нежели монотеизм. Они охотнее преклонялись перед Волосом или Ярилою, но в то же время мотали себе на*

ус, что если долгое время не будет у них дождя или будут дожди слишком продолжительные, то они могут своих излюбленных богов высечь, обмазать нечистотами и вообще сорвать на них досаду [8, с. 380]. Из этого опуса отчетливо следует, что нарушение поведенческой табуиции (в данном случае «обжорство смердов») закономерным образом приводит к нарушению всей системы властных отношений как в обществе (микрокосме), так и в отношениях человека и Бога (в макрокосме). Происходит извращение древних пропозиций: теперь «смерд» может «высечь» Бога, а значит, и Царя. Подвластный держит в «спасительном страхе» Властителя. Это приводит к деградации общества, к возвращению в первобытное состояние, в язычество. Так смена знака приводит к смене всей системы мировоззрения, мироотношения, по сути дела, к семиотической катастрофе.

Вообще любые либеральные реформы в глуповском обществе, суть которых заключается обычно в политике «невмешательства» власти в дела обывателей, приводят не только к «золотому веку», но и духовной, культурной деградации общества. Доказательство нашему наблюдению находим в главе, посвященной либеральному правлению виконта Дю Шарьо, французского выходца, который, как мы помним, *«по рассмотрении оказался девицей»* [Там же, с. 279]. Дю Шарьо, как носитель западной культуры, внедряет в глуповское национальное сознание контрмиф, разрушая тем самым национальную мифологию. С целью просвещения он пытался объяснить глуповцам *«права человека»*, но, *«к счастью, кончил тем, что объяснил права Бурбонов»*, иронизирует автор [Там же, с. 375]. «Права человека» в данном случае являются мифологемой, осколком современного либерального политического мифа. Первым результатом такой грубой интервенции контрмифа в старый добрый глуповский миф о *«бессловесном смерде»* и его *«вездесущем начальнике»* является разрушение системы пищевых табу: *Начали с того, что стали бросать хлеб под стол и креститься неистовым обычаем. Обличения того времени полны самых горьких указаний на этот печальный факт. «Было время, – гремели обличители, – когда глуповцы древних Платонов и Сократов благочестием посрамляли; ныне же не только сами Платонами сделались, но даже того горчае, ибо едва ли и Платон хлеб божий не в уста, а на пол метал, как нынешняя некая модная затея то делать повелевает»* [Там же]. *Но глуповцы не внимали обличителям, и с дерзостью говорили: «Хлеб пуцай свиньи едят, а мы свиней съедим – тот же хлеб будет!».* И дю Шарьо не только не возбранял подобных ответов, но даже видел в них возникновение какого-то духа исследования [Там же, с. 376].

Разрушив пищевые табу, оформленные на самом начальном этапе социогенеза, глуповцы закономерным образом деградируют: *..глуповцы с какой-то яростью устремились по той покатоности, которая очутилась под их ногами.* [8, с. 376]) и, впав в язычество, начинают строить Вавилонскую башню (*Сейчас же они вздумали строить башню, с таким расчетом, чтоб верхний ее конец непременно упирался в небеса* [Там же]). Деградация глуповского общества от христианства к язычеству оказывается следствием «безначалия» и благополучия, установившегося в результате либерального правления и политики невмешательства Дю Шаро. Если благополучие и обилие пищи приводит народ к язычеству, тогда, действительно, «начальство» оказывается «двигателем» цивилизации. «Начальство», приносящее своему народу страдания и вызывающее *«спасительный страх»*, движет историю и культуру от язычества к христианству. Конечно, следует отметить, что в этом эпизоде Щедрин использует характерный для него прием «несобственно авторской речи». Перед нами воспроизведение «чужого слова», «чужой», неавторской речи, пародия Щедрина на современный ему либерально-консервативный властный дискурс. К примеру, Щедрин мог здесь спародировать статьи Б.Н. Чичерина («О народном представительстве») или К.Д. Кавелина («Мысли и заметки о русской истории»), которые утверждали, что крепостное право было «разумное действие правительства» и без него Россия как государство не существовала бы. «Как скоро с нас снимается внешнее ярмо и предоставляется нам доля свободы, мы поддаемся полному ее разгулу» [13, с. 414].

Итак, мы увидели, какую огромную роль в жизни традиционного глуповского общества играют негласные законы, ориентированные на древние пищевые табу. Подмеченные Щедриным закономерности традиционного политического сознания описываются современными политологами и культурологами. Так, например, В.В. Бочаров отмечает: «Связь между властными отношениями и пищей является, по-видимому, глубинным пластом человеческого менталитета, уходящим своими корнями к социогенезу, но отчетливо фиксируется в современных политических культурах» [2, с. 186].

Другим универсальным запретом, на основании которого были сформулированы негласные законы общественных отношений, вошедшие в традиционную политическую культуру русских, является сексуальный запрет. Иными словами, половая жизнь членов социума была строго регламентирована в соответствии с социально-политическим статусом индивида [Там же, с. 187]. При этом более «высокие» социальные слои обладали правом контроля за соблюдением этих законов рядовыми

членами общества. В крепостнической России «правом» нарушения табу и контроля за сексуальным поведением простого народа (крестьян) обладали «высшие слои общества» – помещики. Случаи злоупотребления таким правом описаны в литературе и были известны Салтыкову-Щедрину, который, исполняя должность рязанского вице-губернатора, занимался делами о злоупотреблениях помещечьей властью. Среди возбуждаемых и разбираемых Щедриным дел было немало историй, связанных с так называемой «постельной барщиной» [5, с. 204–211].

Здесь сразу необходимо отметить, что социальной психологии известен феномен переноса «священного ужаса», вызываемого системой табу, на нарушителя запретов и превращения его в «священный трепет». З. Фрейд отмечал: «Но самое странное то, что тот, кому удалось нарушить такое запрещение, сам приобретает признаки запретного, как бы приняв на себя весь опасный заряд» [12, с. 217]. Как показывают этнографические материалы, оформление власти верховного вождя осуществлялось по тому же принципу, в соответствии с которым вождь после нарушения табу сам становился табу, что и обеспечивало ему возможность психологического воздействия на подданных [2, с. 196]. Поведение вождя выделялось на фоне остальных членов общества. «Властелинам представляются большие права, совершенно совпадающие с табу для других. Они являются привилегированными особами: они могут делать то и наслаждаться тем, что, благодаря табу, запрещается всем остальным» [12, с. 242].

Зигмунд Фрейд делал свои выводы, опираясь, в основном, на этнографические данные, собранные Дж.Дж. Фрэзером. Но для нас важно, что эти выводы не противоречат материалам, анализируемым современными исследователями. Так, например, установлено, что нарушение табу на инцест стало неписанной традицией, нормой для императоров в Риме, в Поздней империи. «Чем серьезнее настаивал самодержец на своей прижизненной божественности, (...) тем более было для него необходимо “заявить своеволие” именно в этом пункте. По общему убеждению, тот, кто объявлял себя богом, должен был отважиться на инцест, ибо одно есть знак другого» [9, с. 166]. Близкородственные браки, как известно, заключались и в Византии. Подобные факты позволили современным ученым прийти к выводу, что «то, что было запрещено для подданных, было необходимо для монарха как священного, особенного лица. Отсутствие наказания за содеянное подтверждало его избранность и указывало на его “одиночество”» [14, с. 99].

Обратим внимание на сексуальное поведение Щедринских градоначальников (Властителей). Отметим здесь, что в общественно-публицистическом дискурсе Власть часто описывается в терминах мужских

репродуктивных ролей: Отец, Супруг, Возлюбленный, Насильник, Аскет, Импотент [15]. Из всех этих ролей Салтыков-Щедрин выбирает две: возлюбленного и насильника. Причем если обычно метафора «возлюбленного» используется как средство подкрепления Власти, тогда как для выражения программ отторжения используется метафора «насильника», то в Щедринской сатире соединяется несоединимое. Власть ведет себя как «Возлюбленный насильник». Такой двусмысленный феномен подчеркивает двойственную природу властной харизмы глуповских градоначальников.

Так, к примеру, о самом либеральном, тонко чувствующем и «часто краснеющем», когда речь заходит «об отношении полов», Грустилове сказано: *Примеров этого затаенного, но жгучего сластолюбия рассказывали множество. Таким образом, однажды, одевшись лебедем, он подплыл к одной купавшейся девице, дочери благородных родителей, у которой только и приданого было, что красота, и в то время, когда она гладила его по головке, сделал ее на всю жизнь несчастною* [8, с. 376]. Кроме того, при всей своей «просвещенности» и «либерализме», он оставляет за собой священное для Властителей право «сечь девочек»: «Ну-с, а я сечь буду...девочек! – прибавил он, внезапно покраснев» [Там же, с. 379].

В рассказе летописца о любовных похождениях Мекаладзе автора более всего удивляет то, что «испортивший» много «жен и дев» сластолюбивый Властитель никак не осуждается: *Одну имел слабость этот достойный правитель – это какое-то неудержимое, почти горячее стремление к женскому полу. Летописец довольно подробно останавливается на этой особенности своего героя, но замечательно, что в рассказе его не видится ни горечи, ни озлобления. Один только раз он выражается так: «Много было от него порчи женам и девам глуповским», и этим как будто дает понять, что, и по его мнению, все-таки было бы лучше, если б порчи не было. Но прямого негодования нигде и ни в чем не выказывается* [Там же, с. 357]. Отношения Власти и подвластных в Глупове строятся по двойственной матрице «любви-насилия». Это является буквальным воплощением знаменитого щедринского рассуждения о взаимодействии соподчиненных элементов в русском обществе: «Трудолюбие питает тунеядство, тунеядство оплодотворяет трудолюбие» [Там же, с. 381], или, как это выражено в «Помпадурах и помпадуршах» в лозунге одного из Властителей: «Иссушать и уничтожать только болота, а прочее все оплодотворять!» [Там же, с. 209].

В главе «Голодный город» летописец рассказывает, как вполне добродушный, отвечающий всем представлениям глуповцев об идеальном

Властителя градоначальник Фердыщенко на седьмом году правления был «смущен бесом». Всесильный властитель влюбился в замужнюю красавицу Аленку и предложил ей стать любовницей, на что та поначалу ответила отказом: *А на что мне тебя... гунявого? – отвечала Аленка, с наглостью смотря ему в глаза, – у меня свой муж хорош!* [8, с. 307]. Для нас в этой истории важна реакция «обывателей» (подвластных) на любовные игры Властителя: *Но т.к. это было время либеральное и в публике ходили толки о пользе выборного начала, то распорядиться своею единоличною властью старик поопасился. Собравши излюбленных глуповцев, он вкратце изложил перед ними дело и потребовал немедленного наказания ослушников. <...> Излюбленные посоветовались, слегка погадели и вынесли следующий ответ: «Сколько есть на небе звезд, столько твоему благородию их, шельмов, и учить следоват!»* [Там же, с. 308].

Таким образом, «жалостливый народ» на народном сходе «излюбленных глуповцев» дает Властителю право, разрешение на насилие и разрушение счастливой семьи. После такой «учебы» (публичного сечения семейной пары) законного супруга «по наложении клейм» отправляют в Сибирь, а Аленку принуждают жить с губернатором. Сексуальное поведение Фердыщенко вызывает у народа сложные чувства: с одной стороны, осуждение, ведь Правитель нарушает христианские нормы. С другой стороны, уважение и почтение как раз за нарушение этих норм. В данном случае не просто индивидуум нарушает христианские законы («Не прелюбодействуй» (Исх. 20:12), «не желай жены ближнего твоего» (Исх. 20:17)), а Правитель нарушает сексуальные табу, в результате чего функции табу переносятся на того, кто их нарушил, т.е. табуируется сам Властитель. Народ начинает гордиться такой неумной сексуальностью своего «начальства». Получается, что то, что является «табу», запретом для «смердов», становится нормой для «начальника». Половая распущенность Властителя встречает одобрение и поощрение у подвластных.

В мифологическом сознании всех народов мира заложена схема, согласно которой сексуальная мощь Вождя благотворно влияет на народ [11, с. 255]. Кроме того, возможно, в любовном поведении Фердыщенко отразились и древние представления об «обновлении» сил старого, дряхлеющего властителя через связь с молодыми наложницами (Аленкой и, позднее, Домашкой). «Злопыхательное» сердце «привередливого старца» привлекает стрелчиха Домашка. Как пишет летописец, *потребовалось возбуждение более острое, более способное действовать на засыпающие чувства старика. «Испытали мы бабу сладкую, –*

сказал он себе, – теперь станем испытывать бабу строптивую [8, с. 320]. Неслучайно в тексте подчеркивается возраст градоначальника («старик», «старец»). Рудименты указанных представлений содержатся и в традиционной политической культуре русских, как показывает Щедрин. Именно поэтому народ на начальном этапе поддерживает властителя, нарушающего сексуальные табу.

Только тогда, когда глуповцев постигает «несчастье» (засуха, голод, пожар), простодушные обыватели вспоминают, наконец, что существуют христианские нормы, регулирующие в том числе и сексуальное поведение властителей. Через мощный слой традиционной политической культуры прорываются, как бы «припоминаются» религиозно-политические представления, видимо, плохо прижившиеся, по мысли Щедрина, в русской культуре. Вот как звучит это у Щедрина: *Однако ж глуповцам это дело не прошло даром. Как и водится, бригадирские грехи прежде всего отразились на них. Все изменилось с этих пор в Глупове. Бригадир, в полном мундире, каждое утро бегал по лавкам и все тащил, все тащил. <...> Но этого мало: самая природа перестала быть благосклонною к глуповцам. «Новая сия Иезавель, – говорит об Аленке летописец, – навела на наш город сухость»* [Там же, с. 310]. Здесь срабатывает традиционная, характерная для политической культуры христианской России схема: народ отвечает за грехи «неправедного» царя в жизни, царь же за свои грехи ответит только перед Богом [10, с. 214–215].

Важно подчеркнуть парадоксальность описанной Щедриным ситуации: народ в данном случае действительно «отвечает» за грехи Правителя, в буквальном смысле этого слова. На народном собрании «излюбленных» старцев, т.е. лучших представителей народа, мудрейших старейшин, было дано разрешение Властителю на нарушение поведенческих табуиций, на сексуальное насилие. Так же легко, как головоотяпы отдали когда-то свою «волю» («Такали мы, такали, да и протакали» [8, с. 275]), глуповцы дают Властителю право на попрание моральных норм, своего рода «санкцию» на аморальность. Т.е. за аномальность и аморальность Власти несет ответственность народ. И тот же самый народ (демос) вдруг совершенно внезапно требует от Властителя ответа и ответственности.

Когда стало совсем тяжело и глуповцы начали «помирать», «церкви переполнились гробами, трупы же людей худородных валялись по улицам неприбранные» [Там же, с. 313], «обыватели» решились открыто обвинить Градоначальника: «А ведь это поди ты не ладно, бригадир, делаешь, что с мужней женой уводом живешь! – говорили они ему, – да и не затем ты сюда от начальства прислан, чтоб мы, сироты, за твою дурость напасти терпели!» [Там же, с. 311]. Это единственное место

в «Истории одного города», где отразились религиозно-политические представления о «праведном и неправедном царе». В Древней Руси считалось, что власть князя не абсолютна, а делегирована Богом «на жестких условиях, нарушение которых приводило к полному расподоблению властителя и Бога, к тому, что Бог отказывался от царя, осуждал и низвергал его» [10, с. 213]. Осуждения и низвержения своего «сластолюбивого» Властителя ждут и внезапно «прозревшие» глуповцы. Дожидаются они, как мы помним, только жестокой расправы. «Вышнее» начальство присылает в Глупов войска.

Отдельно отметим, что метафора «возлюбленного насильника» работает и в этой истории. «Порка» и «сечение» Аленки и Домашки оказывается непременным атрибутом «любовой игры» Властителя и необходимым этапом ухаживания до его переодевания в расшитый вицмундир и одаривания возлюбленных платками и помадами. «*Бригадировые шелера*» производят неизгладимое впечатление на «*заупрямившихся бабенок*» [8, с. 308, с. 321].

Салтыков-Щедрин приводит читателя к выводу, что в политической культуре русских не просто сохранились и живут, но первенствуют, имеют приоритетное значение «негласные законы», основанные на поведенческих пищевых и сексуальных табуициях, заложенных в традиционной политической культуре. Эти законы оказываются важнее и действеннее (живее) законов христианских и рационально-правовых. Законы нравственно-религиозные «припоминаются» только в минуты опасности, когда общество находится на грани катастрофы. Щедрин показывает русское общество как общество традиционное, в котором живы архаические представления, эксплуатируемые властью для легитимизации и удержания подвластных в подчинении.

Библиографический список

1. Абрамян А.А. Мифы о начале и проблемы первого табу // Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах. М., 1979.
2. Бочаров В.В. Истоки власти // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2 т. / Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 173–223.
3. Бочаров В.В. Политическая антропология // Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии: В 2 т. / Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 14–42.
4. Забелин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания и поэзия. М., 1990.
5. Макашин С.А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–60-х гг. Биография. М., 1972.

6. Россия глазами иностранцев XVIII в. Л., 1989.
7. Россия глазами иностранцев XV–XVII веков. Л., 1987.
8. Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. в 20 т. Т. 8. М., 1973.
9. Селиванова Л.Л. Инцест: табу и санкция // Власть, право, норма. Светское и сакральное в античном и средневековом мире. Ч. II. М., 2000. С. 156–170.
10. Успенский Б.А., Живов В.М. Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б.А. Избр. тр. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 205–337.
11. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии / Пер. с англ. 2-е изд. М., 1986.
12. Фрэйд З. Тотем и табу // Фрэйд З. Я и Оно. Труды разных лет. Кн. I. Тбилиси, 1991. С. 193–351.
13. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866.
14. Щедрина К.А. Царское счастье (архетипы и символы монархической государственности). М., 2006.
15. Щепанская Т.Б. Дискурсы российской власти: термины родства // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2 т. / Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 462–487.

З.Р. Аглеева

Фразеологизированные конструкции с компонентом «куда»

В статье представлены различные типы фразеологизированных конструкций с компонентом «куда», восходящие к придаточной части сложноподчиненного предложения. Выделяются и рассматриваются три группы фразеологизированных конструкций, фразеосхемы и фразеомодели с данным компонентом.

Ключевые слова: фразеологизированные конструкции, вербализация, универсальный, этноспецифический, пространственные отношения, постоянный и переменный члены-модели.

Среди фразеологизированных конструкций, генетически восходящих к придаточным частям сложноподчиненных предложений, остановимся на структурах с компонентом *куда*. Становление фразеологизированных конструкций с этим компонентом (в вариантах *куда*, *коуды*, *куды*, *кудѢ*) отражено уже в памятниках XIV в., в частности, в грамотах тех лет: А тии идуть ись Торъжку, *куда имь годно* (Дог. гр. Новг. с Мих. Яр. 1307 г.); Даль есмь имь свободу, *куда имь любо* (Дух. Ив. Ив. 1357–1359 гг.); *Куда* ходила коса и сѣкира (Новг. Дан. XIV–XV вв.); – А прокъ ихъ разбѣжеся, *коуды* кто видя (Новг. 1 л. 6736 г.); А свиньи ти, княже, гонити за шестьдесятъ верстъ около города; а въ тои шьстидесятъ Новгородцю гонити, князя докладая князя, а дале *куды кому годно* (Дог. гр. Новг. съ тв. Ал. Мих. 1325–1326 гг.); Даль есмь волю, *куды имь любо* (Дух. Сем. 1353); А *кудѢ* тѢ воеводы поѣдутъ, и прѣдъ ними бѣжатъ батожники (Копенг. сб. XVII в. Ив. Петл. въ Кит.); Азь же пришедь и со игуменомъ, не свѣдущю никому же, разглядавшя, *кудѢ* копати, и знаменавшя мѣсто, гдѣ копати кромѣ оустыя (Повесть временных лет 6599 г.); Разбѣжались, *кудѢ* кто *поспѣвъ* (Псков. 1 л. 6979 г.). В более поздний период

в Жалованной грамоте ярославского князя Федора Федоровича Толгскому монастырю встречаем параллельное употребление вариантов в разных формах: *Куды* топорь ходил, *куда* коса ходила (Жал. гр. Толг. мон. ок. 1400 г.). Уже в этот период наблюдается функционирование и ныне употребительной фразеологической единицы *куда* *удовно* (варианты с расширением количества компонентов *куда* *им* *удовно*, *куда* *кому* *удовно*) и устаревшей теперь фраземы *куда* (*куды*) (*имь*) *любо*.

Современные фразеологизированные конструкции с компонентом *куда* можно условно разделить на несколько групп. Конструкции первой группы включают компонент *куда*, сохранивший пространственную сему «в какое место, в какую сторону»: *куда* *птица* *не* *долетит*, *куда* *Макар* *телят* *не* *гонял*, *куда* *ворон* *костей* *не* *заносил*, *куда* *хватает* *глаз*, *куда* *короли* *пешком* *ходят*, *куда* *глаза* *глядят*, *куда* *ноги* (*очи*) *понесут*, *куда* *ни* *взгляни*, *куда* *надо* (*нужно*), *куда* *кривая* *вывезет*, *куда* *податься*, *куда* *следует*, *бог* *знает* *куда*, *куда* *леший* *сучки* *не* *залукнет*, *невесть* *куда* и т.п. В этих и подобных конструкциях *куда* выполняет роль пространственного ориентира и выступает в первичном значении: *Вот* *и* *пошли*: *шли*, *шли* *и* *пришли* *в* *ту* *сторону*, *куда* *ворон* *человеческих* *костей* *еще* *не* *заносил* (сказка «Фролка-сидень»); *Лошади-то* *останутся*, *а* *ты-то* *пойдешь* *себе*, *куда* *Макар* *телят* *не* *гонял* (А.И. Герцен). Фразеологические единицы *куда* *ворон* *костей* *не* *заносил*, *куда* *Макар* *телят* *не* *гонял* имеют значение «очень далеко, в самые отдаленные места».

Посредством синтаксической идиомы *куда* *глаза* *глядят* репрезентируется субконцепт «неизвестное направление» суперконцепта «пространство». Исходная модель – придаточная часть сложноподчиненного предложения – типична по наличию комплекса парадигматических и синтагматических характеристик, обладает категорией предикативности, обозначая ординарное диктумное событие. Процесс фразеологизации придаточной части связан с нейтрализацией компонентов интенционала семантической структуры. По данной модели созданы и конструкции *куда* *ноги* *несут*, *куда* *глаза* *поведут* (КОСТЫЛЕВ. *Так... Уходишь, говорят?* ЛУКА. *Пора...* КОСТЫЛЕВ. *Куда?* ЛУКА. *Куда* *глаза* *поведут* ... КОСТЫЛЕВ. *Бродяжничать* *значит...* *Неудобство, видно, имеешь на одном-то* *месте* *жить?* (М. Горький)), зафиксированная в «Истории о Казанском царстве» *куды* *очи* *несут*. Эти фразеологизированные конструкции совпадают в значении «идти, двигаться, не выбирая пути, без особого направления, куда попало». Несколько по-иному интерпретируется героем М. Горького единица *куда* *глаза* *поведут* – «*бродяжничать* *значит*».

Фразеологизированная конструкция *куда* *ни* *взгляни* имеет несколько параллельно функционирующих морфологических вариантов: *Все*

молчит, все дремлет, – в утреннем покое // Только ржи мелькает море золотое, // Да куда ни глянешь освеженным взором, // Отовсюду веет тишь и простором (А. Апухтин); *Куда ни взгляни, везде зелено...* (А. Чехов); *На всех лицах, куда ни взглянь, виден был праздник* (Н. Гоголь); *А куда ни взглянешь – звезды* (А. Ремизов). Особый интерес вызывают два варианта. В контексте М.Е. Салтыкова-Щедрина *Как тут остановить наплыв «лишнего» в партикулярном мире, когда в своей собственной цитадели, куда ни вскинь глазами, – везде лишнее и неподлежащее так и хлещет через край!* используется устаревшая форма: словосочетание *вскинь глазами* употреблено вместо глагола. Архаизирующийся вариант *куда ни кинь глаз* (*глаз* в значении «взгляд») представлен необычной формой управления. У А. Ремизова встречаем: *Ночь кипит, весенняя – распуцены темные косы. И куда ни пойдешь, и куда б ни взглянул, встретишь вестницу мая – печальную Вербу*. Рядом употреблены конструкции, которые в тождественной позиции имеют различную временную представленность. Различны и формы наклонения. Здесь налицо тот случай «переплетения временных планов, скольжения по временной оси», о котором упоминают О.А. Крылова и Е.Н. Ремчукова: «...в языке художественной литературы и, в частности, в поэтическом языке XX века, наблюдается смещение, смешение временных планов – прием, создающий полифоничность текста, о которой писал М. Бахтин» [1, с. 62].

Достаточно частотны фразеологические единицы *куда надо* (*нужно*) и *куда следует*. Во «Фразеологическом объяснительном словаре русского языка» под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского находим толкование: «*Куда надо* совет. эвф. В правоохранительные органы (обычно в НКВД, КГБ, ФСБ, прокуратуру, милицию), рассматриваемые как место, куда следует сообщать о беспорядках» [2, с. 327]. Пометки сов., эвф. обозначают, что фразеологическая единица возникла в годы советской власти и является эвфемизмом. А. Маринина подбирает и глагол-сопроводитель *стучать/настучать*, частотный в просторечном дискурсе, предполагающий сему «донести на кого-л.»: – *Странно, – рассмеялась она, когда они с Григорием отошли от гостиницы на пару кварталов, – я была уверена, что твоя дежурная по этажу сразу же стукнула, куда надо, что ее постылец привел к себе иностранную гражданку, и меня ждала проверка документов. Оказывается, я ничего не понимаю в людях*. Материалы картотеки позволяют сделать выводы о том, что в значении «в кутузку, в тюрьму, в места ссылки, заключения» данная конструкция, как и *куда следует*, употреблялась достаточно широко и в царской России: – *Господа! Разъясните полисменам новый закон: «Всякого слепца, который шатается без толку по улице, мешая экипажному и пешему движению, – хватать*

и тащить куда следует». – Что значит «куда следует»? – спрашивали потом сержанты друг у друга (А. Аверченко). При этом и значение ее, и сфера употребления значительно шире, чем указанные в словарях. *Куда следует* и *куда надо* – это еще и просто органы власти (Сколько предательства было совершено во имя книги и в связи с *Ней!* Она была орудием шантажа («Если эта ваша моя бывшая жена Соня не разменяет квартиру, я сообщу куда следует, какие книги У ВАС в доме»), объектом наглого присвоения..., а также книга являлась той формой собственности, которую не грех было «увести» или просто не вернуть (Л. Петрушевская)), и место поселения, ссылки (*И вот Юзик уже медалист школы! Вот он уже студент! Вот он уже защищает кандидатскую диссертацию, и, следуя по папиному крамольному пути, доказывает, что рукописи Ивана Грозного – поддельные! Теперь уж его берут под белые ручки и везут, куда надо, на этот раз недалеко, с небольшими тратами. Поручают ему нарубить лес на Вологодчине, неподалеку от села под названием Ярцево* (В. Астафьев)). М. Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» употребляет эти конструкции и в прямом значении (– *Турникет ищете, гражданин? – треснувшим тенором осведомился клетчатый тип, – сюда пожалуйста! Прямо, и выйдете куда надо. Маргарита открыла дверь на лестницу и проверила, тут ли карточка. Карточка была на месте, Маргарита попала туда, куда нужно было*), и во фразеологическом (*Ничего нет проще, как переслать ваше заявление куда следует, и если, как вы полагаете, мы имеем дело с преступником, все это выяснится очень скоро*). Отличительной особенностью конструкции является то, что эллиптируется часть, имеющая значение «отправить, выслать, отвести и т.д.» и восстанавливается она в зависимости от предыдущего контекста. Допустимы две семантические группы: кроме названной выше, возможны глаголы с семой «сообщение». Имплицитно глаголы этих двух групп взаимосвязаны, т.к. предполагается наличие общей семы. По существу, это редуцированные тавтологические модели, где эллиптируется инфинитив: *сволокли, куда надо сволоочь; проще переслать, куда следует переслать; отправить, куда следует отправить; выслать, куда следует выслать; сдать, куда следует сдать; отвести, куда следует отвести*. Интересно, что и в прямом значении эллиптируются глаголы в форме инфинитива *попала туда, куда нужно было попасть; выйдете* (в значении «попадете»), *куда надо выйти*. Но большая часть терпеливо и честно несла крест, толклась возле машин, обещая писать подругам без передыху письма и непременно приехать, куда надо, в качестве мужа; Я уговорил его не вмешиваться в мои действия, исполнять мои команды, не перечить ни в чем, убеждал, что река умнее нас, сама несет куда надо (В. Астафьев).

Вторая группа включает амбивалентные единицы, в которых компонент *куда* может выступать как в прямом (пространственно-местном значении), так и в переносном значении (*куда деваться, куда денешься, кто куда, хоть куда, куда (уж) дальше* и т.п.). Этот процесс связан с глубокими когнитивными изменениями. Утрачивая значение пространственного ориентира, местоименное наречие *куда* меняет частеречную принадлежность (переходит в частицу) и выражает модально-оценочное значение. Так, в паре *хоть куда* в прямом значении и в качестве редуцированной фразеосинтаксической идиомы сталкиваемся с переходом пространственных отношений в атрибутивно-предикативные с дополнительным оттенком оценочности, что объяснимо с когнитивной точки зрения. Рассмотрим этапы этого перехода: *готов уехать хоть куда (куда угодно)* → (с тобой) *хоть куда (хоть на край света)* (*В ту же минуту он предлагал вам ехать куда угодно, хоть на край света, войти в какое хотите предприятие, менять все, что ни на есть, на все, что хотите* (Н. Гоголь)). В данных языковых единицах довольно часто имплицитно присутствует сема оценочности (положительной оценки, выделения из группы): *готов хоть куда, хоть на край света* не с каждым, не с любым, а только с дорогим, близким или очень хорошим. Полный вариант с глаголом движения (перемещения) объективирует типичные пространственные отношения (хотя возможно и наличие причины, побудившей ехать, бежать, уйти, уехать). Редуцированный вариант постепенно утрачивает сему пространственности / движения и приобретает оттенок значения «готов на все, на многое». *Хоть куда*¹ (первичное значение) → *хоть куда*² (непрямое значение) → *хоть куда*³ (фразеосинтаксическая идиома). Дифференциальная сема Д1 «хороший» служит интенсификатором (средством усиления) значения и входит в семантическую структуру фразеологизированной конструкции в виде коннотативной семы К1 – «высокого качества, высшей степени», «отличный, очень хороший»: *Однако же, я не вижу в нем ничего художого: парень хоть куда* (Н. Гоголь); *Словом, Теркин, тот, который // На войне лихой солдат, // На гулянке гость не лишний, // На работе хоть куда* (А. Твардовский). Причем признаком, соответствующим значению «отличный, очень хороший», могут характеризоваться и неодушевленные предметы: *Все хорошо, не правда ль, обошлось? И свадьба хоть куда* (А. Пушкин). В качестве фразеосинтаксической идиомы *хоть куда*³ может замещать в предложениях-высказываниях и позицию обстоятельства, обладая значением «очень хорошо, отлично (делать что-либо)»: – *Да!* – *сказал он с веселым видом. – Я воюю хоть куда* (А. Пушкин).

Третью группу составляют фразеологические единицы, потерявшие сему локативности и употребляющиеся в значении «очень» (например,

куда как: Куда как чуден создан свет! пофилософствуй, ум вскружится (А. Грибоедов). *Куда как воспитан!*

Особое место занимает группа, представляющая собой фразеосхемы, в том числе и коммуникемы. Д.Н. Шмелев, анализируя фразеомодели и фразеосхемы, обращал внимание на своеобразную роль местоименных наречий, которые теряют первичное значение и выступают в новой для себя функции: «В отличие от “свободных” синтаксических конструкций, в которых реализуется независимое и прямое значение входящих в них слов и грамматических форм, рассматриваемые конструкции строятся по определенной фразеологической схеме. Значения опорных слов данной фразеосхемы оказываются сдвинутыми» [3, с. 133].

Союз-частица *куда* входит как постоянный компонент в свободные/несвободные синтаксические конструкции, в лексические фразеологизмы и т.д., поэтому нередко трудно определить статус языковой единицы с данной лексемой. На необходимость различать сходные языковые явления обращали внимание многие лингвисты. Омонимичны, а потому требуют особого внимания при определении коммуникемы и языковые единицы, являющиеся их непосредственной производящей базой. Так, синтаксическая конструкция «Куда (+ там / ему ...) + V inf» (разг.) стала непосредственной производящей базой коммуникемы *Куда (-ы) <уж> там!* Союз-частица *куда* придает отрицательный характер всему предложению, нередко меняя значение конструкции на противоположное (*Куда там в гости! Отъездили уже; Куда мультик смотреть! Спать пора!*). Коммуникема *Куда (-ы) <уж> там!* приобретает значение «выражение подчеркнутого отрицания, несогласия, опровержения иногда в сочетании с иронией, возмущением и т.п.»: (*Я засомневался: – Нет. Куда там влятером с дружиной тягаться! – Зачем же тягаться, – сказал Данило, – приглядеть только* (А. Белов); *Какая выдержка! Какой героизм! – воскликнул потрясенный Эраст Петрович. – Куда там спартанскому мальчику с его лисенком!* (Б. Акунин); *– Ну?! Порядочно. Как говорится: старость не радость. Небось, и женишка уже припаса? – Куда там! Глубокая морщина сразу выползла откуда-то на ее безмятежный лоб). Разве теперь можно обзаводиться семьей? Все так дорого* (А. Аверченко). Примеры включают лексемы, вербализующие эмоции (сомнение, огорчение, потрясение). Коммуникемы, будучи явлением живой речи, употребляются главным образом в монологической речи при подтверждении или отрицании высказанного, в ответных репликах диалога. Конкретное значение языковой единицы и ее статус в языке могут быть установлены только в дискурсе. Так, представленные контексты из иронических детективов Д. Донцовой позволяют сделать вывод о том, что

конструкция *куда там!* является фраземой со значением «как бы не так», «вовсе нет», а не омонимичной коммуникемой: *Их свадьба была, можно сказать, нашей последней надеждой. Ведь после того как погибли барон и баронесса, мы старались заменить родителей! Да куда там. Никого не слушал; – Может, она полюбила дочку, – предположила я, – такое случается даже с маргиналами. – Куда там, – отмахнулась Зина.*

Подобного рода конструкции имеют достаточно широкий диапазон оттенков, остановимся на некоторых из них. На первый взгляд, в контексте М. Горького (*Акулина Ивановна, сделай милость, пройдишь разок! ... Утешь! – Что ты, свет, что ты, сударь Григорий Иванович? – посмеиваясь и поеживаясь, говорила бабушка. – Куда уж мне плясать? Людей смешишь только...*) фразеосхема предполагает неуместность действия (в данном случае – танца), но приведенное описание танца доказывает обратное: бабушка прекрасно понимает свои возможности, знает, на что она способна, но тем не менее отнекивается, используя расхожую фразу, которая чаще всего звучит из уст стариков, неудачников или людей, критически оценивающих все вокруг происходящее. Фразеосхема может иметь при себе и элемент сравнения, сопоставления порой разноплановых явлений, выявление преимущества одного лица (предмета) перед другим: *Война, пожалуй, самый доходный бизнес, куда там наркотикам и нефти...* (Т. Устинова); *Клавиатура у Разлогова всегда валялась отдельно от монитора, и, чтобы напечатать что-нибудь, он долго и бестолково ее искал, зато уж печатал, как из пулемета по врагам строчил, куда там секретарше Варе!* (Т. Устинова); *А надо еще дочь в люди вывести – у нее сегодня выпускной утренник в школе, формочку шерстяную наденет, в кудри белый бант вплетет, чулочки капроновые натянет да как пойдет!.. Куда там приедем стилижкам! Не нарядом – крепкой сибирской натурой их расшибает Тайка* (В. Астафьев). В подобных предложениях-высказываниях обязателен субъект, представленный существительным или местоимением в форме дательного падежа. В роли субъекта может выступать неодушевленное существительное (*наркотикам и нефти*).

В отдельных случаях данная конструкция употребляется для усиления отрицания, причем повтор лексемы, обозначающей отрицаемое действие или состояние, может быть представлен эксплицитно или легко восстанавливаться из контекста: *Глафира глубоко вдохнула и выдохнула. Зачем Андрей принес его сюда, да еще забыл на самом видном месте?! Он же знает, что ей ...неприятно. Куда там «неприятно»! Она эти фотографии видеть не может! И не хочет! И не будет на них смотреть!; Отдохнуть? Куда там! Мировой бизнес рухнет, финансовые рынки встанут, банки обанкротятся – все работает, пока шеф на месте.* (Т. Устинова).

Сомнение в своих возможностях, неверие в себя транслируются формой местоимения первого лица: – *Да, прекрасно, – говорил он, вдумываясь в назначение профессора. – ...Сколько и самому для себя занятий, сколько средств: библиотека, живые толки с братьями, можно потом за границу, в Германию, в Кембридж... в Эдинбург, – одушевляясь, прибавлял он, – познакомиться, потом переписываться... Да нет, куда мне! – прибавлял он, отрезываясь, – профессор обязан другими обязанностями, он в советах, его зовут на экзамены ... Речь на акте надо читать ... Я потеряюсь, куда мне! Нет, буду учителем в провинции!* (И. Гончаров). В употребленных в этих предложениях конструкциях присутствует и сема «самоуничужение», иногда и нарочитое.

Когда речь идет о постороннем человеке, помимо выражения сомнения, может присутствовать и пренебрежительная оценка: – *Поди-ка на цыпочках, тихохонько, посмотри, спит ли Сашенька? – сказала она. – Он, мой голубчик, проспит, пожалуй, и последний денек: так и не нагляжусь на него. Да нет, куда тебе! Ты того и гляди, влезешь как корова! Я лучше сама* (И. Гончаров); *Тетушка Татьяна Степановна прибавила, что куда ей, деревенщине, соваться в такой богатый и модный дом, с утра до вечера набитый гостями, и что у ней теперь не веселье на уме* (С. Аксаков). Обратим внимание на слова эмоциональной оценки: *как корова, деревенщина*.

О десемантизации значений местоименных наречий, синонимии или тождественности модальных значений, приобретенных ими в результате фразеологизации, говорит и тот факт, что они могут быть взаимозаменяемыми или употребляться в одном контексте: *Мария Тимофеевна весело, с прибаутками рассказывала о чем-то отцу Сисюю, а этот угрюмо, недовольным голосом отвечал: «Ну их! Где уж! Куда там!»* (А. Чехов). Замена одного из этих наречий другим не влияет на общий характер предложения, хотя каждое из них придает высказыванию несколько особую смысловую окраску. Нивелировка смысла еще в большей степени наглядна при рассмотрении следующего контекста: *Тетка продолжала вещать дальше, но Жанне надоела дурацкая история, она швырнула трубку, не забыв отключить ее от сети, и попыталась заснуть. Куда там, Морфей. Злая на весь свет, Жанна сначала пошла пить кофе* (Д. Донцова). *Куда там* в этой конституации соответствует *Какой там сон!* (никакого сна).

Отметим случаи, когда анализируемая конструкция семантически тождественна противительным союзам *но, однако*, частице *не* или совпадает по значению со словом *нет* (*Пить мне захотелось еще больше, я схватила «Речную», попыталась отвинтить крышечку. Куда там, она была прикручена насмерть* (Д. Донцова); – *У него с этими*

секретаршами серьезно? – Да куда там! – Ворон почуял, что гроза миновала, и слегка приободрился. – Ничего серьезного (А. Маринина) (Да куда там! соответствует нет, конечно; ну что ты!). При наличии в контексте слова-предложения *нет* эта конструкция усиливает отрицание и тождественна по значению *ну что ты*: *Так ты, если себя цивилизованным считаешь, возьми шаньпанского и со своей благоверной супружницей на брудершафт распей. Ан нет! Куда там (В. Абрамов).* Таким образом, все названные выше случаи можно объединить когнитивной ситуацией: выражение отрицания, недоверия к сказанному, сделанному или к чьим-либо возможностям.

Компонент *куда* может включаться в различные модели. Частотна модель «*куда* + наречие в сравнительной степени»: *Похоже, в эдинбургском Дозоре куда шире использовали труд наемных людей, чем это принято у нас. Мы быстро выехали из туристического центра и покатали куда-то в сторону залива; Светлана покачала головой и укоризненно посмотрела на меня. Я развел руками – да, виноват, зря встрял. Мама выспросила бы куда больше... (С. Лукьяненко).*

Эта константа может входить и в модель «*куда* + прилагательное в сравнительной степени»: *Не такой уж он и безмозглый. Куда глупее я, ударивший знаком смерти существо, которое и так не является живым; Вторая заметка была куда подробнее. Про «технические неполадки» уже не было ни слова. Текст был немножко суховатым, даже педантичным (С. Лукьяненко).*

Приводимые ниже иллюстрации включают несколько видоизмененный вариант модели – введение еще одной константы (сравнительного союза *чем*) – «*куда* + прилагательное в сравнительной степени + *чем*», «*куда* + наречие в сравнительной степени + *чем*»: *Сегодня русский улыбнется, а европеец политкорректно промолчит, услышав от азиата, что его предки были русыми и голубоглазыми. Но в этих словах куда больше правды, чем кажется нашим современникам; На самом деле даже без инициации, без первого входа в Сумрак, Иной способен куда на большее, чем простой человек. А с Егором все еще сложнее. В детстве он входил в Сумрак (С. Лукьяненко).* Позиция переменного компаратива может замещаться словосочетанием «прилагательное в сравнительной степени + существительное в родительном падеже + *чем*».

Постоянный член модели может иметь при себе факультативный элемент *ж (же)*: *Как мне показалось, выглядели они на свой реальный возраст, то есть на двадцать–тридцать лет. ... в ташкентском Дозоре, по словам Алишера, сотрудники моложе. Это куда ж еще моложе, школьников, что ли, на работу берут? (С. Лукьяненко).*

При невозможности образования простой сравнительной степени в состав модели вводятся прилагательное или наречие в форме составной сравнительной степени. И аналитическая, и синтетическая формы степени сравнения одинаково возможны, но отличаются частотностью употребления. – *Вероятно, нет, сэр, – согласился Пападаполус куда более мирно. Он распознал за враждебностью офицера АЗА измотанность и боль; Они могут позволить себе для затравки потерять пару боевых эскадр. Все равно, потом хевениты способны причинить нам куда больший ущерб* (Д. Вебер). С подобным сталкиваемся и при наличии соотносительного слова чем: – *Очень хорошо, мистер Маккеон. Уверена, что отрываю вас от дел куда более важных, чем разговоры со мной. Мой багаж уже доставили?* (Д. Вебер).

Заметим, что в качестве разновидности может выступать конструкция, в которой меняется не только значение модели, но и вид подчинительной связи – это происходит в случае дистантного расположения предлога и имени существительного, «разорванных» моделью: *Масса беглеца подразумевает больший размер поля компенсатора и, следовательно, меньшую, чем у «Бесстрашного», возможность разгона, но грузовое судно разрушится и от куда меньшего ускорения; Либералы были так озабочены тем, чтобы не позволять Манतिकоре «эксплуатировать несчастных туземцев», что оставили даже не лазейку, а двери настежь для куда менее принципиального народа* (Д. Вебер).

Модель может замещать синтаксическую позицию любого члена предложения, в том числе и главного: *Успокойся. Сейчас куда важнее схватить нежить* (С. Лукьяненко); *Он подошел к столу Каннинга и склонился над развернутым планом местности. Бумажная карта куда менее подробна и проста в обращении по сравнению с голографической – зато она не значится в электронной базе консульства* (Д. Вебер). Модель может выступать в качестве главной части сложноподчиненного предложения: *На Востоке, знаешь ли, сила и деньги – не главное. Куда важнее, чтобы за тебя поручился кто-то свой* (С. Лукьяненко).

В большинстве приведенных иллюстраций исходное наречное местоимение куда, перейдя в разряд частиц, является своего рода фразеологизированным средством выражения компаративности, оно чаще всего имеет значение «более». Несколько особняком стоят предложения, в которых константа куда лишена своих значений (не имеет семы «пространство» или «более»), семантически опустошена и может быть опущена без потери общего значения: *Повели его под конвоем, так как смущенный сантехник выражал желание сбежать куда подальше от наших телевизионных дел* (Е. Логунова).

В материалах нашей картотеки встречаются и случаи, когда компонент *куда* выполняет роль противительного союза или имеет синкретическое значение, когда накладываются, например, семы противительности и интенсивности или темпоральности: – *Здесь не меньше месяца никто не живет, – согласился я. ...– Не месяц, куда дольше. Хозяин отсутствовал как бы не с самой зимы* (С. Лукьяненко). (*Куда* совмещает значения: *куда* равно «а», «значительно», «намного», сема темпоральности *куда* усиливается темпоральным конкретизатором словосочетанием *как бы не с самой зимы*).

Коннотативная функция компонента *куда* наиболее наглядна в конструкциях, в которые им привносится экспрессивность (ср.: *более выгодно – выгоднее – значительно выгоднее – куда выгоднее*). Одновременно введение данного компонента снижает стиль высказывания. Частотность употребления рядом компонента *куда* и аналитических форм более/мнее – больше/меньше подтверждает семантическую опустошенность компонента *куда*: *Более того, планета лежит в трех световых минутах от предполагаемого внутреннего кольца модулей, а у наших бортовых сенсоров куда более широкий радиус действия, чем у модульных; Дама Этель слегка опустила спинку кресла и сложила руки на коленях. Голос ее стал куда менее настороженным; Нимиц на секунду перестал хрустеть сельдереем, а затем продолжил с куда меньшим удовольствием* (Д. Вебер).

Итак, фразеосинтаксические конструкции, в состав которых входит компонент *куда*, очень часто экспрессивно окрашены. Нередко трудно определить частеречную принадлежность компонента, тип конструкции (частотна функциональная ономимия), оттенки значения и т.п. Интересны эти языковые единицы и в сопоставительном плане, что поможет выявить степень их универсальности или этноспецифичности.

Библиографический список

1. Крылова О.А., Ремчукова Е.Н. Вариативность грамматических форм как источник текстовой экспрессии // Филологические науки. 2001. № 2. С. 57–64.
2. Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М., 2007.
3. Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказываний в современном русском языке. М., 1976.

Л.П. Амири

Словообразовательная игра: к вопросу о количественном соотношении окказиональных существительных, прилагательных и глаголов в текстах рекламного дискурса

Статья посвящена анализу словообразовательной игры в языке рекламы на примере окказиональных существительных, прилагательных и глаголов (большая часть из которых представлена существительными, что объясняется тем, что именно они являются самой неогенной частью языка). Как показывает анализ материала, все игровые новообразования имеют свои отличительные частеречные характеристики и количественное соотношение в языке рекламы. Однако создание любого из них может сопровождаться другими разновидностями языковой игры.

Ключевые слова: язык рекламы, словообразовательная игра, аналогическое и чересступенчатое словообразование, окказионализм.

Словообразовательная игра является одной из наиболее интересных разновидностей языковой игры в языке рекламы. Будучи достаточно хорошо изученной на материале различных жанров [8; 10; 13], она продолжает привлекать внимание исследователей. Для рекламистов привлекательность словообразовательной игры заключается в возможности создания окказионализма, чья семантика построена на ряде ассоциаций со словом или словами, являющихся основой для его создания, и обладающего ореолом новизны, которая «опирается преимущественно на признак известности / неизвестности носителю языка какой-либо языковой единицы, на степень ее употребительности, на вхождение в активный или пассивный запас языка» [12, с. 7]. Цель статьи – рассмотреть соотношение окказиональных существительных, прилагательных и глаголов и выделить их особенности на примере доступных нам рекламных текстов. Следует отметить, что мы понимаем словообразовательную игру в широком смысле этого слова и относим к ней все окказионализмы в рекламном тексте, имеющие как письменную, так и устную реализацию, независимо от способа образования.

Общеизвестно, что имена существительные в русском языке являются самой неогенной частью речи, это же можно сказать и о языке СМИ [9].

В языке рекламы окказиональные существительные встречаются достаточно часто и представляют одну из самых многочисленных групп инноваций. Существительные могут быть мотивированы как собственным существительным: *МакЗавтрак в McDonalds. Не просни настроение!* (рекламная кампания сети «Макдоналдс»), ср.: *МакЗавтрак – Макдоналдс*; *Мотоприкол* (реклама телефона «Моторола V600»), ср.: *Мотоприкол – Моторола*, так и нарицательным существительным: *Телеторрия семьи* (реклама программы передач «Телегид панорама ТВ»), ср.: *телеторрия – территория*. Можно выделить две группы существительных:

1) существительные собственные: *Пиколенд ждет тебя!* (реклама препарата «Пиковит»);

2) существительные нарицательные:

– отвлеченные: *Строймаркету Миллениум 1 год. 1–21 марта грандиозный ценопад!* (реклама строймаркета «Миллениум»);

– конкретные: *Современный лазерописец (еще их называют лазерными принтерами)* (реклама принтера), ср.: *лазерописец – самописец*.

Что касается характера субстантивного словообразования, то достаточно распространенным в языке рекламы является аналогическое словообразование: *ТАКСОФОНия. Покупай и обменивай таксофонные карты и тебе повезет!* (акция телефонной кампании), ср.: *телефония – таксофония*; *Елочные хитушки в Ростове* (реклама акции на радио «Хит FM»), ср.: *частушки – хитушки*. Русское слово *частушка* является производным «от несохранившегося *частуха* (см. частый). Первонач. – то, что часто повторяют» [14, с. 318]. А *хитушки* (в ед.ч. *хитушка*) также является производным от заимствованного английского слова *hit*. Данный прием известен как «образование слов по конкретному образцу» [7, с. 194], или как «предсказамус-прием» [10, с. 192]. В рекламе встречается чересступенчатое словообразование: *Согревашки. Обогреватели и тепловентиляторы 40 моделей от 499 рублей* (реклама магазина). Здесь имеет место совмещение аналогического и чересступенчатого словообразования, ср.: *открывашка – согревашка; согреть – (согревалка) – согревашка*.

Префиксально-суффиксальное словообразование в существительных представлено иноязычными элементами, например: *мега-, супер-, гипер-, -ленд, -мания, -терапия*, некоторые из которых и в родном языке могут являться компонентами сложных слов. *Суперцены в честь открытия!* (реклама магазина); *Очковые линзы по суперцене* (реклама салона оптики). *Мегараспродажа в концептуальных магазинах Adidas и Top-Sport с 15 декабря* (реклама магазинов одежды). *Пять гипербаксов* (реклама гипермаркета связи). *К нам едет Пиколенд!* (рекламная акция

«Пиковит»). *Подаркомания и скидкомания* (реклама магазина электроники и бытовой техники); *Пепсимания* (рекламная кампания «Пепси»); *Синемания круглый год* (реклама абонемента в кинотеатр); *Танцемания* (реклама танцевальной школы); *Танцомания* (реклама вечеринки в ночном клубе); *Шоколадомания* (реклама шоколада). Сегмент *-мания* является одним из излюбленных строительных элементов. Так, резкие изменения курса доллара и евро породили слова *долларомания* и *евромания*, а смерть Майкла Джексона – *джексомания*. Данный сегмент может встречаться в своей первоначальной графической форме *-mania*: *Ролл Калифорния с лососем Калифорнитания только до конца апреля* (реклама суши-бара). *Блинотерапия и кальянотерапия* (реклама кафе); *Шоколотерапия – твой ответ напрягу!* (реклама шоколадного батончика «Шок»). *Лучшее кофе в нашем кофехаусе* (реклама кофейни), *Кеббабхаус – лучшее не бывает* (реклама предприятия общественного питания под одноименным названием). Если слово кофехаус является калькой англ. слова *coffee-house*, то слово *кеббабхаус* является производным от заимств. *кафехаус*. Здесь очевидно влияние такой тенденции, как мода на английский язык в российском бизнесе, как и то, что под названием «Кофе Хауз» на рынок вышла сеть кофеен. Возможно, их название и послужило толчком для данного примера словообразования. «Словообразовательный аффикс сам по себе не может быть вычленен из заимствованных слов, если в нем не вычленена образующая основа, не только формально, но и семантически. Для активизации чуждого аффикса необходимо, чтобы на новую почву заимствующего языка были перенесены не изолированные слова, а производные вместе с производящими, что составляет основу для проявления словообразовательной модели» [2, с. 238]. Такие строительные элементы, как *супер-*, *-ленд*, *-мания*, *-терапия*, *-хаус* занимают промежуточное положение между корневыми (лексическими) и аффиксальными (служебными) морфемами и являются аффиксоидами – морфемами, «которые регулярно встречаются в составе сложных слов и по своему значению синонимичны словообразующим приставкам или суффиксам. В то же время они могут выступать в качестве самостоятельных корневых морфем в других словах... К аффиксоидам относятся префиксоиды *авто-*, *аэро-*, *аква-*, *сверх-* и др. и суффиксоиды *-лог*, *-вед*, *-вод*, *-ведени(е)*, *-знан(ие)*, *-видн(ый)*, *-образн(ый)* и др.» [4, с. 20].

В языке рекламы можно выделить существительные с аффиксом *-инг*, используемого для создания инноваций со словообразовательным значением «действие или понятие, связанное с производящей основой слова» (*скидкинг*, *халявинг*, *покуппинг*, *товарринг*, *подарринг*): *Семейный скидкинг* (реклама тарифа сотового оператора); *Скидкинг 30% распродажа*

(реклама супермаркета); *Халявинг 30% распродажа* (реклама магазина); *Лайт покуппинг! Биг товарринг! Гуд подарринг!* (реклама супермаркета); *Испытай себя! Незабываемый джиппинг* (реклама услуг туристической фирмы). По мнению Е.А. Земской, «изменение словарного состава языка, пополнение его новыми словами (русскими и заимствованными) приводит к активизации отдельных элементов слова, приобретающих на наших глазах статус аффиксов. Таковы в русском языке элементы *-дром, -тека, -визор, -мобиль, -бус, -трон* и некоторые другие...» [7, с. 125]. Суффикс *-инг* был продуктивным для образования существительных еще в древнеанглийском языке [3, с. 180]. В русском языке заимствованные слова на *-инг* являются очень популярными: *лизинг, мониторинг, рейтинг, паркинг, керлинг, брендинг* и т.д. Ведь если язык заимствует слова, морфологически членимые в языке-источнике и принадлежащие к одному словообразовательному типу, то «при определенной типологической близости языков весьма вероятно, что и носителями заимствующего языка эти слова будут осознаны не как монолиты, но как слова, распадающиеся на части» [5, с. 18]. Появление слов на *-инг* объясняет создание неологизма *джиппинг* – прогулка по горной реке на джипе или на другом виде техники. Слово *джиппинг* является именно русским неологизмом, а не заимствованием: хотя в английском языке есть глагол *jeep* – ездить, передвигаться на джипе, там отсутствует существительное *jeeping*. Все новообразования на *-инг* образованы по одной модели с заимствованным существительным *шоппинг*, ср.: англ. *shopping*, созданное по продуктивной для англ. языка модели V + *-ing* (глагол + суффикс *-ing*), т.е. созданы по модели «производящая основа + суффикс *-инг*». Слова *скидка, халява, покупка, подарок, товар, джип* являются существительными и только *халява, покупка и подарок* имеют однокоренные глагольные формы – *халявить, покупать, подарить*. Несмотря на то, что за основу образования окказионализмов *скидкинг, халявинг, покуппинг, товарринг, подарринг, джиппинг* взято слово *shopping*, наполнение этой модели происходит по-другому, мы имеем дело не с английской моделью V + *-ing*, а с русской моделью «существительное + *-инг*». Во всех словах соблюдается важное условие для становления структурного элемента в качестве самостоятельной морфемы слова, а именно – наличие производящей основы. Позволим предположить, что имеет место активизация английского суффикса *-ing* в качестве русского суффикса *-инг*. В словах *покуппинг, товарринг, подарринг* чувствуется влияние английской традиции. Так, в английском языке при присоединении суффикса *-ing* к производящей основе происходит удвоение последней согласной производящей основы.

Также в языке рекламы встречаются существительные, созданные с использованием строительного элемента *-off*: *OFF! Лето без КомарOff* (реклама крема от комаров «OFF!»). Когда мы видим *КомарOff* в первый раз, то у нас возникает ассоциация с такими марками как *Davidoff*, *Smirnoff*, *Nemiroff* и т.п., которые представляют собой французское написание фамилий. Однако при дальнейшем рассмотрении видно, что сегмент *-off* вносит свой вклад в формирование значения слова, например: *КомарOff – Комары прочь!* (по аналогии с выражением *be off! – убирайтесь прочь!*). Здесь сегмент *off* является наречием. В английском языке наречие *off* обычно стоит после глагола, имеет разные значения и указывает на удаление от чего-либо. Т.о., имеет место утрата словом статуса самостоятельного слова с сохранением его семантического значения, т.е. английское слово становится зависимым сегментом в русском языке. Пример *Postoff – доставка: доставка грузов до 1,5 т. по городу от 250 руб./час* (реклама службы доставки) также построен на ассоциации с названиями брендов, ср.: *Davidoff*, *Smirnoff*, *Nemiroff*, но нельзя игнорировать и тот факт, что здесь обыгрывание значения наречия *off* является достаточно уместным.

При создании существительного средством актуализации для привлечения внимания может быть прецедентная ситуация, усиленная использованием графических средств, например – капитализацией: *РАЗпродажа – ДВАпродажа!* (реклама компании по продаже бытовой техники), ср.: *Раз, два, три! Продано!*; *ХОТ или неХОТ ВХОТ СО ТВОРА ХОТЕЛЬНАЯ* (реклама тарифа «Хот» оператора сотовой связи), ср.: «Быть или не быть? Вот в чем вопрос». В интерпретации примера свою роль играет и то, что звуковая форма слова *хот* соответствует англ. *hot* – «горячий, жаркий», сленг. «модный, пользующийся успехом, имеющий спрос».

Особый интерес представляют примеры словообразовательной игры с псевдомотивацией: *Real-гипермаркет – тотальная Реал-изация* (реклама гипермаркета «Real»). Здесь имеет место игра с внутренней формой, слово *реализация* в этом контексте подразумевает реализацию товаров гипермаркетом «Real».

Отдельно следует отметить примеры словообразовательной игры с элементами фонетической игры: *Ах, какая дэушка!* (реклама автомобиля «Дэу»). В целях достижения игрового эффекта на базе существительного может иметь место совмещение элементов фонетической игры и смешение кириллицы и латиницы: *УдоVOLVOствие* (реклама автомобиля «Volvo»); *Трансфипмация* (реклама пива «Tuborg»), *Вишня в шоколадной глазури «Сокровища NUTции»* (реклама конфет). В первом примере словообразовательная игра основана на использовании названия марки машины «Вольво», а во втором – на том, что в создании слова

трансфинмация используется англ. слово *fun* – *веселье, забава*, что придает тексту дополнительные коннотации. Последний пример интересен тем, что на базе слова *НУТции* имеет место совмещение сразу нескольких видов языковой игры: словообразовательной, графической, фонетической игры и игры с прецедентными феноменами, ср.: название фильма «Сокровище нации».

Если существительные являются самой многочисленной группой в языке рекламы [1], то вторая по многочисленности – группа прилагательных. Е.А.Земская говорит о том, что «в производстве имен прилагательных связь язык – современность обнаруживается не столь непосредственно. Прилагательные образуются не столь активно, как существительные. И это вполне естественно. Мир предметов все время пополняется новыми обозначениями, тогда как мир признаков не растет быстро» [6, с. 124]. Именно прилагательные помогают нам выделить тот или иной товар или услугу из ряда им подобных. Употребление прилагательных в рекламных текстах может носить несколько иной характер. Его значение может заключаться не только в признаке самого предмета, но и в выстраивании определенной ассоциации товара с той или иной качественной характеристикой, необязательно имеющей прямое отношение к рекламируемому товару или услуге.

На сегодняшний день в создании прилагательных в языке рекламы можно выделить группу наиболее часто встречаемых строительных элементов префиксального способа образования. *мега-*: *Мегаклассная вечеринка в нашем клубе* (реклама тематической вечеринки в ночном клубе); *супер-*: *Супертюнингванный автомобиль* (реклама автоцентра), *гипер-*: *Гиперскоростной интернет* (реклама интернет-связи); *ультра-*: *Ультераудлиняющая тушь для ресниц Coup de Théâtre! Театр одного взгляда с эффектом накладных ресниц!* (реклама туши); *мульти-*: *Мультибрендовый магазин посуды* (реклама магазина). Данные префиксы являются одними из самых продуктивных. Практически все они синонимичны, за исключением префикса *мульти-*. Префиксы *мега-*, *супер-*, *гипер-*, *ультра-* обозначают разные градации наречия *очень*, например, *мега-* имеет значение *чрезвычайно, в высшей степени*. Конечно, они не являются абсолютно новыми для русского языка, но в свое время они употреблялись в основном в профессиональной лексике, а словари регламентировали их употребление рядом правил [11]. В рекламной коммуникации нет правил, регламентирующих употребление таких префиксов, как *супер-* или *мега-*, здесь главным всегда будет привлечение внимание к товару.

Что касается особенностей создания прилагательного, то оно может быть мотивировано как нарицательным именем существительным,

являющимся наименованием рекламируемой продукции: *Самые пельменистые пельмени в мире!* (реклама продуктовой фирмы); *«Елочные хитышки в Ростове» будни с 14.15 до 15.00 и тогда забирай свой подарок от ХИТового Деда Мороза* (реклама новогодней акции на радио «Хит FM»), так и собственным, являющимся рекламным именем продукта: *Самый провансальный «Провансаль»!* (реклама майонеза «Провансаль»); *ОтмеЧИТОСные новости* (реклама чипсов «Читос»); *КРАШные апельсины: узнай сам!* (реклама напитка «Краш»); *МЕГАбогатый дядюшка ищет родственников! МЕГА у каждого своя!* (реклама торгового центра «Мега»). Последний пример вызывает особый интерес, т.к., во-первых, префикс *мега-* обозначает *чрезвычайно, в высшей степени*, ср.: *супербогатый*, а, во-вторых, имеет место обыгрывание названия гипермаркета «Мега».

Образование прилагательного может быть мотивировано другим именем прилагательным: *Фрутелла: Фруктастический вкус* (реклама конфеты «Фрутелла»); *Счастлибочный вкус!* (реклама подсолнечного масла со вкусом сливочного масла); *Обезьятельный подарок* (реклама товаров мануфактуры). Хотя в создании этих прилагательных участвуют существительные (*фрукты, счастье, обезьяна*), модель, взятая в качестве производной, принадлежит прилагательному, ср.: *фантастический, сливочный, обязательный*.

Создание прилагательного может быть мотивировано также междометием: *Ого-ого-дние скидки* (реклама супермаркета). Особый интерес вызывает пример создания прилагательного, мотивированного звукоподражательным междометием: *Мя-я-я-у-гкая мебель!* (реклама мебели), ср.: *мя-я-я-у-гкая – мягкая*.

В следующих примерах хорошо видно, как рекламистам удается придавать рекламным текстам дополнительные положительные коннотации. В их создании изначально наблюдается двойная мотивация, что обусловлено характером самих контаминированных новообразований и каламбурным столкновением созвучных слов. Во-первых, все данные примеры построены по модели «производящая основа + суффикс + окончание», где в качестве производящей основы может быть рекламное имя, название продукта или любое ключевое слово, как полное: *ДИВВные окна!* (реклама фирмы окон «ДИВВ»), *ВЕССОмые скидки* (реклама пейджинговой компании «ВЕССО»); *Настоящий солод – raZOOMный выбор!* (реклама слабоалкогольного напитка «ZOOM»); *АББАсолютный хит-мюзикл! Сокрушительный хит – мюзикл, основанный на песнях АВБА!* (реклама мюзикла); *С «МЕХХ» всегда МЕХХмальный успех!* (реклама магазина одежды «МЕХХ»), так и усеченное: *СПАЦИальное предложение* (реклама

салона «Спацио»); *Линдинет20 – ЛИИДИ*видуальный подход (реклама контрацептива); *Новый Herbal Essences – прямой путь к заМЕЧТА*тельным волосам, *Погрузись в мир заМЕЧТА*тельных волос (реклама шампуня), *оЧАЙ*ровательная Импра (реклама чая «Импра»). Во-вторых, их создание основано на звуковой ассоциации «сотворенных» прилагательных с узуальными прилагательными, на их частичном или практически полном созвучии друг с другом, ср.: *ДИВВ*ные – дивные, *ВЕССО*мые – весомые, *раЗООМ*ный – разумный, *АББА*солютный – абсолютный, *ЛИИДИ*видуальный – индивидуальный, *СПАЦИ*альное – специальное, *фруктастический* – фантастический, *заМЕЧТА*тельные – замечательные *МЕХХ*мальный – максимальный, *оЧАЙ*ровательная – очаровательная. Однако иногда рекламисты прибегают к использованию слов с отрицательной коннотацией, как, например, в рекламе напитка «Hooper's Nooch»: *оНООС*нительный напиток! (читается как охучительный), ср.: *о****тельный или как в рекламе услуг авиакомпании: *Распродажа: авиабилеты от 800 р. Наши поезда – самые поездатые поезда в мире!*, ср.: *п****атые. Авторы могут одновременно использовать при создании прилагательного как способ аналогического словообразования, так и прием каламбурного столкновения слов: *ХОТ* и не *ХОТ* все *вХОТ*ящие бесплатно; *Джинс* делает *ХОТ!* *вХОТ*ящие – \$0, *исХОТ*ящие – \$ 0,03 (реклама тарифа сотового оператора), ср.: *вхот*ящие – *вход*ящие, *исхот*ящие – *исход*ящие. Следующий пример интересен слитным написанием слов *все* и *отделочные*: *В кредит ВСЕ*отделочные материалы (реклама магазина), ср.: *всенародные*. Каламбурное столкновение созвучных слов позволяет не просто многократно озвучить рекламное имя, но и придать ему положительную коннотацию за счет резервных средств текста.

В основе прилагательного может лежать иноязычное слово или часть слова может быть передана латиницей. На базе рекламного текста с использованием латиницы может обыгрываться название производителя товара или услуги: *С «МЕХХ» всегда МЕХХ*мальный успех! (телевизионная реклама магазина одежды «МЕХХ»); наименование товара или его рекламное имя: *Клинское REDКОЕ* (реклама пива «Клинское»). Также в образованном при помощи латиницы слове может лежать определенная ассоциация, которую вызывает сегмент, переданный при помощи английского языка: *STAR*ый дворик: *VHS, CD, CD-ROM, DVD, mp3* (реклама магазина «Старый дворик»); *Симво*лический подарок для *фанатов* иномарок: *10 автомобилей Рено Символ* (реклама автомобиля «Symbol»). В прилагательных не просто выделена часть слова, а произведена замена части русского слова на английскую, имеющую собственное значение и придающее тексту дополнительный оттенок, ср.: *star* – «звезда»,

red – «красный», *symbol* – «символ». При этом звучание корневой основы слова, имеющей самостоятельное значение в английском языке, может полностью совпадать с русской производящей основой, как в случае со словами *STARый* и *REDкое*, а может отличаться: *МЕХХмальный*, *Symbolический*. В этих примерах мы имели дело со следующей моделью: производящая основа (передана буквами латиницы и имеет самостоятельное значение в английском языке) + суффикс + окончание, но встречаются и другие. В следующем примере: *ДУХLESS повесть о ненастоящем человеке* (название книги С. Минаева) часть слова *-less* – английский суффикс со значением *лишенный чего-л., не имеющий чего-л.*, приводит к образованию игрового варианта слова *бездушный*. Здесь имеет место модель «производящая основа (передана кириллицей и имеет самостоятельное значение в русском языке) + суффикс (взят из английского языка с сохранением грамматического значения)».

Создание прилагательных может основываться на использовании таких стилистических приемов, как корневой повтор: *Самые пельменистые пельмени в мире!* (реклама фирмы, производящей продукты питания); паронимазия: *Наши поезда – самые поездатые поезда в мире!* (реклама авиакомпании). Конечно, и во втором случае имеет место словообразовательная игра, основанная на лексическом повторе, но, как нам кажется, здесь доминирует именно звуковое совпадение произношения слов: *поездатый* и *n***атый*. Конечно, можно предположить, что *поездатый* создано по аналогии с *бородатый*, и содержит в себе такие компоненты его значения как *очень старый, давно известный* (обычно об анекдоте).

Что касается окказиональных глаголов, то они представляют не столь многочисленную группу в языке рекламы по сравнению с существительными и прилагательными. *Mobbiko.ru чехолизирует страну!!!* (реклама акции на сайте www.Mobbiko.ru); *Хуба-буба Макс! Неплохо мы вас запузырили! Ваще запузырили!* (реклама жевательной резинки); *Чтобы нам поесть? Давайте мням-мням-микоян! Ну Вы и заколбасили! Покупайте Микоян!* (реклама колбасной продукции «Микоян»); *Время подкреПицца!* (реклама службы доставки пиццы).

Образование окказионального глагола может быть мотивировано как существительными нарицательными: *Это операция «Tide». Найти и обезгрязить!* (реклама стирального порошка «Tide»); *Все будет зашубись!* (реклама распродажи в магазине меховой одежды), так существительными собственными: *Студенческий MIX – заMIXуй по полной!* (реклама тарифа «MIX» сотового оператора); *«ПРЕМИРУЙ» свою машину!* (реклама моторного масла «Premium Texaco Havoline»); *Отдохни – сникерсни* (реклама шоколадного батончика «Snickers»); – *Алло! – Справочная.* –

А скажите, пожалуйста, сколько нужно воздушных шариков, чтобы поднять в небо слона?– Вы, что молодой человек, пентагоните? Креатив-агентство «Пентагон» – оформление воздушными шарами. Звонки в дверь.– Кто там?– Мама, это я! – А ну, визитку свою покажи! – Мама, ты чё, пентагонизишь? Креатив-агентство «Пентагон» – изготовление визиток (реклама креатив-агентства «Пентагон» на радио).

Часто инновация может стоять в повелительном наклонении: *ЗаСУШИсь...* (реклама японского ресторана); *Миксуй по жизни с Frustyle!* (реклама безалкогольного напитка «Frustyle»); *Зазвони их всех! 25 копеек внутри сети!* (реклама тарифа сотового оператора); *Приключайся по-вкусному!* (реклама жевательной резинки); *ПроПРИзь ОТ ЖИЗНИ! Каждый час – новые возможности!* (акция «Pepsi»); *ПроКОНТРАЦЕПТуйся у врача-гинеколога!* (реклама горячей линии программы «Новое поколение против абортов»); *ПроЧЕКаи свой подароЧЕК* (акция в торговом центре). В этом примере не последнюю роль может играть и значение английского слова *check* – проверить.

При создании отыменного глагола может иметь место совмещение латиницы и кириллицы: *ПриFLOPни гада!* (реклама средства от комаров «Флор»); *LTV by littlebig. Все будет LTVись!* (реклама магазина одежды «LTV»); *ОтMINигуем по полной* (реклама автомобиля «MINI»), каламбурное столкновение созвучных слов: *Мебелизируй фантазию! Настоящая фабричная мебель* (реклама фабрики мебели), ср.: *мебелизуй – мобилизуй*. Экспрессивность рекламного текста может усиливаться за счет корневого повтора: *Запейджерс пейджерс от Телеграфпейджерс*; синтаксического параллелизма: *Отдохни – сникерсни*.

Анализ материала показывает, что явления словообразовательной игры в языке рекламы не столь частотны, как в языке СМИ, что изначально связано с особенностями словотворчества в рекламе, ведь рекламные тексты создаются реже и стоят дороже, чем броские ежедневные газетные заголовки на злободневные темы. Окказиональные существительные являются самой многочисленной группой, второй по многочисленности – прилагательные, третьей – глаголы. Окказионализмы могут создаваться разнообразными способами: с использованием корневого повтора, каламбурным столкновением созвучных слов, графическими средствами и элементами фонетической игры. Встречаются существительные на *-изация, -ия, -ость, -ист-, -ашк-, -ушк-, -инг, -ленд, -мания, -терапия, -хаус*. Словообразование существительных представлено префиксально-суффиксальным словообразованием (среди наиболее употребительных аффиксов можно выделить аффиксоиды *супер-, -ленд, -мания, -терапия*) и собственно окказиональным словообразованием:

аналогическим и чересступенчатым словообразованием, образованием контаминаций. В рекламных текстах встречаются прилагательные, созданные при помощи префиксов: *мега-*, *супер-*, *гипер-*, *ультра-*, *мульти-* и суффиксов: *-ист-*, *-ат-*, *-н-*, *-ительн-*, *-енск-*, *-ящ-*, *-ов-*. Оказиональные глаголы являются отыменными глаголами, мотивированными именами существительными нарицательными и собственными. В языке рекламных текстов они чаще всего встречаются в повелительном наклонении или в форме инфинитива.

Библиографический список

1. Амири Л.П. Особенности словообразовательной игры в современной рекламе (на материале существительных-новообразований) // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы III Республиканского научного семинара. Саратов, 2009. С. 12–20.
2. Бельчиков Ю.А. Контаминация // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 238.
3. Введение в германскую филологию: Учеб. для I–II курсов филол. фак. унтов / Арсеньева М.Г., Балашова С.П., Берков В.П. и др. М., 1980.
4. Гридина Т.А., Коновалова Н.А. Современный русский язык. Словообразование: теория, алгоритмы анализа, тренинг: Учеб. пособие. М., 2007.
5. Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. М., 1982. С. 45–109.
6. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1996. С. 90–141.
7. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
8. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование и синтаксис. М., 1981.
9. Ильясова С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. Ростов-н/Д, 2002.
10. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М., 2009.
11. Краснящих А. Супер. URL: <http://www.russ.ru/pole/Super> (дата обращения: 01.05.2010).
12. Попова Т.В. Русская неология и неография: Учеб. эл. текстовое изд. Екатеринбург, 1996.
13. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. IV.

О.К. Бабаева

Метафорические параллели в современном английском языке (на материале образных номинаций, обозначающих и описывающих человека)

В данной статье рассматривается языковой параллелизм на материале английских метафорических параллелей. В процессе коммуникации для передачи эмоциональности, оценочности, экспрессивности недостаточно нейтральных номинаций, что приводит к появлению образных параллельных номинаций.

Ключевые слова: языковой параллелизм, метафора, метафорические параллели.

Параллелизм языковых явлений констатируется многими учеными как естественный и объективный фактор языка, который обозначается терминами эквивалентность, вариантность или вариативность. Различные виды лингвистической эквивалентности исследовались с давних пор, например, межъязыковая эквивалентность — эквивалентность слов разных языков. Переводческая эквивалентность исследовалась В.Н. Комиссаровым и Я.И. Рецкер. Об эквивалентности в поэтике писал Ю. Лотман. С.Г. Бережан исследует этот вопрос в лексикологическом аспекте. О вариантности в свое время писали Солнцев В.М., Илларионов С.В., Гак Г.В., Баранникова Л.И., Кожина М.Н., Кодухов В.И., Домашнев А.И., Девкин В.Д., Абрамов Б.А. и др.

И.А. Арнольд отмечает межуровневый характер данного явления: «любой вид лингвистического анализа и любая лингвистическая теория базируется на установлении сходства и различий между изучаемыми элементами, то и с отношениями эквивалентности мы сталкиваемся в разных разделах лингвистики и смежных с ней наук: в лексикологии, грамматике, теории перевода, стилистике, поэтике, логике и т.д.» [2, с. 39]. Синонимия, по мнению ученого, также является частным случаем эквивалентности. Эквивалентность синонимов и эквивалентность слова и его словарного определения используются в методике теоретических исследований, например, при компонентном анализе.

Свойство языкового знака видоизменять свое означающее при сохранении тождества означаемого было отмечено в разное время многими языковедами (Ф. де Соссюром, Р. Гodelем, Л. Блумфильдом, Л.В. Щербой, О.С. Ахмановой и др.) Явление параллелизма прямо или

косвенно упоминается на всех уровнях изучения языка, что подтверждает «фундаментальность» этого общезыкового свойства. Так, например, Е.С. Кубрякова, исследуя процессы образования сложных слов, рассматривает сложные слова и соответствующие им синтаксические конструкции не как тождественные, семантически равноправные эквиваленты, а как различные языковые средства наименования, относящиеся к одному и тому же объекту [4, с. 12].

Таким образом, параллелизм обуславливается асимметрией языкового знака, которая обеспечивает возможность выражения одной и той же единицы плана содержания несколькими единицами плана выражения. Язык как средство общения под влиянием объективных (социальная среда) и субъективных (говорящий) факторов развивает различные средства обозначения одних и тех же явлений действительности. В процессе коммуникации традиционные наименования объектов действительности зачастую заменяются на более яркие, оригинальные, оценочно-экспрессивные образные выражения.

В данной статье, используя метод описания, анализ словарных единиц, элементы компонентного анализа, делается попытка обобщения образных номинаций, обозначающих и описывающих человека.

Параллельные нейтральным номинациям единицы языка образуются за счет различных процессов вторичных номинаций, таких как словообразование и метафоризация.

Поиск параллельных номинаций для уже существующих языковых единиц происходит в направлении от реалии, от действительной ситуации через чувственное восприятие, мыслительную деятельность к языковому выражению. Создание метафорических параллелей нейтральных номинаций требует от говорящего поиска ассоциаций, обращение к своему чувственному опыту. Человек, отказываясь от уже существующей старой номинации в силу ее тривиальности, создает новую, оригинальную, наиболее подходящую для текущей ситуации. В параллельных номинациях говорящий выражает свое субъективное отношение и видение объекта. Субъективность метафорического процесса отмечалась В.Н. Телией. «Для метафоры как тропа существенно, что синтезирующую функцию в нем выполняет некая «языковая личность», которая независимо от стереотипичности или, наоборот, нестандартности мировидения осуществляет свой выбор вспомогательной сущности. Этот выбор и есть интерпретация нового содержания в рамках старого знания (переживания, ощущения), его фильтрация через образное подобие, актуализирующееся в соответствии с модусом “как если бы”. А это значит, что метафорический процесс всегда субъективен» [5, с. 41]. В поисках параллельных броских

и запоминающихся выражений говорящий использует названия одних внеязыковых объектов в необычном для них качестве и в новом контексте. Таким образом, основная цель создания параллельных номинаций объектов действительности – их эмоционально-экспрессивная оценка, выражение собственного отношения к ним. Метафора для этих целей – незаменимое средство. Анализ отобранного фактического материала показывает, что структурно можно выделить метафорические параллели, выраженные одним словом, метафорические параллели, выраженные словосочетанием, и метафорические параллели, выраженные синтаксическими конструкциями.

Изучение параллельных метафорических номинаций помогают выявить коллективное представление о человеке в данной языковой общности. На протяжении веков вырабатываются стереотипы поведения, эталоны позитивных и негативных оценок, которые со временем меняются. Мир и общество изменяются, появляются новые реалии, рождающие новые представления об окружающей действительности, которые находят отражение в языке, зачастую посредством метафор. Рассматриваемые параллельные номинации показывают, какие ассоциации, представления бытуют в обществе в определенный период времени. По справедливому замечанию В.Г. Гака, изучение метафоры «позволяет проникнуть в общие закономерности человеческого мышления, выявить типичные ассоциации и вместе с тем определить специфику каждого языка, отделяющую его от общего и всеобщего» [3, с. 13].

Однословные метафорические параллели появляются как результат переноса названия одного объекта действительности на другой. Здесь мы рассмотрим «полные метафоры», по определению В.Г. Гака, т.е. метафорические параллели, образованные без изменения структуры слова. Как известно, выделяют следующие типы переноса, например, человек → животное, животное → человек, животное → растение, артефакт → человек, животное → артефакт.

В сленге и разговорной речи метафорические параллели носят ярко выраженный уничижительный, оскорбительный, грубый характер. Они передают пренебрежительное, неодобрительное или даже враждебное отношение говорящего к адресату. Так, замена нейтральной номинации «маленький человек» на номинацию, в которых человек сравнивается с предметами и представителями животного мира, понижает его статус, демонстрирует презрительное, пренебрежительное отношение говорящего. Например, *shrimp*, *titch*, *runt* означают маленького, неприятного, слабого человека. «Смысловое задание» данных номинаций – дать неодобрительную оценку объекту речи, выразить презрение говорящего, показать его

негативное отношение. Все эти лексические новообразования семантически мотивированы. Их значения выводятся из прямых первичных значений *runt* – самый слабый в помете. Предметные метафоры – *squirt* – тонкая струя, *duffer* – выработанная шахта – используются для обозначения слабого, никчемного, бесполезного человека. Бесхарактерный человек ассоциируется с куском хлеба, который обмакнули в соус, – *sop*. Праздный, бездеятельный человек в обыденном сознании – это просто овощ – *cabbage*.

Зооморфная метафора используется для обозначения полицейского: *pig, grasshopper*. Физически сильный, крупный мужчина сравнивается с медведем, быком: *bear, beef*. Цель создания данных параллельных номинаций выразительность, положительная оценка объекта речи.

Различные черты характера человека, его поведение вызывают ассоциации с животными, насекомыми, птицами, предметами. Сравнение человека с предметом или животными, насекомыми в зависимости от национальных ассоциаций, так называемой «народной таксономии», делается с целью унижить, оскорбить или, наоборот, приподнять его в глазах окружающих или слушателя.

Глупый человек – *gumbo, muppet, douchebag, mug, tube, turnip, lemon, noodle, turkey, pilchard, baboon, gull, calf, gawk, lamb*. Сравнение с ягненок предполагает не только глупость, но и простодушие, наивность, доверчивость, как и в метафорической параллели *pigeon* сравнение с голубем подразумевает простака. Образ глупого, грубого, неотесанного человека, деревенщины воплощает метафоры *rube, bur, hedgehog*. Каждая из этих метафор отличается дополнительной коннотацией. Назойливость ассоциируется с репейником, неуживчивость вызывает образ дикобраза, ежа.

Глупость во многих языках ассоциируется с темнотой, с темным цветом, отсутствием света, непрозрачностью: *opaque, dark, dim, dense*.

Различные профессии, род занятий человека получают параллельные номинации, в которых отражается отношение говорящего. В словаре Т. Торна находим такие метафорические параллели, заменяющие названия профессий или деятельность человека: полицейский информатор – *a stool pigeon*, есть однословный вариант этого выражения – *stooly*; в русском этим выражениям соответствует насадка. Детектив – *Gumshoe; gumheel*. Моряк – *A salty dog*, в русском языке – *морской волк*. Клерк – *pen pusher, pencil pusher, suit*. Священник, или религиозный человек – *devil dodger; god botherer; skipilot*; орнитолог – *twitcher*; активист движения зеленых – *tree hugger*, бухгалтер – *a bean counter; number cruncher*. *Soft liner* – политик, придерживающийся гибкой линии поведения

в политике, в отличие от *hard liner* – политик, твердо придерживающийся своих взглядов или какого-либо курса независимо от ситуации. *Hard hat* – консерватор, который считает, что можно подавлять мнения, противоречащие его идеям [7].

Нетрудно заметить, что метафорические параллели коннотационно богаче, информативнее соответствующих нейтральных номинаций. В образных номинациях происходит конденсация смысла, приводящая к языковой экономии. Например, *devil dodger*, *god botherer*: данные двусловные наименования, обозначая верующего человека, передают насмешливое к нему отношение, при этом здесь содержится сема чрезмерности, усердия.

Однако образные выражения не всегда используются в целях экономии. Есть случаи замены однословной нейтральной языковой единицы целыми синтаксическими конструкциями. Например, здоровый человек, *a healthy person*, может быть заменено выражениями *healthy as a horse*; *fit as a fiddle*; *someone's in rude health*; *in the pink*; *hale and hearty*. Последнее выражение зачастую подразумевает пожилого человека с хорошим здоровьем. Напротив, больной человек, *sick person – green around the gills*; *off colour/color*, *a hitch in your giddy-up* ('*A hitch in your gittie-up*'), *bad shape*; *on one's last legs*.

Человек в хорошем настроении: «идет по воздуху», «чувствует себя на миллион» – *walking on air*, *in high spirits*; *feel like a million*; *tickled pink*; *thrilled to bits*.

Счастливый, довольный человек: *like a cat that got the cream*; *as snug as a bug in a rug*, *be on the pig's back* («как кот, который съел сметану», «как блоха в коврике», «едет верхом на свинье»).

Взволнованный человек: *ants in your pants*; *bee in your bonnet*; *like a kid in a candy store*; *like a cat on hot bricks*; *on pins and needles*; *tear one's hair out*; *bag of nerves*, *bundle of nerves*; *out of the mind*;

Злой, сердитый: *angry as a bear*; *angry as a bear with a sore foot*; *angry as a bull*; *as mad as a wrongly shot hog*; *foam at the mouth*, *has a face like thunder*, *hot under the collar*, *makes one's blood boil*, *is spitting blood*; *get your feathers in a bunch*; *as mad as a wet hen*, *as mad as a hornet*; *sees red* или *the red mist*; *as mad as a badger*, *mad as a cut snake*.

Приведенные выше примеры метафорических параллелей показывают, что параллелизм используется для осуществления экспрессивной и коммуникативной функции языка. Параллельные номинации – источник разнообразия выразительных средств языка. Параллельные средства позволяют передать самые разнообразные чувства, мысли, ощущения, причем ярко, быстро, оригинально, иногда с использованием минимальных

языковых средств. Наличие в языке разных средств для выражения одного содержания объясняется их стилистической и функциональной дифференциацией.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / Науч. ред. П.Е. Бухаркин. Изд. 2-е. М., 2010.
2. Абрамов Б.А. Вариантность финитных конструкций (лексико-структурных основ предложений) // Вариантность как свойство языковой системы: Тезисы докладов. Ч. 1. М., 1982.
3. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 1988.
4. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование. Изд. 2-е. М., 2010.
5. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 1988.
6. Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English. Ed. by P. Beale. 8th ed. NY., 1984.
7. Thorne T. The Dictionary of Contemporary Slang. NY., 1991.
8. The Oxford Dictionary of New Words. Oxford–NY., 1997.

А.А. Боронин

Событие и персонажный субтекст

Цель публикации заключается в описании соотношенности понятий «событие» и «персонажный субтекст». В статье показано, что план содержания персонажного субтекста представлен четырьмя семантическими подпространствами, каждое из которых обуславливает специфическую репрезентацию категории события. Проблема, обсуждаемая в статье, дает импульс к лингводидактическим и лингвокультурным исследованиям изображенной в художественном тексте коммуникации персонажей.

Ключевые слова: событие, персонажный субтекст, ментефакты и артефакты, информация, дискурс.

Семантическими «стержнями» настоящей работы являются понятия «событие» и «персонажный субтекст», а ее целью – сущностное описание отношений между ними, призванное восполнить явный пробел, который существует в теории интерпретации художественного текста: проблема событийного статуса персонажных субтекстов практически не рассматривалась в сопряжении текстоцентрического и антропоцентрического подходов. Подобное сопряжение подразумевает учет теоретического и практического опыта, накопленного в лингвистике текста, лингвопоэтике, философии языка и психолингвистике.

Событие – это значимая для субъекта речи ситуация смены (изменения). Одним из ориентиров для подобного определения события стали рассуждения И.В. Кондакова, который считает событие неординарным бытийным модусом, вызывающим к пониманию со стороны субъекта, новым для субъекта бытием, сдвигом бытийности, вызывающим «*сдвиг сознания* этой бытийности» (курсив И.К. – А.Б.) [5, с. 39–40]. Определение ситуации как новой и значимой связано с тем, что целью и значением сбывшегося (т.е. события), соотносимыми с его непосредственной ценностью, становится смысл, который «чреват последствиями, креативен, способен саморазвиваться и быть причиной иных событий и сценариев, контекстуален, и в этом смысле процессуален, но и атемпорален одновременно, точнее, может быть транслирован, привнесен в любой контекст» [3, с. 45]. С тем чтобы развить процитированную мысль, уточним – атемпоральность смысла может сигнализировать и о его существенной трансформации, когда он становится значением, устойчивым и мало изменяющимся даже при многократной речевой актуализации. Понимание событий часто закрепляется в языковых и речевых единицах, оно выражается с помощью значений и смыслов. Овнешнение значений и смыслов в виде языковых и речевых знаков и есть интерпретация. Мы изучаем ситуацию, когда отправной точкой для подобного овнешнения становится текст как сложная системно-знаковая совокупность. В художественном прозаическом произведении выделяется специфическая семиотическая подсистема, образуемая персонажными субтекстами. Персонажный субтекст – это смоделированный результат вербализации ментальных процессов, соотносимых с литературными героями, актуализируемый в ситуациях словесного общения действующих лиц.

Персонажные субтексты представляют собой разные по смысловой ценности события. Первый аспект их событийности раскрывается в самом их существовании как объекта интерпретации в «вертикальной» художественной коммуникации. Это событийность эвристического характера. На лингвистический аспект событийности отрезков речи,

передающих словесную активность персонажей, указывает Н.Д. Арутюнова, замечая, что «прямая речь» персонажа имеет темпоральную протяженность, т.е. свои начало и конец, но поставленный в авторском вводе персонажной речи «глагол в совершенном виде сводит их в событийную точку-выкрик» [1, с. 13]: *I wonder if we shall hear the nightingale tonight, – said Mrs Renshaw* [13, с. 86].

Онтологическим признаком персонажного субтекста является его употребление в контексте коммуникативной ситуации. Коммуникативная ситуация как среда порождения и существования событий есть «совокупность ментальных и нементальных (натуральных) “вещей”, или, говоря иначе, совокупность артефактов и ментефактов» [7, с. 64]. Будучи *дискретными* (или относительно дискретными) элементами событийной среды, в процессе моделирования артефакты и ментефакты воплощаются в текстовых *сегментах*, что обеспечивает упорядоченность формально-содержательного плана и его большую или меньшую степень тождественности реальному событийному плану, с которого делается текстовой «слепок». Несомненна самодостаточность каждого ментефакта (под ним мы понимаем идеальное действие – «квант» психической деятельности: интенция говорящего, внутренняя установка, аффекты и эмоции) или артефакта (под ним мы понимаем любое семиотическое выражение идеального действия, соотносимого с психикой индивида, а также всякий элемент семиотического контекста, в котором протекает психическая деятельность общающейся личности). Самодостаточность ментефакта (аутоцентрация ментефакта, часто сопровождаемая спонтанным или намеренным эгоцентрическим замыканием, сосредоточением на собственной субъектности) и артефакта (например, автосемантия текста) находят отражение в проекции художественного текста и вносят вклад в формирование всех ее подструктур [2, с. 65–72]. Степень событийности ментефакта или артефакта будет прямо пропорциональна существенности их вклада в формирование частей текстовой проекции.

Ментефакт в большей мере дискурсивен, чем артефакт. Это проявляется в характере интерпретативного процесса, направленного на поиск обоих явлений. Артефакты обнаруживаются в результате анализа текста (субтекста) как закрытой системы. Подобный анализ текста (его сегмента) недостаточно верифицирует наличие ментефактов, т.к. условность их выражения, нечеткость их границ настоятельно требует применения иного подхода к их описанию. Необходимо соотносить объект и семиотическую среду, в которой он актуализируется, на основе общего сущностного признака. Таким совпадающим признаком является нечеткость, диффузность границ феномена. С чем же соотносится ментефакт по данному

признаку? Если текст уподобляется фигуре, а дискурс – фону, то первому будут свойственны «вещность, локализованность, симметричность, значимость, плотность, дискретность, определенность, замкнутость», а второму – «диффузность, плавность, меньшая очерченность, непостоянность, нелокализованность» [6, с. 196]. Таким образом, в рассматриваемом аспекте ментефакт соотносится с дискурсом – отсюда возникает методологическая необходимость дискурсивного анализа этого явления.

Если признать, что дискурсу присущи нелинейность и нелокализованность, то вполне уместным будет допущение о сопутствующих коммуникативно-дискурсивной развертке пространствах – метауровнях. На одном или нескольких метауровнях, сопровождающих реальную коммуникацию и выводимых из нее, событие не проявляет себя в наличной актуальности: категория событийности либо выводится ретроспективно, если имеется в виду текстосфера, либо проспективно, если речь идет об интенциональном метауровне, которому имманентна напряженность ожидания события – диалогической встречи двух Я.

В действительной коммуникации событийный пласт чрезвычайно сложен, проблемой становится не только выделение компонентов события, но и само приписывание чему-либо статуса событийности. Исследуя коммуникацию персонажей в художественном тексте, приходится иметь дело с еще одной проблемой, заключающейся в определении статуса коммуникативной ситуации в произведении. Ее разрешение становится возможным благодаря сочетанию текстоцентрического и антропоцентрического подходов. Первый из них подводит исследователя к выявлению текстовых признаков и функций, из которых формируется качественная определенность фикциональной коммуникативной ситуации, а второй – к концентрации внимания на интерпретирующем субъекте (адресант, адресат). Реализуя первый подход, необходимо проанализировать признаковый и функциональный аспекты текстового фрагмента, в котором воспроизводится коммуникативная ситуация. Событийный статус коммуникативной ситуации как часть ее качественной определенности выясняется при анализе роли коммуникативной ситуации в показе существенного нарративного момента, онтологически релевантного для всего текста. В этом случае проливается свет на внутреннюю событийность, которую допустимо рассматривать как текстовую категорию. Однако к признакам, определяющим художественность текста, нельзя не отнести отсутствие четких разделительных швов между действительностью и воссоздаваемым альтернативным миром. Абсолютное отсутствие этих швов едва ли возможно. Дело в том, что словесное копирование мира действительности зачастую так или иначе обречено на фиаско. Например, «чувства

и аффекты, переживаемые / представляемые вербально, не являются копиями аффектов и чувств, переживаемых реально: описание их с помощью естественного языка неизбежно оказывается неполным / редуцированным (и сукцессивно статичным?)» [8, с. 95].

Мир действительности и альтернативный мир, несомненно, взаимопроницаемы, что подводит нас к важному тезису: взаимопроникновение двух экзистенциальных модусов – принципиальный, существенный момент возникновения сверхценности словесного произведения (его художественности). Экзистенциальное перекрестье задает внешнюю событийность, которая одновременно является внеположенной по отношению к тексту и вместе с тем парадоксальным образом концентрируется в пределах персонажного субтекста. Внешняя событийность осознается субъектом настолько, насколько сформирована его дискурсивная компетенция, понимаемая как умение различать дискурсивные типы, ориентирующее индивида при осуществлении мыслеречевой деятельности – при сегментации и делимитации текста, временной атрибуции текста, установлении меры собственной вовлеченности в тот или иной тип дискурса или меры противопоставленности дискурсивному типу. Развитие дискурсивной компетенции – значимого фактора успешной межкультурной коммуникации – первостепенная задача продвинутого этапа обучения иностранному языку.

В результате изучения большого массива персонажных субтекстов в художественной прозе мы признали целесообразность выделения в их семантическом пространстве четырех видов информации: содержательно-фактуальной, коммуникативно-регулятивной, эмоциональной и концептуальной информации. Можно утверждать, что каждый вид информации содержит в себе заряд событийности. Наложение разных информационных пространств приводит к тому, что событие постоянно разворачивается, сигналы событийности то усиливаются, то ослабевают, но никогда полностью не затухают. Ослабление событийности, передаваемой с помощью одного вида информации, компенсируется нарастанием событийных импульсов, передаваемых посредством другого вида информации. Разреженность событийной семантики одного информационного подпространства оборачивается возрастанием плотности другого информационного подпространства в событийно-семантическом плане.

Такой компенсационный механизм реализуется благодаря неодинаковому онтологическому статусу события, поскольку событийность может быть внешней и внутренней. Содержательно-фактуальная информация по мере своего усложнения стремится к внутренней событийности – «констелляции» сложных денотатов на основе стабильного более простого

содержательного элемента представляют собой *смену* контекстов для этого элемента. Даже если эти контексты сходны в содержательном отношении, при языковом перекодировании все равно происходит их смена.

...“How about it? Shall I wear the brown *suit* another day?”

“Well, *it looks awfully nice on you.*”

“I know, but gosh, *it needs pressing.*”

“That’s so. Perhaps *it does.*” [14, с. 9].

Ввод простого денотата задает точку отсчета для разворачивания события в содержательно-фактуальной плоскости, события как сменяющихся друг друга сведений о предмете, для которого причинно-следственные связи не столь существенны. Для события в таком понимании существенна лишь сама смена однопредметно-ориентированных сведений, т.е. такое событие не может восприниматься вне лакунарности, вне смысловых зазоров, его сопровождающих, что отражается в проекции текста, становясь одним из факторов, влияющих на формирование лакунарной подструктуры текстового образа.

Смена контекстов для одного и того же содержательного элемента в конечном счете ведет к денотативным сдвигам и ветвлениям – к замене одного простого семантического элемента содержательно-фактуального уровня другим или другими, вокруг которых начинает выстраиваться свой контекст. Денотативные сдвиги, ветвления, возвраты-петли создают специфическую событийность персонажных субтекстов, закрепляемую в категориях проспекции и ретроспекции [4, с. 105–113]. В силу этого обстоятельства мы говорим именно о внутренней событийности, актуализируемой в персонажных субтекстах с помощью содержательно-фактуальной информации.

Средства выражения коммуникативно-регулятивной информации, как правило, тяготеют к языковой (лексико-синтаксической) и речевой (ситуативно-прагматической) шаблонности, что облегчает изучение иностранного языка, но может создавать нежелательный элемент искусственности обучающего контекста при переоценке данного вида информации. Коммуникативно-регулятивная информация неразрывно связана с формализацией самого события, с его формально-языковым выведением за содержательные рамки художественного произведения: “*You should see a doctor yourself,*” *I said. A newcomer joined us – I hadn’t heard him enter. He was a young man neatly dressed in European clothes. He said in English, “Mr. Chou has only one lung.” “I am very sorry...”* [12, с. 117].

Выделенный персонажный субтекст – это отголосок внешней событийности, концентрирующий в себе опыт коллективной языковой личности по многократному ситуативному использованию стандартной речевой

конструкции. Есть и другой, более тонкий, нюанс внешней событийности, заключающийся в тривиальном характере речевого или параречевого действия: уникальность действия как событийный признак ставится под вопрос, что заставляет трактовать его как состояние, внешнее по отношению к подлинному событию. Кроме этого, коммуникативно-регулятивная информация (частым ее выразителем являются вопросительные конструкции) содержит в себе зародыш энтропии, хотя она, как правило, и направлена на преодоление неопределенности: ... «*Not exactly a tourist-paradise and longer?*» «*No. It never really was.*» «*But perhaps a few opportunities for a man of imagination?*» «*It depends.*» «*On what?*» «*The kind of scruples you have.*» [11, с. 44].

Несмотря на сказанное, вряд ли стоит сомневаться в событийности коммуникативно-регулятивного семантического подпространства персонажного субтекста, т.к. оно координирует события и тем самым если и не становится их главным выразителем, то, по крайней мере, выступает как их предвестник или последствие.

Событийный статус эмоциональной информации не подлежит сомнению, ибо значимость ситуации смены для говорящего передается наиболее выразительно – посредством реактивного перехода от раздельности, дискретности к синтетическому отношению, когда Я говорящего выходит на первый план: “*Oh, dear,*” said Miss Minton, flushing painfully. Mrs. Cayley looked shocked. Mrs. O’Rourke merely chuckled [9, с. 148].

Таким образом, эмоциональная информация событийна двояко: она маркирует внешнее для адресата событие и одновременно выступает как ответная реакция, представляющая собой уникальное антропоцентрическое событие, значимость которого не скрадывают даже неполнота, неточность и шаблонность его языкового выражения.

В лингвистике сверхценность словесного сообщения у многих исследователей получает обозначение с помощью термина «концептуальная информация». С этим видом информации напрямую связано проявление художественности как онтологического признака текста. Усмотрение концептуальной информации – сверхпризнаков, высвобождающихся от семиотических «оков», – расширяет фактические границы художественного текста и знаменует становление онтологического события, актуализирующего семиотический и интенциональный метауровни коммуникации. Специфика событийности при восприятии концептуальной информации сводится к порождению новых ментальных пространств, в определенной мере альтернативных как семантическим пространствам, моделируемым в художественном тексте, так и семантическим пространствам в реальном мире, из которых индивид «вычерпывает»

ориентирующие его деятельность жизненные смыслы. Проведенный нами во второй половине 2010 г. – начале 2011 г. психолингвистический эксперимент (ему будет посвящена наша отдельная публикация) показал, что даже в терминах мономодальной интерпретации испытуемые конструируют собственные лингвоментальные пространства, порой выводя их из интерпретации лишь отдельного простого денотата, представленного в персонажном субтексте.

Воссоздание концептуальной информации требует постоянного контекстуального расширения, обеспечивающего трансформацию одного информационного пространства в качественно иное, концептуальное: *“Good-bye, dear Uncle Jolyon, you have been so sweet to me.”*

“To-morrow then,” he said. “Good-night. Sleep well.”

She echoed softly: “Sleep well!” and in the cab window, already moving away, he saw her face screwed round towards him, and her hand put out in a gesture which seemed to linger [10, с. 374].

Концепт как «квант» анализируемого вида информации есть смысловое сгущение, возникающее там, где скрещиваются значения языковых и (в) неязыковых кодов и где объект интерпретации есть априорная лакуна. Переход на надлинейный информационный уровень, стержнем которого является концептуальная информация, означает такое заполнение лакун, которое возможно только при «наивном» осмыслении, при возвращении к доязыковым истокам, к состоянию, предшествующему любой деятельности. Можно прийти к заключению, что лакуна – это начальный пункт, предвосхищающий развитие события и никоим образом не ограничивающий разнообразие возможностей событийного развития. Незамкнутость структуры, которой является художественный текст (частный случай – семантическая открытость текстолингвистических единиц, изображающих коммуникативные ситуации в художественной прозе), объясняется не иначе как его онтологической событийностью, соотносимой с концептуальной информацией. Само ее усмотрение-осмысление становится неоспоримым и ярким свидетельством того, что сводится к минимуму риск ситуации (она может стать печальной реальией дискурса будущего), когда существует «текст без читателя».

Кратко подытоживая все вышеизложенное, отметим, что адекватное соотнесение понятий «событие» и «персонажный субтекст» зиждется на конструировании и описании полиреальности, слагаемые которой – дискурсивные типы, представленные в действительности или в вымышленном художественном мире, с одной стороны, и виды информации, содержащиеся в персонажных субтекстах, – с другой. Пристальное внимание к языковым и речевым средствам выражения разнородной

информации и дискурсивных типов развивает у студентов, изучающих иностранный язык, восприимчивость к событийности, заложенной в персонажных субтекстах, повышает уровень их дискурсивной компетенции.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Вступление. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2002. С. 3–18.
2. Боронин А.А. Интерпретация персонажных субтекстов: основы теории (на материале художественной прозы): Монография. М., 2007.
3. Буданов В. Когнитивная психология или когнитивная физика. О величии и тщетности языка событий // Событие и Смысл (Синергетический опыт языка) / Под ред. Л.П. Киященко, П.Д. Тищенко. М., 1999. С. 38–66.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 3-е изд., стереотип. М., 2005.
5. Кондаков И.В. Архитектоника события // Мир психологии. 2000. № 4. С. 38–50.
6. Новодранова В.Ф. Когнитивные основания распределения информации в научном тексте // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. М., 2009. С. 194–198.
7. Психосемиотика телесности / Журавлёв И.В., Никитина Е.С., Сорокин Ю.А. и др.; Под общ. ред. и с предисл. И.В. Журавлёва, Е.С. Никитиной. М., 2005.
8. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (теоретические и экспериментальные фрагменты). М., 2007.
9. Chistie A. N or M? М., 2004.
10. Galsworthy J. The Man of Property. М., 2000.
11. Green G. The Comedians. М., 2004.
12. Green G. The Quiet American. М., 2004.
13. Lawrence D.H. The Princess and Other Stories. М., 2002.
14. Lewis S. Babbitt. СПб., 2005.

Е.И. Диброва

Квантовость и скважность как проявление речевого мышления

В статье рассматривается проблематика современной филологической науки, которая характеризуется стяжением не только гуманитарных, но и точных наук. При синкретическом подходе к анализу художественного текста можно использовать идеи квантовой механики, которая обладает двоякостью структуры: корпускулой, т.е. ядром (применительно к филологии это сема), и дискретностью, т.е. прерывностью и расчлененностью. Последнее характерно для художественного текста, который членится на определенные сегменты: слово, предложение, абзац, глава, часть.

Ключевые слова: синкретизм науки, текст, сегментация, квантовость, скважность, абзац, композит.

Тенденции современного филологического знания сводятся к стяжению смежных гуманитарных наук – литературы, языка, философии, истории, этики, эстетики, религии, социологии и др. Но одновременно в конце XX и начале XXI вв. происходит сближение гуманитарных и негуманитарных, так называемых точных, наук, в частности, физики и математики. Поскольку ниже будут рассматриваться основные свойства текста, то приведу традиционное лингвистическое их осмысление, которое передается из исследования в исследование, из учебника в учебник и т.п. Ныне распространенные характеристики текста – это связность и целостность; текстуальность же понимается как внешняя связанность (частицы, союзы и др.) и внутренняя осмысленность [8, с. 555]. Вызывают большой интерес стремления представителей точных наук к изучению языка текста. Сделана попытка создания математической вероятностной модели языка [6]. Американский физик Г. Стэпп издал в 1993 г. ныне широко известную книгу «Разум, материя и квантовая механика», где объединены 11 работ периода 1971–1993 гг. Он предложил квантовое истолкование материи – двоякость ее структуры: дискретность (прерывность, т.е. атомистичность) и континуальность (непрерывность). Но самым интересным для нас, филологов, явилось его квантово-механическое объяснение функционирования мозга. Мозг рассматривается Г. Стэппом как самопрограммируемый компьютер, который регулирует мозговые процессы в согласии с причинными квантово-механическими законами (прерывности – непрерывности) на локализованных, индивидуальных персональных данных.

«Мышление создает образ физического мира, – пишет ученый, – как это следует из современной физической теории <...>. Процесс селекции (выбора), с точки зрения квантовой механики, имеет как причинно-личный аспект, так и стохастически (вероятностно) неперсональный аспект» [10, с. 189]. Сопоставление работы человеческого – речевого – мышления с работой суперкомпьютерной системы, обладающей самоподдерживаемой программой, которая основана на квантово-механических законах, покоящихся на персональных данных, свидетельствует в пользу квантования речевого мышления, находящего свое выражение в различных типах текста.

Русские физики В.В. Медведев и Д.В. Широков в 90 гг. XX в. подвели итог функции квантовой физики как знания об окружающем мире: «По современным представлениям, *квантовое поле* (курсив здесь и далее наш. – *Е.Д.*) является наиболее фундаментальной и универсальной формой материи, лежащей в основе всех ее конкретных представлений» [5, с. 300]. *Материя* определяется как *вещество*, из которого состоят физические предметы и явления действительности.

В.В. Налимов, математик, физик, философ, языковед, религиовед, историк науки и др., в своей фундаментальной работе «Спонтанность сознания» рассматривает связь семантического мира с миром физическим – и проявление этой связи происходит в такой сфере деятельности человека, как воображение, язык и наука. «Через язык мы проникаем вглубь бытия» [7, с. 139]. И далее: «Мы опять возвращаемся к человеку, концентрируемся на нем <...>. Человек для нас – это текст, или, точнее, многообразие текстов, грамматику и семантику которых мы хотим охватить единым, вероятностно задаваемым взглядом» [Там же, с. 6].

Смыкание квантово-механической работы человеческого речевого мышления [10] и его результата – текста в семантико-грамматических свойствах позволяет нам поставить вопрос: как проявляются квантовые характеристики текстов и имеют ли содержание (смыслы) и физический мир (материя) – две различные реальности – единую первооснову? И вообще, нужен ли новый поворот в исследовании художественного текста и каковы основания квантово-содержательной гипотезы? Для ее подтверждения требуется анализ конструкций, выстраивающих и связывающих художественный текст – «сад расходящихся тропок» – идеями, линиями повествования, описания и рассуждения.

Структура содержания художественного произведения членится на определенные, внутренне организованные отрезки изложения (по традиции, это абзацы, главки, главы, части, тома), между которыми имеются смысловые щели, не препятствующие, однако, развертыванию

повествования. Речевое мышление в течение веков выработало приемы письменного изложения мысли в определенной последовательности и членности. С точки зрения квантовой членности, это дискретность, или фрагментарность повествования.

Дискуссионная проблема фрагментарности письменного текста (прерывности в квантовом понимании) решалась в психолингвистическом аспекте еще в 30-х гг. XX в. учеником Л.С. Выготского Н.И. Жинкиным. В своей фундаментальной работе «Язык. Речь. Творчество» он писал о том, что в тексте всегда будет смысловая скажность, величина которой определяется взаимопониманием партнеров коммуникации [4, с. 65]. Такая компрессия текста психологически основывается на свертывании промежуточных операций. Наблюдения Н.И. Жинкина относились к образованию сложных предложений, объединению неполных предложений (правда, речь шла о сложных предложениях при развитии умственно отсталых детей). Простейший текстовый пример, обнаруживающий скажность: *Мальчики во дворе играли в футбол. На кухне разбилось окно* связан с типовой ситуацией, понятен адресату и не требует дальнейшего развертывания мысли (кто? почему? куда? когда? и др.). Исходя из данных современной физики, которая пытается дать квантово-механическое объяснение функционирования человеческого сознания [10], мы полагаем, что смысловая скажность основывается на дискретности речевого мышления при изложении человеческой мысли. Вопрос может быть поставлен и в несколько иной плоскости: как читатель текста устанавливает и понимает поэтапное смысловое развитие темы. Свертывание фактуальной информации основывается на типичности развертывания события в объективном мире и понятно адресату без дополнительной распространенности. Известный американский психолог Кэррол Э. Изард писал о том, что, если развернуть всю полноту и последовательность информационного сообщения (что, зачем, почему, для чего и т.д.) романа Дж. Д. Селинджера «Над пропастью во ржи», то словесная ткань произведения, представленная в одну линию, несколько раз обовьет экватор Земли.

В целом фрагментарная структура содержания текста объединена внутритекстовыми переходами. Такие переходы позволяют считать, что художественное произведение обладает гипертекстуальностью, которая имеет специфическую внутреннюю организацию, формальную и смысловую.

Фрагменты (пучки) содержания отражают типичную структуру произведения, представляющего собой последовательную, «разорванную» связь его отдельных смысловых частей.

Ретроспекция содержания является более последовательно выраженным способом изложения, чем проспекция, но данный взгляд применительно к любому тексту свидетельствует о движении содержания назад и движении вперед: ретроспекция служит основанием, воспоминанием и т.д. уже сообщенного ранее и подтверждает данное описанное. Но текст должен иметь свою проспекцию, иначе простая констатация нарушает развитие мысли и ее вариативности ситуаций, интерпретаций и др. и закрывает вход в текст – «сад расходящихся тропок». Отсутствие проспекции психологически и семантически создает заслон развитию речевого мышления и его пониманию. Уже сам предшествующий текст содержит в себе содержательные элементы будущего. Недаром современные художественные произведения включают в себя вариативность различных последующих ситуаций.

Дискретность (сегментированность) текста отражает сознательные и бессознательные способы фиксации развивающейся мысли автора в ее содержательной прерывности/непрерывности. Сегментация текста является важнейшим фактором текстообразования и текстоорганизации. Членимость текста выполняет важнейшие функции повествования: 1) позволяет включить больший объем информации, избегая излишнего объяснения ситуаций сообщения; 2) экономит лексико-грамматические средства изложения описания; 3) стимулирует понимание адресатом текста произведения; 4) делает текст более «упругим» («не растекашесь мыслию по древу») и т.д. Таким образом, скважность содержания, сокращая внутренне речевую коммуникацию, расширяет мир художественной реальности и служит стимулом психологической деятельности адресанта.

Содержание и композиция художественного текста обусловлены родом и видом литературного произведения, принадлежностью его к определенному жанру, особенностями стиля и стилистики автора. Квантовость речевого мышления и оформление его в коммуникативных актах художественного текста базируется на следующих структурных основаниях: а) представление содержания произведения в виде последовательного ряда отдельных «порций» содержания; б) дискретность как прерывность в линейной последовательности изложения; в) скважность как активизация и расширение пространства литературного произведения.

Тематический прерывно-непрерывный принцип членения и способы его изложения определяются объемом объектов художественного изображения, кругом жизненных явлений, отражаемых писателем и скрепленных воедино авторским замыслом. В связи с этим выделяются три уровня обобщения информации: мегатема (общая тема произведения),

мидитема, или подтема (ансамбль, фрагмент, глава) и микротема (абзац, абзацы, часть абзаца).

Целостность произведения «насквозь скваженна» в своем информативно-содержательном представлении. Квантовая спонтанность речевого мышления приводит к содержательной дискретности текста, оформленной графически и мыслительно. Но пропуски смысла – скважность текста – восполняются догадками, которые также являются типичными смысловыми связками, характерными для данной ситуации, факта, явления. Природа коммуникации обеспечивает переработку сообщенной информации и регулирует полноту и четкость изложения. Процесс коммуникаций обладает коммуникативной санацией: мера скважности определяется внутренним ходом мысли, ее переходом к другой мысли. Стыки между дискретностью текстовых компонентов не нормализованы никакими шаблонами: авторская рефлексия определяет цепь последовательности и свертывание промежуточных операций в расчете на то, что их восполнит или, скорее всего, проскочит, как и автор, читатель. Читательское восприятие, следующее авторскому восприятию, тоже воспитано на пропусках (дискретности) собственной мысли.

Наименьшей структурно-содержательной единицей графического пространства является абзац. Как своеобразный знак препинания – красная строка, абзац имеет отношение к содержанию всего текста, но имеет свою микротему – элемент темы всего текста произведения. Абзац оформляет микротему и сигнализирует об окончании предыдущей; он углубляет предшествующее и открывает новый ход мысли. Абзац является минимальным авторским компонентом текста, имеющим структурно-содержательную, экспрессивно-выделительную и композиционную значимость (именно значимость – в понимании Ф. де Соссюра – как элемент значения (тематического содержания) всего текста). Развивая мысль Ф. де Соссюра о соотношении значения и значимости единицы применительно к тексту, можно сказать, что абзац определен «отрицательно» по своему содержанию к остальным абзацам текста, поскольку он сообщает не то, что другие. Абзац обладает значимостью в своих взаимоотношениях с другими абзацами в составе текста.

Абзац – авторская стилистико-содержательная структура. Обладая общими прозаическими особенностями построения, абзац отражает внутреннюю организацию художественного повествования с позиции автора: он связан с индивидуальной манерой письма того или иного художника слова.

Не отказываясь от традиционного членения текста на абзацы, главы, части, тома, мы полагаем, что новое обоснование структуры

произведения требует выделения новых конструктивных организаций и их номинаций. Тематический прерывно-непрерывный принцип членения и способы его изложения определяются объемом объектов художественного изображения, кругом жизненных явлений, отражаемых писателем и скрепленных воедино авторским замыслом. Нами выделяются три уровня обобщения информации: мегатема (тема произведения), мидитема (тема главы) и минитема (тема композита).

Композит – это минимальная структурно-содержательная единица текста, обладающая относительной автономностью и законченностью содержания. По графическому пространству композит может совпадать с абзацем, быть частью абзаца или объединять несколько абзацев. Терминологически композит соотносится с понятием композиция в значении «сочинение как вид художественного творчества». В таком понимании композит является минисочинением в составе текста. *Типологическими* параметрами композита являются: 1) *рамочность* устройства: введение (преамбула) в минитему – содержание минитемы – заключение (резюме) минитемы; семантика рамки имеет свои особенности: введение содержит посылки, основания, мотивы, свойства и др.; заключение – это итог, вывод из вышеизложенного; 2) наличие подкомпозигов (субминитем), также имеющих рамочность организации; 3) объединение нескольких композитов одной главы, связанных тематически, в *ансамблевый фрагмент* главы; 4) включение в состав композита / подкомпозигов *лексических приоритетов* – слов / сочетаний слов, которые являются смысловыми доминантами микротемы; 5) *гиперо-гипонимическое* (родо-видовое) *изложение* минитемы, где каждый предшествующий гипероним (родовое слово) является для последующего обобщения гипонимом (1, с. 251–256).

В художественных текстах возможны смещения границ композита: резюме может являться одновременно и преамбулой последующего композита, может отсутствовать резюме или преамбула, возможна «смазанность» структуры введения, имеющая однако достаточно определенное содержание ввода новой мысли и др. [3, с. 123–124].

Таким образом, композит является свернутой, упакованной рамками, структурой содержания, своеобразным «свертком» речевого мышления в литературном произведении. Рамочность композита выполняет двоякую функцию: во-первых, она охватывает, отграничивая, «порцию» текстового смысла, т.е. проявляет квантовые свойства дискретности – раздельной прерывности, обладающей границами содержания; во-вторых, выполняет роль колюра. *Колюр* – категория сюжетостроения, предназначенная для повторного соединения фрагментов развития событийно-

сти, скрепления единого хода повествования, обрамления частей текста, обладающих относительной законченностью смысла [2, с. 257]. Коллор – это сфера особого лексико-семантического повтора, где начальный и конечный полюсы (введение и заключение), не дублируя друг друга, окаймляют в рамках тематического, гиперо-гипонимического рядов суть излагаемого. На конечном полюсе коллора, в заключении, происходит приращения смысла – вывод из вышесказанного. Возвращая читателя к содержанию первого полюса, коллор «сшивает» текст, как бы сдваивает фрагменты, и не только подводит итог, но и придает новую экспрессивно-оценочную значимость содержанию.

Классическим образцом композита в режиме описания является начало рассказа И.С. Тургенева «Бежин луг».

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. ||¹ С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце – не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветливо-лучезарное – мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый ее туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованныго серебра... Но вот опять хлынули играющие лучи, – и весело и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило. || Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они также лазурны, как небо: они все насквозь проникнуты светом и теплотой. Цвет небосклона, легкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза; разве кое-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы: то сеется едва заметный дождь.

|| К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределенные, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на место, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно вошло на небо, алое сияние стоит недолгое время над потемневшей землей, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплит-

¹ Две вертикальные линии указывают на смысловые скважины текста

ся на нем **вечерняя звезда**. || **В такие дни** краски все смягчены; светлы, но не ярки, на всем лежит печать какой-то трогательной **кротости**. **В такие дни** жар бывает иногда весьма силен, иногда даже «парит» по скатам полей; но ветер разгоняет, раздвигает накопившийся зной, и вихри-круговороты – несомненный признак **постоянной погоды** – высокими белыми столбами гуляют по дорогам через пашню. В сухом и чистом воздухе пахнет полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за час до ночи вы не чувствуете сырости. || Подобной **погоды** желает земледелец для уборки хлеба.

Композит разделен пятью скважинами, членящими структуру его содержания: введение – 3 подкомпозиата («Утро», «День», «вечер») и финальная часть – с ее «преддверием» – 10–12-е предложения и резюме – 13-е предложение. В разделительной роли скважности выступают инициальные лексические приоритеты: «**С самого раннего утра**» – «**Около полудня**» – «**К вечеру**» – «**В такие дни**».

Композит состоит из 2-х абзацев – 13 самостоятельных предложений, раскрывающих минитему «Погода в июльский день». Его рамка: 1-е предложение «Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда **погода установилась надолго**» и 13-е предложение «**Подобной погоды** желает земледелец для уборки хлеба». 1-е предложение – преамбула, имеет вводяще-обобщающее значение; это бытийно-характеризующее предложение квалификативного типа; лексические приоритеты введения – гиперонимы – 2: локализатор времени – день – «период времени» и гипероним – 1: квалификатор воздушного пространства – погода «состояние атмосферы в указанное время» (имя минитемы всего композита).

Резюме состоит из 10-го, 11-го, 12-го и 13-го предложений композита; 13-е предложение – «**Подобной погоды** желает земледелец для уборки хлеба» – имеет итого-обобщающее значение; это характеризующее модальное предложение, где квалификатор **погода** (гипероним – 1 в 1-м и 13-м предложениях) – начальный и конечный полюсы колюра. Происходит экспликация и скрепление родовым именем, которое является именованием минитемы композита.

10-е, 11-е и 12-е предложения, имеющие в инициальной части адекватные сочетания «В такие **дни...**», имеют хронотопически-указательное (дейктическое) значение – обобщающее временно-пространственное состояние объекта речи «дни», того состояния, о котором речь шла выше в десяти самостоятельных предложениях. Эти предложения «подготавливают» финальное рамочное 13-е предложение своей синестезической характеристикой (осознание, зрение, обоняние, слух).

Три подкомпозиции «Утро», «День», «Вечер» (погода в июльский день) характеризуют типичное состояние атмосферы в определенный временной период. Подкомпозиции также рамочны по своей организации и имеют лексические приоритеты гиперонимического и гипонимического характера.

Представим организацию подкомпозиции. «Утро» (1-й подкомпозиция): «С самого раннего **утра** небо ясно...» (введение) – лексический приоритет с *утра*: гипероним – 3 по отношению к гиперониму – 2 **день** и гипоним – 2 по отношению к последующим приоритетам: *заря, солнце, под тучкой, облачка, светило* (гипонимы – 3: приоритеты – лексемы входят в синонимические пары «солнце» – «светило» (3-е и 5-е предложения), «тучка» – «облачко» (3-е и 4-е предложения) и выполняют функции подкомпозиционной лексико-семантической скрепы.

Аналогично структурированы «День» и «Вечер». Однако «День» включает два субподкомпозиции (в составе 1-го абзаца текста), обе структуры также рамочны и лексически приоритетны. «**Около полудня**» «середина дня, соответствующая 12 часам» (6-е, 7-е предложения) и «**во весь день**» (8-е предложение) «часть суток от восхода до захода солнца» – гиперонимы – 2 и 3; они суть лексические приоритеты и выполняют колорную функцию, т.к. связывают повтором целое и часть: «**день**» (1-е предложение) и «**во весь день**» (8-е предложение), они «хранят» и воспроизводят воспоминания текста.

В заключении «Вечер» (3-й подкомпозиция) и в резюме собраны лексические приоритеты композиции – его гиперонимы и гипонимы.

Гиперонимы: **день** (введение) – **во весь день** (2-й подкомпозиция) – **В такие дни** (дважды в резюме); **погода** (введение) – **погоды** (резюме). Гипонимы: **небо** (1-й подкомпозиция) – **как небо** (2-й подкомпозиция) – **на небо** (3-й подкомпозиция); **солнце** (1-й подкомпозиция) – **напротив солнца** (3-й подкомпозиция) и др.

См. также лексические и словообразовательные заместители гипонимов: **кроткий** 1-й подкомпозиция – **кротости** (резюме); **надолго** (введение) – **постоянной** погоды (заключение) – разночастеречные контекстные синонимы и т.д.

Гиперо-гипонимическая упаковка всего композита обладает четырехчленной оболочкой. Эта оболочка раскрывает пласты референтного пространства **июльская погода** в хронологической последовательности.

В функции главного родового имени композита выступает имя минитемы **погода**, которое затем осмысливается в родо-видовом истолковании: погода (гипер – 1): **июльский день** (гипер – 2 и одновременно гипоним – 1 по отношению к гипер – 1): **утро – день – вечер** (гиперы – 3 по отношению к гипер – 2 **июльский день** и гипонимы – 2 к этому же

словосочетанию); **утро** (гипер – 3 и гипоним – 2): **небо, заря, солнце; тучка, облачко, светило** (гиперы – 4 и гипонимы – 3) и т.д.

Композит включает 238 полнозначительных слов: из них 21 слово – хронотопические местоименно-указательные дейктики ($\approx 8,9\%$); словообразовательные дериваты – 13 слов ($\approx 5\%$); гипероним – 1 («погода») – 3 слова ($\approx 1,2\%$); гипероним – 2 («день») – 5 слов ($\approx 2,1\%$); гипероним – 3 («небо») – 3 слова ($\approx 1,2\%$). Лексемы-дейктики, дериваты и родовые имена составляют 45 единиц ($\approx 18,9\%$) без учета гипонимических, синонимических и иных соответствий. *Каркасность* композита, т.е. минитекста и, очевидно, макситекста, базируется на номинативно-указательных заменах, словопроизводстве и родовых номинациях.

Наличие многочисленных лексико-семантических, деривационных и иных замен родового и видового типа в структуре содержания композита выполняет текстообразующую, конструирующую роль. Воспроизведения лексем в таком малом отрезке текста, как рассмотренный композит, играет роль скреп – швов текста, которые направляют сознание читателя и держат его, как лингвистический лоцман, в авторском устремлении, желании и замысле.

«Восприятие литературного произведения связано с памятью (свойства человеческой памяти вообще налагают ряд ограничений на литературное произведение – ограничений, необходимых именно для восприятия последнего) <...> непосредственная связь памяти и времени достаточно очевидна» [9, с. 103–104].

Лексико-семантическое обозрение композита «Погода в июльский день» показывает, что структура его содержания обладает квантовыми признаками – своими собственными, филологическими по объему «порциями» содержания, сегментацией и скважностью, элементами связи, их внутренней парадигматикой и деривацией, – но общие принципы квантовости – дискретность (прерывность текста) и континуальность (непрерывность изложения текста) – имеет быть место: как бы мы не относились к такому осмыслению – гипотетически, утвердительно или отрицательно – но что есть, то существует.

И.С. Тургенев сделал поэтичным это минисочинение-композит. Художественные метаморфозы погоды многолики, они передают эстетическую красоту языковыми представлениями. Конкретизирующая наглядность и эмоциональный напор вносят в описание субъективную изобразительную аксиологичность.

Вскрывая каркас этого прелестного сочинения, мы обнаруживаем глубинные механизмы его образования, которые онтологически отражают маленький «кусочек» квантового поля материей языка.

Библиографический список

1. Диброва Е.И. Гиперо-гипонимическая парадигма // Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. Ч. 1. М., 2002.
2. Диброва Е.И. Категории художественного текста // Семантика языковых единиц. М, 1998.
3. Диброва Е.И. Пространство текста в композитном членении // Структура и семантика художественного текста. М., 1999.
4. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. М., 1993.
5. Медведев В.В., Широков Д.В. Квантовая теория поля // Физическая энциклопедия / Под ред. А. Прохорова. Т. 2. М., 1998. С. 300.
6. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. 2-е изд., расшир. М., 1979.
7. Налимов В.В. Спонтанность сознания. М., 1989.
8. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.
9. Успенский Б.А. Поэтика композиции. М., 1997.
10. Stapp Н.Р. Mind, Matter and Quantum Mechanics. Berkeley, Ca, 1993.

М.В. Ершов

Оппозиционный характер представления инварианта в драматургическом произведении (на материале пьесы Б. Шоу «Пигмалион»)

Статья посвящена определению инварианта как ключевого элемента при транслировании основной идеи драматургического произведения на глубинном уровне функциональной смысловой зависимости и выделению его оппозиционного характера, что позволяет говорить о моноцентризме данной идеи в произведении. В ней также говорится о непосредственной роли автора в передаче реципиентам своей мировоззренческой позиции посредством данной оппозиции.

Ключевые слова: функционально-смысловая зависимость, инвариант, оппозиция, драматургическое произведение.

В любом художественном произведении главным является та основная авторская мысль, которая как доминантная идея лежит в основе его создания и позволяет заглянуть в творческую лабораторию автора, раскрыв его мировоззренческую позицию.

Согласно концепции, разработанной проф. И.Г. Кошевой и рядом представителей ее школы (Гущиной Ю.А., Сарычевым В.В., Харламовой Е. А., Фоменко Т.А. и др.), для передачи своего видения мира автор при создании произведения основывается на функциональной смысловой зависимости, которая в равной степени проявляет себя и на глубинном, и на поверхностном уровне.

На глубинном уровне функциональная смысловая зависимость реализуется через авторский ракурс как кодирующее представление сюжета, поданное в виде его прямолинейного раскрытия от начала до полного завершения [3, с. 17].

Сам авторский ракурс состоит из таких компонентов, как инвариант, семантическое ядро, центральное звено и смысловой узел. Инвариант определяется как наименьшая смысловыражающая единица, константная в своей основе и потому формообразующая во всех дальнейших закодированных модификациях создающегося автором сюжетного макета текста, т.е. в семантическом ядре, центральном звене и смысловом узле. Иными словами, инвариант является исходным смысловым компонентом авторского ракурса [1, с. 56].

Однако понимание инварианта в драматургическом тексте несколько отличается от обычного его раскрытия через ряд вариантов, где инвариант как понятие имеет обширный ряд синонимов и не повторяется в виде того же слова на расширяющихся ступенях речевой ситуации (от микротематической до текстологической). Эти его свойства, прекрасно укладывающиеся в рамки читаемого прозаического и поэтического текста, не работают в рамках драматургического текста, где зритель находится в ситуации активно сменяющихся друг друга лиц, декораций, световых эффектов и прочих сценических факторов, психологически воздействующих на зрителя в процессе стремительно развивающегося сюжета.

Филиппова М.В. выделяет у инварианта его оппозиционный характер [4, с. 94]. Однако она не раскрывает суть такой оппозиции. Забегая несколько вперед, можно сказать, что, как показало проведенное исследование, оппозиция драматургического текста имеет такие характеризующие ее признаки, как:

- 1) многоаспектность;
- 2) центробежность, сходящаяся в конечном счете в моноцентризме;
- 3) рекуррентность.

Переходя к рассмотрению инварианта, начнем с того, что основным семантическим понятием, которое заложено Б. Шоу в главную идею своего произведения, идею возрождения личности, является превращение нищей безграмотной и невоспитанной замарашки в настоящую герцогиню.

Данная мысль отражается автором через один и тот же инвариант по-разному, т.е. многоаспектно представленном на протяжении всей пьесы.

Так, к примеру, в зависимости от смысловой выраженности речевого комплекса, который передает инвариант через его варианты на поверхностном уровне посредством сюжетной перспективы, можно выделить:

- 1) эмоциональный тип речевого комплекса;
- 2) нейтральный тип речевого комплекса;
- 3) итоговый тип речевого комплекса;
- 4) смешанный тип речевого комплекса [1, с. 64].

В драматургическом произведении речевой комплекс будет структурно равен мизансцене.

Эмоциональный тип речевого комплекса основывается на ощущении, поэтому восприятие ситуации, которое носит в нем характер ее непосредственно чувственной оценки, допускает максимальное частое использование моноцентризма, т.е. не дает второго центра, поскольку построен на принципе конъюнкции – объединении всего смысла на самого себя [1, с. 38].

Раскрытие инварианта в эмоциональном речевом комплексе наиболее отчетливо показано в следующем примере:

HIGGINS [with the roar of a wounded lion]. *Stop. Listen to this, Pickering. This is what we pay for as elementary education. This unfortunate animal has been locked up for nine years in school at our expense to teach her to speak and read the language of Shakespear and Milton. And the result is Ah yee, Bq – yee, Cq – yee.* [To Eliza.] *Say A, B, C, D.*

LIZA [almost in tears]. *But I'm saying it. Ah yee, Bq – yee, Cq – yee –*
HIGGINS. *Stop. Say a cup of tea.*

LIZA. *A cappqtq – ee.*

HIGGINS. *Put your tongue forward until it squeezes against the top of your lower teeth. Now say cup.*

LIZA. *C-c-c – I cant. C-Cup.*

PICKERING. *Good. Splendid, Miss Doolittle.*

HIGGINS. *By Jupiter, she's done it at the first shot. Pickering: we shall make a duchess of her.* [To Eliza.] *Now do you think you could possibly say tea?* [5, с. 62].

Авторская ремарка, а также использование бранной лексики в речи персонажа профессора Хиггинса указывает на эмоциональный тип дан-

ной мизансцены, где в качестве инварианта выступает слово *duchess*, выражающее стремление сделать Элизу настоящей герцогиней.

Этот инвариант встречается и в нейтральном речевом комплексе, который основывается на понятии, формируемом у говорящего в результате оценки речевой ситуации. Ее описание имеет, в основном, констатирующий характер. Причем особенно частотным оказывается расширение не столько инвариантного значения, а значений вариативных [1, с. 66].

HIGGINS. *There! Thats all you get out of Eliza. Ah-ah-ow-oo! No use explaining. As a military man you ought to know that. Give her her orders: thats what she wants. Eliza: you are to live here for the next six months, learning how to speak beautifully, like a lady in a florist's shop. If youre good and do whatever youre told, you shall sleep in a proper bedroom, and have lots to eat, and money to buy chocolates and take rides in taxis. If youre naughty and idle you will sleep in the back kitchen among the black beetles, and be walloped by Mrs. Pearce with a broomstick. At the end of six months you shall go to Buckingham Palace in a carriage, beautifully dressed. If the King finds out youre not a lady, you will be taken by the police to the Tower of London, where your head will be cut off as a warning to other presumptuous flower girls. If you are not found out, you shall have a present of seven-and-sixpence to start life with as a lady in a shop. If you refuse this offer you will be a most ungrateful and wicked girl; and the angels will weep for you. [To Pickering] Now are you satisfied, Pickering? [To Mrs. Pearce] Can I put it more plainly and fairly, Mrs. Pearce?* [5, с. 40].

В данном случае инвариант выражается через слово *lady*, которое выступает здесь в качестве речевого синонима *duchess*. При этом расширению подвергается вариативное окружение данной мизансцены, в котором происходит констатация, позволяющая однозначно понять инвариантное значение.

Итоговый тип речевого комплекса, по существу, основывается на умозаключении. Он предполагает такое проникновение в суть ситуации и составляющих ее объектов, которое носит характер последовательных выводов и заключений. Для данного типа речевого комплекса свойственно максимально широкое использование моноцентризма [1, с. 68].

Данный тип речевого комплекса также отражает основную идею пьесы через инвариант.

HIGGINS [wondering at her] *You damned impudent slut, you! But it's better than snivelling; better than fetching slippers and finding spectacles, isnt it?* [Rising] *By George, Eliza, I said I'd make a woman of you; and I have. I like you like this.*

LIZA. *Yes: you turn round and make up to me now that I'm not afraid of you, and can do without you.*

HIGGINS. *Of course I do, you little fool. Five minutes ago you were like a millstone round my neck. Now youre a tower of strength: a consort battleship. You and I and Pickering will be three old bachelors together instead of only two men and a silly girl* [5, с. 128].

Здесь инвариант проявляется уже в слове *woman*. В данной мизансцене драматург подводит итог своим мыслям, заключая, что основная идея произведения подошла к своему логическому завершению, поскольку Элиза все же стала настоящей герцогиней.

Существующие в речи три типа речевых комплексов вместе объединены в едином смысловом целом, более емком, чем каждый из речевых комплексов. Инварианты, присущие каждому из них, позволяют говорить об их стяжении в объединяющий их смысловой блок, который лежит в основе таких речевых единств, как сверхфразовые.

В условиях сверхфразового единства, равного сцене в пьесе, могут быть смешаны такие типы речевых комплексов, как нейтральный и итоговый, итоговый и эмоциональный [1, с. 70].

Это наиболее ярко отражается в следующем примере:

NOTETAKER. *Yes, you squashed cabbage leaf, you disgrace to the noble architecture of these columns, you incarnate insult to the English language: I could pass you off as the Queen of Sheba. (To the gentleman.) Can you believe that?* [Там же, с. 21].

В данном случае слияние итогового и эмоционального речевых комплексов раскрывает отраженный в них инвариант уже на уровне сцены, т.е. в речевой ситуации тематического плана (*Queen of Sheba*), что подтверждает предположение о формообразующей роли инварианта во всех закодированных модификациях создающегося автором сюжетного макета текста.

Каждый из инвариантов представлен в своей оппозиции (например, *duchess – unfortunate animal, lady – ungrateful and wicked girl, woman – damned impudent slut, Queen of Sheba – squashed cabbage leaf* и т.д.). Такое размежевание позволяет говорить о рекурренции. Иными словами, противопоставляя инвариант его обратному значению, драматург возвращает реципиентов к изначальному положению главного персонажа пьесы Элизы (обычная безграмотная уличная торговка), а затем показывает конечную цель ее преобразования (герцогиня, принцесса). В результате каждая такая оппозиция сводится к одной мысли – идее возрождения личности, что указывает на моноцентричность данного явления.

Однако инвариант хоть и является формообразующим элементом авторского ракурса, кодирующего основную идею на глубинном уровне и создавая макет произведения, все же выступает здесь в качестве

минимальной единицы. Объединение нескольких инвариантов образует семантическое ядро, передающее авторскую идею в речевой ситуации тематического плана, структурно равной сверхфразовому единству в прозе и сцене в драме. Так, к примеру, объединение нескольких инвариантов в начале первого акта пьесы образует семантическое ядро, раскрывающее род занятий профессора Хиггинса (*Simply phonetics* [5, с. 20]). Данная мысль также является выражением главной идеи произведения, поскольку именно фонетика призвана сделать из Элизы герцогиню.

Стягивание нескольких семантических ядер приводит к появлению единицы макротематической речевой ситуации – центрального звена, равного акту пьесы. В «Пигмалионе» пять актов, каждый из которых по своему передает идею возрождения личности. Акт I указывает на предпосылки данной идеи (*I could pass that girl off as a duchess* [Там же, с. 21]), акт II окончательно ее формирует (*I shall make a duchess of this draggle-tailed guttersnipe* [Там же, с. 34]), акт III констатирует первые итоги (*You have won it ten times over* [Там же, с. 89]), акт IV открывает обратную сторону идеи возрождения Элизы (*Whats to become of me?* [Там же, с. 95]), акт V завершает развитие данной мысли (*By George, Eliza, I said I'd make a woman of you; and I have. I like you like this* [Там же, с. 129]).

Последний, самый крупный, элемент авторского ракурса – смысловой узел. Объединяя все центральные звенья произведения, он способствует полному пониманию главной авторской идеи и сводит различные ее грани к единому центру.

На поверхностном уровне происходит декодирование макета произведения с помощью сюжетной перспективы посредством реплик персонажей. Однако помимо самого текста пьесы неотъемлемой частью пьесы «Пигмалион» являются Preface и Sequel – вступительная и заключительная часть, в которой непосредственно сам автор, напрямую обращаясь к своим реципиентам, указывает на главную идею пьесы:

I found to my astonishment that he, who had been a quite tolerably presentable young man, had actually managed by sheer scorn to alter his personal appearance until he had become a sort of walking repudiation of Oxford and all its traditions [Там же, с. 6].

Finally, and for the encouragement of people troubled with accents that cut them off from all high employment, I may add that the change wrought by Professor Higgins in the flower girl is neither impossible nor uncommon. The modern concierge's daughter who fulfils her ambition by playing the Queen of Spain in Ruy Blas at the Theatre Francais is only one of many thousands of men and women who have sloughed off their native dialects and acquired a new tongue [Там же, с. 8].

Ambitious flower girls who read this play must not imagine that they can pass themselves off as fine ladies by untutored imitation [5, с. 8].

В результате, в высказываниях драматурга дается указание на возрождение личности как главную идею пьесы. Расширяясь, они также реализуют данную мысль в оппозиции инварианта, который можно выделить в словах автора (*quite tolerably presentable – sheer scorn, concierge's daughter – Queen of Spain, flower girls – fine ladies*).

Таким образом, инвариант, выделенный в словах Б. Шоу, совпадает с инвариантом в репликах персонажей в основном тексте пьесы, что подтверждает центральное положение идеи возрождения личности в сюжете пьесы «Пигмалион».

Исходя из всего вышесказанного, можно прийти к следующему выводу: основная идея драматургического произведения отображается посредством функциональной смысловой зависимости, которая кодирует данную идею на глубинном уровне и декодирует ее на поверхностном уровне. При этом кодирование идеи осуществляется посредством авторского ракурса, ключевым элементом которого является инвариант. Являясь минимальной единицей, инвариант при этом представляет собой основную смысловыражающую величину, которая на протяжении всего текста пьесы отражает главную идею произведения через реплики персонажей пьесы. При этом драматург может использовать оппозиционный характер представления инварианта для более яркого выражения основной сюжетной мысли. Характерными чертами оппозиции являются ее многоаспектность, рекуррентность и моноцентричность. Идея возрождения личности раскрывается и на других витках авторского ракурса (семантическое ядро, центральное звено, смысловой узел), однако ключевая роль здесь все же принадлежит инварианту. Декодирование инварианта осуществляется посредством сюжетной перспективы через высказывания персонажей, а также через слова самого автора во вступительной и заключительной части произведения, Preface и Sequel, где Б. Шоу также использует оппозицию для усиления выразительности основной темы пьесы.

Библиографический список

1. Радзивилова О.А. Структурно семантические особенности комедийного жанра в драматургии (на материале комедий В. Шекспира): Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2007.
2. Кошечкина И.Г. Текстологические структуры языка и речи. М., 1983.
3. Луговская Е.Ю. Речевая структура сонета (на материале сонетов В. Шекспира): Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2005.

4. Филиппова М.В. Роль авторского ракурса в построении драматургического текста: на материале пьесы Б. Шоу «Пигмалион»: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
5. Shaw B. Pygmalion, Caesar and Cleopatra // English classical literature. СПб., 2008.

В.Н. Левина

Языковая структура пейзажной единицы «метель» в прозаическом тексте¹

В статье анализируется языковая структура пейзажной единицы «метель» в прозаическом тексте. Автор показывает эволюцию данной единицы в произведениях русской литературы разных временных периодов, а также отмечает особенности ее языкового выражения в современной прозе.

Ключевые слова: прозаический текст, пейзажная единица «метель», языковая структура, художественная картина мира.

К числу фундаментальных понятий, которые выражают специфику человека и его бытия, взаимоотношения с миром, относится понятие «картина мира». Оно активно разрабатывается в лингвистике в контексте антропоцентрического подхода к изучению языка. Как отмечает С.А. Песина, «языковая модель мира несет в себе черты человеческой способности миропостижения, то есть антропоцентризма, который пронизывает весь словарный состав языка» [18, с. 42].

Изучение образа мира, запечатленного в языке, связано с анализом национальной специфики понятий, особое место среди которых занимает

---

¹ НИР выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 г., Государственный контракт № П656 от 19 мая 2010 г.

их художественное преломление в текстах. Осмысление бытия предопределяется эволюцией самого сознания, взаимодействием и сменой реалий, часто меняющих традиционное употребление языка. На первый план выходит проблема авторского стиля как содержательной мировоззренческой категории, тесно связанной с теорией речевой коммуникации. «Текст – это мир знаний и раздумий, мнений и страстей, восприятия и истолкования действительности – той экспликации социолингвистических и индивидуально-лингвистических языковых средств, которые отработаны культурой письменности нации. Язык существует в тексте – культурно-филологическом феномене, где формируются и воплощаются духовные потенции национального человека» [9, с. 92].

Вербальные тексты играют важную роль в сохранении языковых традиций, их продолжении, развитии. Художественный текст может достаточно объективно воссоздавать жизненные реалии. Это объясняется его многоуровневостью и тем, что восприятие произведения в значительной степени определяется литературным вкусом, опытом, мировоззрением, характером, возрастом читателя [12, с. 371–372].

Как мы уже отмечали, «комплексный подход к исследованию текста позволяет разработать ряд положений теории языковой коммуникации в новых условиях социума, определить семантику ключевых компонентов в структуре текстов различных типов, дать оценку системе языковых способов передачи знаний о картине мира, определить особенности порождения и восприятия различных типов текстов в условиях современной языковой культуры на примере анализа конкретных употреблений текстовых единиц, например, пейзажа, портрета, интерьера и т.д.» [13, с. 248]. Пейзажная картина мира обнаруживается в единообразии представлений народа, в стереотипных знаниях о действительности в художественном и фольклорном текстах. Она возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения и создается равноуровневыми языковыми средствами, при этом отражая индивидуальную картину мира в сознании писателя и воплощаясь в отборе элементов традиционного и вымышленного пейзажа, в используемых языковых средствах, среди которых наиболее продуктивны индивидуально-авторские языковые средства как вариант текстовых единиц, отражающих концептосферу пейзажа [12, с. 373].

Значительное место в русских прозаических текстах занимают описания зимней природы (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, А.И. Куприн, С.Т. Аксаков и др.). Основу информационного поля «зима» составляет пейзажная единица «метель», которая в зависимости от авторского замысла выполняет в тексте различные функции,

а также имеет определенную языковую структуру. Это во многом подтверждается теоретическими положениями о том, что «художественный мир отражает объективированно-субъективную действительность независимо от реальности/достоверности события. Конструирование “реальности” произведения производится интенционально, на основе авторской рефлексии и художественной установки, отражающих в художественной форме события, явления, факты объективного мира. Поэтому сопричастность к бытийности составляет референциальную основу мыслимого мира художественного произведения. <...> Смыслообразовательный характер контекста определяется семантическими ориентирами: различными лексическими, лексико-грамматическими и грамматическими средствами, направляющими интенциональность содержания контекстного имени» [9, с. 105–107]. И, безусловно, «основная текстовая предназначенность слов – дать информацию о сфере типического применения слова и возможностях естественного употребления» [6, с. 32].

Как отмечает в своих исследованиях К.А. Нагина, «мотив метели вошел в русскую литературу вместе со стихами П.А. Вяземского, первым из русских поэтов связавшим специфику национального характера с любовью к зиме» [15, с. 112.]. Кроме того, «начиная с Пушкина, образ метели-судьбы прочно займет свое место в русской литературе. С этим образом тесно связана проблема соотношения случайного и закономерного, воплощенная в двух вариантах поведения персонажей. Одни следуют зову судьбы, другие идут наперекор предзнаменованиям, пытаясь собственными усилиями достичь желаемого» [14, с. 14]. Например: *На дворе была метель; ветер выл, ставни тряслись и стучали; все казалось ей угрозой и печальным предзнаменованием.* А.С. Пушкин. «Метель» (1830). Ключевые лексемы: *метель, ветер, угроза, печальное, предзнаменование, выл, тряслись, стучали*, – подчеркивают всю несостоятельность человека перед природной стихией. Следует обратить внимание также на то, что «ключевые слова как фактор понимания выступают в виде понимания текста и его семантики за счет того, что понимание структурировано, то есть оно осуществляется путем последовательного осмысления семантических уровней и постепенного погружения в текст. Причем происходит процесс понимания не отдельных единиц, а структуры текста в целом» [17, с. 792].

И также неслучайно при обращении к данным славянской мифологии мы находим, что «в тот день, когда уезжает кто-нибудь из родичей, поселяне не метут избы, чтобы не замести ему следа, по которому бы мог он снова воротиться под родную кровлю. Как метель и вихри, заметая проложенные следы и ломая поставленные вехи, заставляют плутать

дорожных людей; так стали думать, что, уничтожая в доме следы отъехавшего родича, можно помешать его возврату» [3]. Истоки этой семантики прослеживаются в самой этимологии слова «метель», которое образовано от слова «мету» [19]. Глагольное происхождение придает многим контекстам, в которых встречается эта пейзажная единица, ярко выраженный признак динамики и значительно реже – статики. Это подтверждается и данными других словарей. Так в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля: «СУМЕТЬ (метель) ж. вост. метель (от мести), мятель (мястись), вьюга. Сумет м. сугроб, сувой, снежный занос, нанесенный ветром бугор снега. Заехали ночью в невылазный сумет. || Холм, могила. До сумета вы(про)жито, а ума не нажито. См. сметывать» [8]. По данным «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова, «МЕТЕЛЬ, -и; ж. Сильный ветер со снегом; вьюга. Снежная м. М. воеет за окном. М. занесла следы. < Метельный, -ая, -ое. М-ая зима. М-ая погода. М. снег» [5]. В «Большой советской энциклопедии»: метель – это «перенос снега ветром в слоях, близких к земной поверхности», а также «позёмок»; «низовая и общая метель», «снег при достаточно сильном ветре»; значительное увеличение снежного покрова; низкая температура воздуха; «местное название буран» [4]. Синонимами к слову «метель», по данным «Словаря русских синонимов и сходных по смыслу выражений», являются «ветер», «вьюга» [2], которые традиционно используются в литературных произведениях при описании метели.

Авторы прозаических текстов значительно расширяют семантическое поле пейзажной единицы «метель», например: *Даже скорей была она язычица, брали в ней верх суеверия: что на Ивана Постного в огород зайти нельзя – на будущий год урожая не будет; что если метель крутит – значит, кто-то где-то удавился, а дверью ногу прищемишь – быть гостю. <...> Но в тот же день началась метель – дуель, по-матрениному.* А.И. Солженицын. «Матренин двор» (1960).

Языковая структура пейзажной единицы «метель» разнообразна.

1. *Ветер за стенами дома бесился, как старый, озябший голый дьявол. В его реве слышались стоны, визг и дикий смех. Метель к вечеру расходилась еще сильнее. Снаружи кто-то яростно бросал в стекла окон горсти мелкого сухого снега. Недалекий лес роптал и гудел с непрерывной, затаенной, глухой угрозой.* А.И. Куприн. «Олеся» (1898). Здесь ключевыми компонентами являются следующие лексемы: субстантивы *ветер, снег, дьявол, рев, стон*; глаголы *бесился, бросался*; адъективы *старый, озябший, голый*; наречия – *сильнее, яростно*; нестандартные текстовые сочетания – *горсти мелкого сухого снега, гудел с непрерывной, затаенной, глухой угрозой*.

2. *В самом деле, едва только поднялась метель, и ветер стал резать прямо в глаза, как Чуб уже изъявил раскаяние и, нахлобучивая глубже на голову капелюхи, угощал побранками себя, чорта и кума.* Н.В. Гоголь. «Ночь перед Рождеством» (1831–1832). Ключевые компоненты: *метель, ветер*; нестандартные авторские единицы: *стал резать прямо в глаза*.

3. *Лошади измучились, мы продрогли; метель гудела сильнее и сильнее, точно наша родимая, северная; только ее дикие напевы были печальнее, заунывнее.* М.Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени» (1839–1841). Актуализированы глагольные лексемы *измучились, продрогли, гудела*, субстантивная форма глагола *напевы*.

4. *А нам-то любо было смотреть на нее; и не увидишь, как свечка нагорит, не слышишь, как на дворе подчас и вьюга злится и метель метет.* Ф.М. Достоевский. «Бедные люди» (1846). Традиционно для русских текстов употребление сочетаний *вьюга злится и метель метет*.

5. *Едва миновав темные фигуры мельниц, из которых одна неуклюже махала своими большими крыльями, и выехав за станцию, я заметил, что дорога стала тяжелее и засыпаннее, ветер сильнее стал дуть мне в левую сторону, заносить в бок хвосты и гривы лошадей и упрямо поднимать и относить снег, разрываемый полозьями и копытами. Колокольчик стал замирать, струйка холодного воздуха пробежала через какое-то отверстие в рукаве за спину, и мне пришел в голову совет смотрителя не ездить лучше, чтоб не проплутать всю ночь и не замерзнуть дорогой.* Л.Н. Толстой «Метель» (1856). Здесь также достаточно узнаваемы глаголы *стал дуть, относить (снег)*, наречие *сильнее*, прилагательное *холодного (воздуха)*.

6. – *Ну что стал опять? Вишь, найти дорогу хочет! Сказано, метель! Теперь землемер самый, и тот дороги не найдет. Ехал бы, поколе лошади везут. Авовь до смерти не замерзнем... пошел знай!*

– *Как же! небось, поштальон в прошлом году до смерти замерз! – отозвался мой ямщик.* Л.Н. Толстой. «Метель» (1856). Семантика пейзажной единицы «метель» раскрывается через оценку состояния человека и животных: *до смерти не замерзнем, поколе лошади везут*. Обращает на себя внимание диалоговая форма коммуникативного выражения данной текстовой единицы.

7. *Казалось, они только что вырвались из чьих-то грозных, смертоносных когтей – и, вызванный жалким видом обессиленных животных, среди весеннего красного дня вставал белый призрак безотрадной, бесконечной зимы с ее метелями, морозами и снегами.* И.С. Тургенев. «Отцы и дети» (1862). Здесь также описание дано через характеристику животных.

8. *Да, видно, до метели не доехать. К вечеру становится все холоднее. Слышно, как снег под полозьями поскрипывает, зимний ветер – сивера – гудит в темном бору, ветви елей протягиваются к узкой лесной дороге и угрюмо качаются в опускающемся сумраке раннего вечера.* В.Г. Короленко. «Чудная» (1880). В описании участвуют слова новых тематических групп, характеризующих состояние природы.

9. *Слышу, как чья-то рука шарит по двери, ищет скобку, а затем чувствую холод и свежий запах январской метели, сильный, как запах разрезанного арбуза.* И.А. Бунин. «Сосны» (1901). Эффект достигается за счет сравнения. В семантическом поле текстовой пейзажной единицы «метель» появляется такой нетрадиционный признак, как запах.

10. *Шагал в серой мгле по сугробам, слушая вой метели и вспоминая яростные взвизгивания разбитого человека; чувствовал, что его слова остановились где-то в горле у меня, душат.* М. Горький. «Мои университеты» (1923). Лексика из тематической группы «метель» используется автором в описании физического и психологического состояния человека.

11. *Ведьма сухая метель загремела воротами и помелом съездила по уху барышню.* М.А. Булгаков. «Собачье сердце» (1925). Семантика пейзажной единицы «метель» актуализирована глаголами: *загремела, съездила*, метафорическим выражением: *ведьма сухая метель*.

12. *Под ногами сахарно похрупывал снег, зернисто-синий, сыпкий. С серой наволочи неба срывалась метель. Ветер нес огонь из сигарок, перевеивал снежную пыльцу.* М.А. Шолохов. «Тихий Дон», кн. 3 (1928–1940). Текстовая нагрузка «метели» связана с усилением роли эпитетов.

13. *То мороз, то дождь, и вдруг снег, как зимой, метель белая с воем, и опять солнце, опять тепло и зеленеет.* М.М. Пришвин. «Лесная капель» (1943). Сравнение определительного характера обусловило актуализацию субстантивов: *мороз, снег, зимой, с воем*.

14. *Помню, как иногда по целым неделям несло непроглядными азиатскими метелями, в которых чуть маячили городские колокольни.* К.Г. Паустовский. «Золотая роза» (1955). Семантика метели обусловлена нестандартной текстовой единицей.

15. *Я пытался себе представить эти сорок дней одиночества, когда вокруг ни одной живой души, только свист горной метели и мертвый шорох снега.* Ф. Искандер. «Святое озеро» (1969). Вновь актуализированы адъективы.

16. *Настена вспомнила, что в марте, в лютую и мокрую метель, она бежала по льду где-то здесь же: время идет, а у нее ничего не меняется, и зимой и летом приходится искать непогоду, чтобы попасть все туда*

же, все для того же. В. Распутин. «Живи и помни» (1974). Традиционно сочетание *лютую и мокрую метель*, лексика *зимой, непогоду*.

17. *Там второй день лежала больная Феня; простудилась, кашляла, и они не пустили ее в школу: шутка ли – по такой метели плестись за три километра в местечко.* В. Быков. «Знак беды» (1982).

– *Доктора привозили?*

– *Да где по такой метели! Может, сама как поправится.* В. Быков. «Знак беды» (1982). Диалоговую форму коммуникативного представления пейзажной единицы «метель» можно отнести к нестандартному способу языкового выражения.

18. *Небо было серое, недоброе. Обещало метель. В городке, идя по тропке, он свернул к ректорскому корпусу – его потянуло к себе движение людей, быстро входящих в подъезд и выходящих на улицу.* В. Дудинцев «Белые одежды», ч. 3 (1987). Ассоциирование действия людей перенесено на качество метели как оценочная характеристика.

19. Аналогия с предыдущим примером прослеживается в следующем описании: *Ходило над нею холодное солнце, выли метели, с грохотом проносились по улице лесовозы, звучали голоса ребятишек, возвращающихся из школы, – ни на что Агафьиная изба отозваться не могла, умершая безмогильно, наводящая на живых тяжелую тоску.* В. Распутин. «Имба» (1999). Вновь используются известные для русского языка сочтения.

В современной прозе наблюдается достаточно компактное использование пейзажных единиц, т.е. без традиционно принятой атрибутики (*снег, ветер, вьюга*). *Деваться ему, покойнику, было, видно, некуда, ночь на дворе, залег покойник в дрова, в сарай, не так метет метель, причем умудрился стащить замок с петель.* Л. Петрушевская. «Пчелка» (1998–1999). *Весна! Метели бывают редко, редко и солнце! Вот оно какое северное солнце, не похожее ни на какие другие солнца, – радостное, чистое, почти не заходит, и я, не поклонница белых ночей, часто теперь мысленно брожу по своему любимому Ленинграду...* Т. Окуневская. «Татьянин день» (1998). Текстовая пейзажная единица «метель» в одноименном произведении В. Сорокина является фоном происходящих событий: *Метель и вправду усилилась, снег несло и крутило.* В. Сорокин. «Метель» (2010). Следует отметить реализацию пейзажной единицы в диалогических конструкциях:

– *Так ведь мятель, барин. – Перхуша глянул в подслеповатое окошко.*

– *Знаю, что метель! Там больные люди ждут! – повысил голос доктор; и в монологических размышлениях героев: Стоя на крыльце и стягивая бодрящий папирозный дым, Платон Ильич уже думал о завтрашнем дне:*

«<...>Нет, не доберется он раньше меня из Усох, там, почитай, сорок верст, да по такой погоде... Вот повезло с этой метелью...»; Он вспомнил двух обычных лошадей, на которых, совсем измученных метелью, он три с половиной часа назад приехал в проклятое Долбешино и которые сейчас стояли на станционной конюшне и, наверно, что-то жевали; Если метель перестанет, доедем за часа полтора. В. Сорокин. «Метель» (2010).

Интересной реализацией пейзажной единицы «метель» являются метафорические конструкции: *Женищина застыла, низко потупившись, и шум зала, как начинающаяся метель, словно засыпал ее снегом.* В. Дудинцев. «Белые одежды», ч. 1 (1987); *И все чаще в поисках крепости <...> вспоминала Тамара Ивановна свою деревню на берегу Ангары <...> в белой кипени майскую черемуху по обочью, сладкий дух ее в деревне, черемуховые метели после цветения, покрывающие улицу белизной...* В. Распутин. «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003). Также данная текстовая единица составляет основу сравнительных конструкций: *Варвара достала сахар, вспомнила, что так и не купила ванильных сухарей с изюмом, и жизнь показалась совсем темной и пустой, как продуваемый метелью переулок.* Т. Устинова. «Подруга особого назначения» (2003); *Он долго падал в бездонную пропасть, и в ушах у него звенело, и шумело в голове, и было как-то знобко, как будто в жарком здании гуляет свирепая метель.* Т. Устинова. «Большое зло и мелкие пакости» (2003).

Данный анализ подтверждает выявленные Е.Б. Никифоровой тенденции, которые влияют на развития лексико-семантической системы русского языка. Исследователь справедливо утверждает, что «лексико-семантическая система русского языка находится в состоянии динамического равновесия под влиянием двух первых тенденций качественного и двух последующих – количественного характера: 1) тенденция к изменению семантики слов, вызванному потребностью соответствия их значения эволюционирующему языковому сознанию; 2) тенденция к сохранению имеющегося значения, связанному с необходимостью удержания в языковом сознании традиционного опыта; 3) тенденция к элиминации, удалению элементов лексической системы, вызванной деактуализацией отдельных звеньев в современной изменяющейся концептосфере русского языка; 4) тенденция к плеонастической инновации, возникновению новых номинативных единиц, вызванному потребностями в вербализации новых когнитивных образований, появляющихся в концептосфере русского языка» [16, с. 19]. В связи с этим также будут актуальны, на наш взгляд, рассуждения о том, что «смысл обеспечивает связь языка с мыслью, а референция – связь языка с миром. Так в лингвистике появи-

лись два самостоятельных раздела семантики – теория значения и теория референции. Теория значения изучает смыслы языковых единиц, способы их комбинирования и отношения между ними, то есть язык, оторванный от его употребления и окружающего мира. Теория референции исходит из того, что есть язык и его употребления, и изучает связи языка с внешним миром, а именно те языковые механизмы, которые эту связь осуществляют. Таким образом, теория значения отвечает за связь языка с мыслью, а теория референции – за связь языка с миром. Разорвать эти две теории невозможно, поскольку мысль также связана с миром. Но такое разделение позволяет четче представить функционирование языка» [11, с. 335]. В свете вышеизложенного, безусловно, важным является рассмотрение и категории ментального пространства, которое, «потенциально существуя в сознании людей, принадлежащих к одному этносу в определенный период его истории и развития, эксплицируется в текстах, прежде всего художественных, поскольку именно они наиболее полно отражают самосознание и мировосприятие народа» [10, с. 86].

Итак, проведенные исследования показали, что языковая структура пейзажной единицы «метель» тесно связана с ее семантикой и условиями контекста, в котором она выполняет различные функции. С появлением данной пейзажной единицы в тексте происходит расширение его семантики и появляется признак «динамики» в изображении событий. Кроме того, подобного рода пейзажные единицы позволяют передать автору психологическую основу описываемых ситуаций и эмоциональное состояние героя. Это во многом связано с тем, что «языковая система не только позволяет указывать степень приоритетности знания в картине мира говорящего через номенклатуру своих единиц, но и подчеркивать его актуальность через их комбинаторику» [14, с. 17].

Качественным признаком, характерным для пейзажной единицы «метель», является звук, который в условиях текста реализуется не только традиционными субстантивными формами (*свист, вой, шипение, рев, шум, завывание*), но и нестандартными авторскими конструкциями (*дикие напевы, загремела за воротами, в реве слышались стоны, визг и дикий смех*). Они подчеркивают семантику метели как необузданной стихии. Динамический характер пейзажной единицы «метель» в тексте, как уже отмечалось ранее, придают глаголы и глагольные формы (*крутит, закружавело, идет, утихла, не унималась, несло, порошила, срывается, метет*). Следует также отметить продуктивность в исследуемых произведениях конструкции *метет метель*. Наряду с этим, особенно в диалоговых формах представления пейзажной единицы «метель», используется указательное местоимение *такая (метель)* без какого-

либо уточнения атрибутивной лексикой, что является признаком сжатия информации в одной текстовой единице, ее сильной текстовой позиции, а также свидетельствует о прямом обращении автора к фоновым знаниям читателя о метели как стихийном явлении природы (*ветер, вьюга, вихрь, вой* и т.д.). Система используемых авторами эпитетов, входящих в информационное поле «метель», отличается индивидуальностью, например: *лютая, мокрая, желтая, ведьма сухая, дикая*.

Однако важно отметить, что атрибутика пейзажной единицы (*метель, ветер, вьюга, облака, серое небо, снег, мороз, серая мгла, буря*) и в целом «метельная» картина мира представлена ярче в литературных произведениях XIX в., что связано с разнообразием лексики и грамматических форм пейзажной единицы и что свидетельствует об изменении структуры современных текстов XX–XXI вв., сохранении или утрате, отсутствии в произведениях информационного поля данной текстовой пейзажной единицы. Как пишет об этом М.П. Абашеева, характеризуя данный период, «1990-е годы становятся своеобразной линзой, фокусирующей широкий спектр историко-литературных, культурных и философских проблем эпохи» [1, с. 7]. И справедливо замечают Н.В. Гашева и Б.В. Кондаков: «Самосознание культуры на рубеже XX–XXI вв. пытается сфокусироваться прежде всего на искусстве, ибо только оно неразрывно связано с дипластией – очень важной для человека XXI века способностью сознания схватывать в одномоментном восприятии сразу множество отношений и связей между явлениями текущей действительности. <...> Стали разрушаться традиционные для русской культуры связи между литературой и читателями, резко упали тиражи книг, газет и журналов, усилилось влияние на человека новейших электронных СМИ. <...> “Информация” стала замещать “знание” и отделяться от живого человека – ее носителя. “Книжная” культура, доминировавшая на протяжении последнего тысячелетия, стала заменяться культурой “экранной”...» [7, с. 176]. Время покажет, в какой степени данный процесс отразится на состоянии языковой системы в целом.

Библиографический список

1. Абашеева М.П. Литература в поисках лица (русская проза в конце XX века: становление авторской идентичности). Пермь, 2001.
2. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. 7-е изд., стереотип. М., 1999.
3. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. Т. 1. М., 1994.

4. Большая советская энциклопедия. URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 25.04.2011).
5. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.
6. Будняк Д. Текстовые явления в функционировании слов в русском языке // Русское слово в мировой культуре: Материалы X Конгресса МАПРЯЛ / Под ред. В.П. Казакова и др. СПб., 2003. С. 31–34.
7. Гашева Н.В., Кондаков Б.В. Тенденции развития русской прозы 1990-х гг. Статья первая // Вестник Пермского университета. Серия «Российская и зарубежная филология». Вып. 5(11). С. 175–183.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2001.
9. Диброва Е.И. Пространство текста в композитивном членении // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Международной конференции. М., 1999. С. 91–138.
10. Иванова Л.П. Русское ментальное пространство (к постановке проблемы) // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. Т. 4. София, 2007. С. 85–88.
11. Кронгауз М.А. Семантика: Учеб. для вузов. М., 2001.
12. Левина В.Н. Концептуализация пейзажа в художественном тексте // Концептуализация мира в языке: Коллективная монография. М.–Тамбов, 2009. С. 371–387.
13. Левина В.Н. Комплексное исследование текста в современных условиях языковой коммуникации // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2010. № 4 (84). С. 245–249.
14. Манаенко Г.Н. Организация информации в тексте на основе взаимодействия синтаксических единиц // Вестник Пермского университета. Серия «Российская и зарубежная филология». 2009. № 4. С. 14–18.
15. Нагина К.А. «Страшная буря» в «страшную ночь»: мотив метели у Л.Н. Толстого в контексте русской литературы XIX века // Известия ВГПУ. С. 112–115.
16. Никифорова Е.Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2008.
17. Осипова И.А. Смысловая структура текста в аспекте существующих концепций ключевых слов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. № 5 (3). Т. 12. С. 789–792.
18. Песина С.А. Комплексный подход к изучению языковой картины мира // Филология и культура: Материалы IV Международной научной конференции. Тамбов, 2003. С. 42–43.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.

Г.Н. Парастаев

Проблема манипуляции в американском политическом дискурсе (на примере публичных выступлений политических деятелей США)

В статье рассматривается проблема манипуляции в политике, реализуемой в американском политическом дискурсе посредством целостного речевого действия. Проводится анализ публичных речей политиков США. Манипуляция является неотъемлемым атрибутом американского политического дискурса, все речевые стратегии которого действуют в одном направлении: оказать воздействие на адресата, убедить его принять решение, нужное для субъекта политической деятельности.

Ключевые слова: политический дискурс, манипуляция, политическая культура, имидж политика, оппозиция «свои–чужие», «ось зла», политическая пропаганда.

Цель настоящего исследования заключается в раскрытии манипулятивной сущности политического дискурса на примере публичных выступлений политиков США.

В настоящее время интерес к проблеме манипуляции обоснован парадоксальностью социально-психологической и политической ситуации в современном обществе, которая существует в условиях глобализации. Большинство населения, вне зависимости от государства, не может осуществить политический выбор на основе учета своих собственных интересов. Политологи констатируют низкую политическую культуру и отсутствие умения отразить личный политический выбор и его последствия для будущего [2].

В современном политическом дискурсе все речевые стратегии действуют в одном направлении: оказать воздействие на адресата, убедить его принять решение, нужное для субъекта политической деятельности. Втягивая в себя немногие суждения, представляющие «истину факта» и «истину разума», политический дискурс искусно манипулирует с самим понятием истины, выдавая субъективное за объективное [3, с. 199].

На сегодняшний день существует множество определений манипуляции. Однако все определения, по сути, сводятся к тому, что манипуляция – это, прежде всего, практика управления человеком, его сознанием и поведением. Цель политического манипулирования – получение,

реализация и сохранение власти. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно. Для манипуляции требуется фальшивая действительность, в которой ее присутствие не будет ощущаться.

Важнейшим условием успешной манипуляции является создание адекватного имиджа политика. Имидж – это шаблон, некий стереотип, упрощающий восприятие политика широкими массами населения. Согласно Д. Бурстину, имиджу политика всегда присущи определенные искусственность, убеждающая сила, устойчивость (инертность) выстраиваемых черт, их яркость и реалистичность, простота и гибкость [1].

Среди составляющих имиджа, которые воспринимаются избирателями и определяют отношение к лидеру, важно, прежде всего, его политическое амплуа: «спаситель отечества», «отец народов», «борец с привилегиями» и т.д. К примеру, Б. Обама при вступлении в должность выступал в качестве первого – спасителя страны от повторения Великой Депрессии 1930-х гг.

Одним из основополагающих элементов манипулятивной практики в современном политическом дискурсе является оппозиция «свои–чужие». Создание круга «друг–враг» [5] – неотъемлемое звено управления государством. Главные составляющие этого феномена включают «врага» (объект агрессии, отсутствующий, т. е. «вынесенный за скобки» речевой ситуации, или реально представленный), активного элемента (нападающего, в нашем случае – политического лидера) и пассивного элемента (массы, ведомой лидером) [4].

Весьма ярко оппозиция «свои–чужие» проявляется в речах Джорджа Буша-младшего после трагедии 11-го сентября 2001 г. в США, которая стала поводом для вторжения американских войск на территорию Ирака и объявления ряда стран «осью зла» (*axis of evil*), несущими угрозу для американского общества: *States like these (Iraq, Iran, North Korea), and their terrorist allies, constitute an axis of evil, arming to threaten the peace of the world. By seeking weapons of mass destruction, these regimes pose a grave and growing danger. They could provide these arms to terrorists, giving them the means to match their hatred. They could attack our allies or attempt to blackmail the United States. In any of these cases, the price of indifference would be catastrophic* (George W. Bush. State of the Union Address. January 29, 2002).

Термин *axis of evil* был впервые использован президентом Бушем-младшим в ежегодном обращении к Конгрессу 29-го января 2002 г. для описания режимов, спонсирующих, по мнению США, терроризм или разрабатывающих оружие массового поражения и способных передать его террористам.

Президент говорит о ненависти врага к американскому народу и всему, что связано с легитимностью и демократией в США: *Americans are asking, why do they hate us? They hate what they see right here in this chamber – a democratically elected government. Their leaders are self-appointed. **They hate our freedoms** – our freedom of religion, our freedom of speech, our freedom to vote and assemble and disagree with each other. <...> The terrorists' directive commands them to kill Christians and Jews, to **kill all Americans**, and make no distinctions among military and civilians, including women and children* (George W. Bush. Address to a Joint Session of Congress Following 9/11 Attacks. September 20, 2001).

Таким образом, посредством манипуляции создается образ «чужого», готового уничтожать американских граждан вне зависимости от расовой или религиозной принадлежности, пола, возраста и т.д. Главный враг террористов – это США, с ее принципами равенства и свободы, которые страна обязана отстаивать, а также распространять демократию в других странах: *We are in a **fight for our principles**, and our first responsibility is to live by them. <...> ...This is not, however, just America's fight. And what is at stake is not just America's freedom. This is the **world's fight**. This is **civilization's fight**. ... Terror, unanswered, can not only bring down buildings, it can threaten the stability of legitimate governments. And you know what? **We're not going to allow it*** (George W. Bush. Address to a Joint Session of Congress Following 9/11 Attacks. September 20, 2001).

По словам Дж. Буша-младшего, не только США принимают участие в борьбе с террором, но весь цивилизованный мир. Однако, по его мнению, именно Соединенные Штаты играют решающую роль в данной борьбе. Таким образом, война становится неотъемлемым звеном политики по-американски, и призыв к ней подчеркивает патриотический настрой хозяина Белого дома, а не желание бездумного применения силы.

После событий 11 сентября 2001 г. общественное мнение сразу же склонилось к официальной версии случившегося, а президент Дж. Буш-младший мог оправдать практически все, прикрываясь трагедией: *America is no longer protected by vast oceans. We are protected from attack only by **vigorous action abroad** and increased vigilance at home* (George W. Bush. State of the Union Address. January 29, 2002); *...the only way to defeat terrorism as a threat to our way of life is to stop it, eliminate it, and destroy it **where it grows*** (George W. Bush. Address to a Joint Session of Congress Following 9/11 Attacks. September 20, 2001).

Таким образом, президент Буш-младший находит оправдание ведению боевых действий в странах «оси зла», заверяя население в том, что единственный способ обезопасить граждан – это бороться с террористами

на их территории, так война в сугубо политических целях превращается в войну за свободу: *History has called America and our allies to action, and it is both our responsibility and our privilege to fight freedom's fight* (George W. Bush. Second State of the Union Address January 29, 2002).

Политический курс США для Ближнего Востока был выбран еще при президенте Джордже Буше-старшем, чьи идеи и были унаследованы его сыном – Бушем-младшим, который также перенял от отца тактики речевого поведения. Так, говоря о военных действиях в Ираке, не признавая собственных ошибок, Дж. Буш-старший апеллирует к чувству патриотизма, напоминает нации о сложной, но столь высокой миссии США. Страна выступает в качестве гордого защитника самой себя и в роли «старшего брата», который обязан навести порядок во всем мире, обеспечив светлое будущее для всего человечества: *We're here for more than just the price of a gallon of gas. What we're doing is going to chart the future of the world for the next 100 year. It's better to deal with this guy (Sadam Husein) now than 5 years from now* (George H.W. Bush. Address to the Nation on the Invasion of Iraq).

Следует обратить внимание на то, что под словом «we» подразумевается американский народ в целом. Правительство, милитаристские структуры и гражданское общество, становясь единым целым, борются со злом и тиранией: *We are helping to rebuild Iraq where the dictator built palaces for himself instead of hospitals and schools...* (George W. Bush. Announces End of Major Combat Operations in Iraq. May 1, 2003).

Те, кто не поддерживают выбранный путь для борьбы за светлое будущее, не заслуживают уважения и доверия, т.е. противники войны, по сути, становятся предателями своей страны: *Nobody is going to follow somebody who doesn't believe we can succeed and somebody who says the war where we are is a mistake* (George W. Bush Announces End of Major Combat Operations in Iraq. May 1, 2003).

Благодаря успешной манипуляции, практикующейся в политическом дискурсе, США в представлении многих рядовых американцев является исключительной страной, отличающейся от всех остальных стран тем, что она единственная, кто борется за мир и порядок на Земле. Большинство жителей Соединенных Штатов считает свою страну примером для подражания, к идеалам которой следует стремиться всем остальным.

К чувству национальной исключительности обращается Мадлен Олбрайт в 1998 г., говоря о «великой» миссии Америки и американцев: *We Americans have an enormous advantage over many other countries because we know who we are and what we believe. We have a purpose. And like the farmer's faith that seeds and rain will cause crops to grow, it is our*

faith that if we are true to our principles, we will succeed...» (Remarks by Secretary of State Madeleine K. Albright. 1998).

Несмотря на то, что в данных словах бывшего госсекретаря США М. Олбрайт отсутствует политкорректность (другие страны ничто, по сравнению с США), они лишь свидетельствуют о чувстве «избранности», которое заложено во многих гражданах страны еще с юных лет. Именно это чувство подкрепляется за счет политической манипуляции с целью нахождения правительством оправданий за свои действия (пример: война на Ближнем Востоке).

В своей речи, посвященной завершению военных действий в Ираке, Б. Обама акцентирует внимание на благородности американского народа, на его готовность сотрудничать и помогать иракцам: *We Americans have offered our most precious resource – our young men and women – to work with you (Iraqi people) to rebuild what was destroyed by despotism; to root out our common enemies; and to seek peace and prosperity for our children and grandchildren, and for yours»* (Barack Obama. *Responsibly Ending the War in Iraq*. February 27, 2009).

Начиная предложение со слов «*We Americans*», оратор уже вкладывает в него манипулятивную установку: пробудить в американцах чувство патриотизма, что на подсознательном уровне вызывает доверие к лидеру и благосклонное расположение со стороны присутствующих выходцев с Ирака.

Говоря о предстоящих военно-стратегических задачах, Б. Обама указывает на моральную сторону операции в Ираке, помечая, что США не являются угрозой для страны и не претендуют на ее ресурсы: *America has a strategic interest – and a moral responsibility – to act; The United States pursues no claim on your territory or your resources. We respect your sovereignty and the tremendous sacrifices you have made for your country. We seek a full transition to Iraqi responsibility for the security of your country* (Barack Obama. *Responsibly Ending the War in Iraq*. February 27, 2009).

В вышеприведенных примерах просматривается четкая манипулятивная стратегия, которая реализует себя в политическом дискурсе. Военный конфликт обретает культурную форму, которая закрепляется в сознание масс путем ее многократного и подробного трансформирования через средства СМИ. Таким образом, формируется «сюжет» военно-патриотического действия, в котором США играет главную роль. Важно, чтобы в сюжете присутствовали два протагониста – Герой (США) и Злодей (Ирак, Иран, Афганистан), а сам сюжет структурировался бы как конфликт в виде драматической борьбы Добра и Зла с открытым финалом.

В августе 2008 г. подобным «Злодеем» для американцев стала и Россия. В своей речи, посвященной конфликту на Кавказе, кандидат на пост президента Джон Маккейн говорил о тяжелой доле грузинского народа, пострадавшего от российской агрессии. В речи Маккейна США выступают в качестве защитника маленькой демократической страны, отстаивающей свою территориальную целостность: *After clashes in the Georgian region of South Ossetia, Russia **invaded** its neighbor, launching attacks that threaten its very existence; Two years ago, I traveled to South Ossetia. As soon as we arrived at its self-proclaimed capital – now **occupied** by Russian troops – I saw an enormous billboard that read, “Vladimir Putin, Our President”. This was on sovereign Georgian territory; **Russian attacks** have continued. There are credible reports of **civilian killings** and even **ethnic cleansing** as Russian troops move deeper into Georgian territory* (John McCain. On the Georgian crisis. August 14, 2008).

Слушающие выступление Джона Маккейна воспринимают информацию как данный факт, не имея возможности анализировать сказанное из-за дезинформации СМИ и политической пропаганды. Прекрасно понимая, что из-за конфликта на Кавказе рядовой американец вряд ли начнет изучать историю Южной Осетии в коллизиях российско-грузинских отношений, Джон Маккейн всеми силами пытается показать Россию в негативном свете, тем самым осуществляя акт политической игры для повышения своего рейтинга на предстоящих президентских выборах.

Указывая на лидеров стран, осуждающих действия России, Маккейн говорит о том, что Соединенные Штаты обязаны принимать прямое участие в событиях на Кавказе: *The leaders of Poland, Estonia, Lithuania, Ukraine and Latvia flew to Tbilisi to demonstrate their support for Georgia, and to condemn **Russian aggression**; With our allies, we now must stand in united purpose to persuade the Russian government to end **violence permanently** and withdraw its troops from Georgia* (John McCain. On the Georgian crisis. August 14, 2008). Ссылка на руководителей других стран не случайна: таким образом Джон Маккейн подчеркивает, что США не одиноки в своих стремлениях усмирить Россию, освободив Грузию от «вражеской оккупации».

Далее в своей речи кандидат на пост президента говорит о многострадальном грузинском народе и о той помощи, которая должна быть оказана со стороны США, тем самым вызывая симпатию у аудитории: *The Georgian people have suffered before, and they suffer today. **We must help them through this tragedy**, and they should know that the thoughts, prayers and support of the American people are with them. This small democracy, far away from our shores, is an inspiration to all those who cherish our deepest ideals* (John McCain. On the Georgian crisis. August 14, 2008).

Убедительная речь Джона Маккейна, несомненно, повышает его шансы на предстоящих президентских выборах, а такие слова как «*violence*», «*invade*», «*occupy*», «*aggression*», «*attacks*», «*civilian killings*», «*ethnic cleansing*» придадут речи более эмоциональный оттенок. Если Джон Маккейн предстает в качестве защитника прав и свобод чужого народа, следовательно, он будет добросовестно служить своему отечеству, такому кандидату стоит доверять.

Речь Маккейна завершается следующими словами: *As I told President Saakashvili on the day the cease-fire was declared, today we are all Georgians. We mustn't forget it* (John McCain. On the Georgian crisis. August 14, 2008).

Фраза «сегодня мы все грузины» стала кульминационной в выступлении Маккейна, и на эти слова последовали бурные аплодисменты. Откровенное лицемерие с целью завоевать расположение аудитории никого не смутило, напротив, повысило рейтинг Маккейна.

Итак, характерной особенностью американского политического дискурса является языковая манипуляция, представляющая собой *целостное речевое действие, направленное к массовому адресату с целью завоевания и удержания власти*. Тщательно подобранные языковые единицы, употребляемые политиками в публичных выступлениях, в комбинации с социальными факторами могут служить мощным инструментом для управления общественным мнением, т.е. манипуляции. Главной целью манипуляторов является стереотипизация социально-политической действительности посредством языка. Можно констатировать, что манипуляция занимает особое место в американском политическом дискурсе, соответственно, публичные выступления политиков практически всегда создаются с учетом конечной цели: повлиять на сознание людей с помощью продуманных и проверенных техник, а именно – лингвистического инструментария.

Библиографический список

1. Буретин Д. Имидж / Пер. с англ. М., 1993.
2. Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью. Организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., 2003.
3. Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004.
4. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учеб. для студентов вузов. М, 2006.
5. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35–67.

С.С. Шумбасова

Английские флоронимы: способы номинации и классификации

В настоящей статье рассматриваются различные подходы, применяемые при назывании растений в английском языке. Процесс номинации тесно связан с понятием «картина мира» и отражает отношение номинатора к называемому предмету. Мы обобщили существующие классификации, способы и принципы номинации и проиллюстрировали их примерами из современного английского языка.

Ключевые слова: «картина мира», флороним, способ номинации, принцип номинации, мотивировочный признак.

Язык играет важную роль в познании и, соответственно, отражении действительности в сознании человека. Посредством тех или иных названий человек передает свое отношение к явлению, предмету, его значимости в жизни, тем самым определяя место данного явления в общей «картине мира». Понятие «картина мира» относится к числу «фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношение его с миром» [4, с. 11]. В современной философской и специально-научной литературе данный термин употребляется для обозначения мировоззренческих структур, лежащих в основе культуры той или иной страны.

Теория номинации, являясь важнейшей областью как общего, так и частного языкознания, позволяет по-новому взглянуть на различные единицы и типы номинации на материале конкретного номинативного поля с позиций *обыденно-когнитивной* и *научно-когнитивной* номинаций. Для называния английских растений используются различные принципы номинации, применяемые не только в ботанической терминологии, но на бытовом уровне. Другими словами, мотивационное направление изучения флоронимической номинации в качестве составной части входит в общую теорию номинации [3]. Оно имеет прямое отношение к терминологической теории и оказывается существенным компонентом общей теории терминоведения. Следует также отметить, что флоронимическая номинация представляет собой существенный фрагмент наивной языковой картины мира.

Английские названия очень разнообразны, часто одно и то же растение имеет несколько наименований. Мотивационные основания флоронимов,

как показали последние изыскания в области теории лингвистики, могут рассматриваться в двух плоскостях: как продукт научной номинации и как результат обыденно-когнитивной номинации.

В научной систематике доминирующим оказывается осмысление принципов научной систематизации различных искусственных и естественных реалий, в том числе и ботанических. Этот тип систематики создается отдельными исследователями, которые подчиняют закономерности номинации решению логических и предметных проблем систематизации объектов своей науки.

Обыденная номинация руководствуется принципами когнитивной лингвистики, которая рассматривает язык как когнитивный феномен, а не как логико-дискурсивный орган. Флоронимы (фитонимы) как продукты обыденно-когнитивной номинации отражают особенности менталитета народа применительно к миру растений. Структура номинации показывает, что лежит в основе мотивации наименований растений. Мотивация может носить прагматический характер, фактофиксирующий параметрический характер. Наконец, она может быть оценочной, т.е. характеризовать растение с точки зрения его эстетических и других эмоционально-оценочных признаков. Очевидно, что параметрические локативные мотивационные признаки являются первичными, тогда как прагматические признаки осознаются в процессе дальнейшего ознакомления с миром растений. Однако наименования растений отражают не только онтологические свойства ботанических реалий, но и оказываются производными от гносеологических категорий, к которым, в частности, принято относить архетипические представления людей о мире растений. Последние отражают степень или меру выделенности мотивационного признака растения, который лежит в основе номинации. Так, оказывается, что форма растения является наиболее выделенной в систематике мотивационных признаков и, безусловно, превалирует над такими признаками, как цвет, размер, консистенция и другие признаки растения [3].

В ономаσιологических и топономастических работах, анализирующих закономерности названия в различных группах лексики, сложилось понятие *типа мотивировочных признаков* в плане их содержания, выделяемого в тематической группе слов и характеризующего отдельные стороны выражаемого этой группой класса предметов. Мотивировочный признак – это один из объективных признаков самой реалии, выделяемый как «представитель» всей совокупности ее признаков, способный наиболее ярко охарактеризовать (выделить) данный предмет в ряду ему однородных. Таким образом, название – это тот характерный признак предмета, который выделяет его из группы похожих предметов. Слова,

объединенные тематически, обозначают совокупность однородных предметов, все признаки которых, в том числе и мотивировочные, обладают поэтому качественной одноплановостью, т.е. способностью противопоставляться и объединяться по их качеству [5].

Следует отметить, что в процессе номинации, кроме мотивировочных признаков, выделяются и более общие категории – способ номинации и принцип номинации, при участии которых, наряду со средствами номинации, и формируется единица номинации. Различное сочетание этих четырех компонентов и обуславливает многообразие названий. Понятие «принцип номинации» обобщает мотивировочные признаки, по которым происходит наименование [9, с. 78] и под разными терминами достаточно широко используется в современной диалектной лексикологии при ономаσιологическом описании различных тематических групп лексики и в первую очередь – лексики природы. Вполне обоснованным представляется термин «мотивема», употребляемый М.М. Гинатулиным для обозначения принципов номинации [5].

Одни названия говорят о способах применения тех или иных лекарственных растений, другие – о месте их произрастания, третьи являются метафорическими и отражают определенные внешние данные, например, схожесть с животным миром (о чем более подробно мы будем говорить далее) и т.д. Это приводит к тому, что в каждой тематической группе названий образуется специфически ограниченный набор принципов номинации, отражающих «повторяющиеся, устойчивые, типичные этимологические признаки для членов данной группы» [9, с. 72].

Одной из особенностей типологического характера в лексике флоры является разнообразие и многочисленность принципов номинации. Отсюда их слабо выраженный «модельный» характер. Разнообразие названий показывает, что выбор мотивировочных признаков при номинации регламентирован незначительно, и у говорящих всегда есть возможность использовать различные мотивы при назывании одного и того же вида. Такое явление связано с богатством содержания обозначаемых реалий – видов флоры, многообразием и непостоянством их отношений с носителями языка, и, как следствие этого, с трудностью выделения в реалии каких-либо отдельных доминирующих признаков.

В диссертации В.В. Копчевой, написанной на материале названий растений в литературном языке, представлена подробная классификация признаков номинации, среди которых выделяются объективные (собственные и относительные) и условные (мемориальные и собственно-условные). Под *собственными объективными* подразумевают морфологические (окраска, форма, размер, структура, покров, общий внешний

вид, запах, вкус): *yellow lady's slipper* (*Cypripedium calceolus* L. – башмачок настоящий), *spotted lady's slipper* (*Cypripedium guttatum* Sw. – башмачок пятнистый), *large-flowered lady's slipper* (*Cypripedium macranthum* Sw. – башмачок крупноцветковый) химические (запах, вкус) и иные (особенности жизнедеятельности, звук) признаки: *annual meadow grass* (*Poa supina* Schrader – мятлик приземистый) [8].

Отношения между объектами (местообитание, география, время активности, номенклатурные признаки), отношения между объектом и человеком (прагматические признаки, воздействие внутреннее, воздействие внешнее (при прикосновении), отношения между объектом и животными (использование растения животным, воздействие растения на животных)) образуют *относительные объективные* признаки номинации: *touch-me-not*, *jewelweed*, *balsam*, *snapweed* (*Impatiens noli-tangere* L. – недотрога обыкновенная) [8, с. 21]. Здесь можно привести еще один пример (относится к местообитанию, времени активности и пр.), который представляет определенный интерес с точки зрения разного восприятия в зависимости от места проживания самого номинатора, полезных свойств самого растения, внешней схожести с другими объектами природы и т.д. Это *Calla polustris* – белокрыльник болотный. В русском языке его также называют белый попутник, лягушечник, лапушник водяной, медвежьих лапки, петушки, хлебник, фиалковый корень, образки, змейка, змеевик, гуска, житница. А в английском это – *wild calla*, *female dragon*, *water lily*, *swamp robin*, *water-arum*.

В.Г. Арьянова, например, выделяет следующие принципы: 1) перенос наименования на растения с других предметов: *aster* (*Aster* – астра), *ash tree* (*Fraxinus* – ясень), *bluebell* (*Hyacinthoides* – колокольчик), *buttercup*, *yellowcup*, *crowfoot* (*Ranunculus* – лютик), *candytuft* (*Iberis* – иберийка), *fir tree* (*Abies* – ель), *snowball tree* (*Viburnum* – калина), *snowdrop* (*Galanthus* – подснежник), *sunflower* (*Helianthus* – подсолнечник) и 2) выделение каких-то признаков самих растений: *red-hot pokes* (*Kniphofia* – книфофия ягодная), *golden rod* (*Solidago* – золотарник), *Chinese lantern* (*Physalis alkekengi* – физалис), *red clover* (*Trifolium* – клевер красный), *lily* (*Lilium* – лилия) [1, с. 54].

И.П. Гришина предлагает чередовать названия растений по их собственным свойствам с названиями по свойствам людей, животных и пр.: *crowfoot* (*Ranunculus* – лютик), *cowslip* (*Primula* – примула, первоцвет), *foxglove* (*Digitalis* – наперстянка), *goat's rue* (*Galega* – козлятник), *goose-foot* (*Chenopodium* – марь), *larkspur* (*Delphinium* – живокость, дельфиниум, шпорник), *spiderwort* (*Tradescantia* – традесканция, паучник), *wormwood*, *mugwort* (*Artemisia* – полынь горькая). Довольно часто принципы

номинации смешиваются с общим типом значения производящих основ. Так, И.П. Гришина ставит в один ряд названия растений по цвету листьев, по месту произрастания и т.п. и названия по собственным именам людей [6, с. 240].

Важным условием любой классификации является четкое определение объекта, делимого на классы, т.е. знание общих (родовых) признаков классифицируемых единиц, в данном случае – мотивировочных признаков. С. Розова выделяет три этапа научной классификации: описательный, переходный и сущностный. Определяющей особенностью сущностной классификации является «установление связи классов данного объекта с какими-либо специфическими для каждого из них факторами» [11, с. 39]. Эта связь (как тенденция, а не закон) может обнаруживаться в отношениях принципов номинации со способами номинации. Если принцип номинации отражает общий подход к называемому предмету, то способ номинации является приемом осуществления, реализации принципа номинации [2, с. 99]. В зависимости от характера представления мотивировочного признака в названии выделяются два способа номинации: *прямой* и *опосредованный*.

Каждый из выше названных принципов может быть представлен непосредственно, путем прямого указания на свойство, отношение или функцию, или опосредованно, ассоциативно, путем образного сравнения. Это метафора, сравнение, символ как его разновидности. В.В. Копочева, исследуя на материале названий растений соотношение искусственной и естественной номинации, указывает «на еще одну особенность плана выражения номинативных единиц: признак, по которому назван объект, может быть представлен эксплицитно, а может выступать имплицитно» [8, с. 22]. Ученый полагает, что следует выделять такой способ номинации как отдельный, самостоятельный и называет его оценочным. Так, метафорический способ номинации в гораздо большей степени связан с названиями по внешнему виду реалии, чем с названиями, скажем, по образу жизни: *forget-me-not* (*Myosotis* – незабудка), *nightshade* (*Solanum* – паслен), *sweet sultan* (*Centaurea* – василек мускусный), *venus's looking glass* (*Legousia* – легузия, спекулярия, девичье зеркало, зеркало Венеры), *virgin's bower*, *traveller's joy* (*Clematis* – клематис), *cupid's dart* (*Catananche* – катананхе, стрелы Купидона). Метафорические и метонимические номинации также являются наиболее прототипически выделенными. Они характеризуют образное мышление человека, поэтому не случайно на первом месте оказывается мотивационный признак «форма», который на уровне глубинной номинации отражает богатство и разнообразие ассоциативных связей человека [3].

Романтические названия даются особенно ярким цветам, вызывающим соответствующие эмоции, например, *love-in-a-mist* (*Nigella damascena* – нигелла, чернушка), *love-lies-bleeding* (*Amaranthus cantatus* – амарант). Особенно красноречивым является «неофициальное» название для анютиных глазок (*Viola tricolor*) – *love-in-idleness*, или *jump-up-and-kiss-me*. Таким образом, сугубо лингвистическими аспектами изучение принципов номинации ограничивать нельзя, т.к. непосредственно определяющими для них являются внеязыковые факторы.

Само выделение принципов номинации и их классификация основаны на этих факторах – свойствах и признаках самих реалий. Например, многие цветы напоминают англичанину тех или иных животных. Чаше всего это собаки и змеи: *hound's tongue* (*Erythronium dens-canis* – собачий клык, собачник, чернокорень, эритрониум европейский), *dog's tooth violet* (*Erythronium* – кандык, собачий зуб), *adder's tongue* (*Echium vulgare* – ужомник, синяк обыкновенный), *snake's-head fritillary* (*Fritillaria meleagris* – рябчик шахматный (разновидность лилии)). В прошлом люди были намного ближе к природе, поэтому даже в безобидном цветке смогли разглядеть голову змеи, имеющую ярко-синюю окраску, отпугивающую тем самым врагов. «Собака» в названии обозначает, что растение дикое, некультуренное, т.е. в данном случае не имеет ничего общего с «другом человека». В названии *dogwood* (*Cornus* – дерен) «dog» является искажением от «dag» – шип.

Встречаются названия с компонентом «лошадь»: *horsetail* (*Equisetum* – хвощ полевой), *mare's tail* (*Hippuris vulgaris* – сосенка полевая), *horse chestnut tree* (*Aesculus hippocastanum*), *colt's foot* (*Tussilago farfara* – мать-и-мачеха). Латинское название указывает на то, что данное растение применялось и в медицине для лечения кашля – «*tussis*». Вспомним еще одну лечебную траву – *foxglove* (*Digitalis purpurea* – наперстянка), которую также применяли для лечения воспаленного горла. *Digitus* – лат. «палец». И действительно, внешне очень напоминает перчатки для пальцев. Есть мнение, что *foxglove* – искажение от *folk's glove*, обозначающее «сказочная перчатка». В викторианскую эпоху на языке цветов это растение обозначало «неискренность», часто ассоциировавшуюся со сказочным вымыслом.

Мотивировочный признак по внешнему виду (по цвету, форме, размеру) широко представлен во всех тематических группах и функциональных сферах лексики природы. Его продуктивность в наименованиях во многом предопределена самим характером обыденного выделения видов, которое во многих случаях базируется на внешних, бросающихся в глаза признаках.

Вполне удовлетворяет название по внешнему виду и биологическую (или ботаническую) номенклатуру, несмотря на то, что многие из внешних признаков не относятся к разряду существенных. Вернемся опять к внешнему сходству с животными. Название для водосбора – *Aquilegia vulgaris* (аквилегия обыкновенная): *Aquila* – «орел» по-латински. Более позднее название *columbine* (от *Columba* – голубь) понятнее, т.к. на самом деле напоминает стайку голубей. Еще одно название для этого растения – *granny's bonnet*. Возможно, что традиция называния по внешнему виду в биологии восходит к народной терминологии, но поддерживается она тем, что биологи ориентируются в видах, прежде всего, по их внешним характеристикам.

Для номинации по внешнему виду во всех группах лексики природы актуально разделение мотивировки «по внешнему виду всей реалии» и «по внешнему виду части реалии». В последнем случае в основе наименования лежит метонимический перенос с части на целое (*bluebell* – колокольчик). Такой способ мотивировки обладает высочайшей продуктивностью при номинации видов флоры и фауны, т.к. бросающиеся в глаза признаки далеко не всегда принадлежат виду в целом, что особенно характерно для растений, внешний вид которых редко бывает однозначным. Неслучайно в сфере народных наименований растений сформировались модели описательных наименований с компонентами «корень», «лист», «цвет», «ягода», выбор которых обусловлен актуальностью той или иной части растения [5]: *glasswort* (*Salsola* – солянка), *milkwort* (*Polygala* – истод), *moonwort* (*Botrychium lunaria* – гроздовник полулунный), *mugwort* (*Artemisia* – полынь), *toothwort* (*Dentaria* – зубянка). Следует пояснить, что *wort* – искажение от *root*. Не так часто, как можно было предположить, получают названия по цвету растения-цветы, в том числе и искусственно выведенные, их в данном отношении намного превосходят грибы и ягоды: *blackberry* (*Rubus* – ежевика), *blueberry* (*Vaccinium* – голубика).

Некоторые цветы по-разному ведут себя в разное время суток, что также послужило поводом давать названия, непосредственно отражающие зависимость от окружающей природы. Примером могут послужить следующие названия: *evening primrose* (*Oenothera* – энотера), которая зацветает в сумерки, *sunflower* (*Helianthus* – подсолнечник), поворачивающий свою корзинку вслед за светилом в течение всего дня, *primpernel* (*Anagallis arvensis* – курослеп полевой), другое название которого *poor man's weathervane*, т.к. в пасмурную погоду цветки этого растения увидеть невозможно.

Разряды номинации конкретизируются в принципах номинации, которые непосредственно указывают на качество мотивировочного признака.

При необходимости данную классификацию можно конкретизировать дальше, выявляя частные особенности. Но для выявления закономерностей номинации ее нужно связывать с различными языковыми и неязыковыми факторами.

М.Н. Янценецкая выделяет два основных принципа номинации: *определительный* и *функциональный* [13, с. 13]. Вторая классификация повторяет первую, входит в нее как составная часть и носит уточняющий характер. Принципы номинации, обозначенные как самостоятельные (определительный и функциональный), образуют в классификации С.Ю. Дубровиной единую группу принципов, называемых прагматическими принципами номинации растений, связанными с особенностями растений (внешний вид, природные свойства, место и время произрастания) и обуславливающими применение этих растений в той сфере народной деятельности, которую называют сферой материальной народной культуры (употребление растений в быту и медицине) [7].

Наряду с этим языковед выделяет и так называемые «мифологические» принципы номинации, составляющие вторую группу принципов. Это такие принципы номинации, которые определяют названия, возникшие на основе легенды и ее связи с именем. Сюда входят наименования растений, образованные от имен собственных: *lady's slipper orchid*, *Adam's head*, *Adam's grass* (*Cypripedium calceolus* – башмачок Киприды, Венерин башмачок, кукушкины сапожки, Марьян башмачок); названий мифологических существ, евангелических имен: *common St. John's wort* (*Hypericum perforatum* L. – зверобой продырявленный); обозначений родства и т.д. Одно из названий неизвестного растения *Tussilago farfara* на английском языке звучит как *son-before-father* – что можно перевести как «сын перед отцом». Это название отражает тот факт, что сразу после схода снега растение зацветает (появляется «сын»), а уж потом, значительно позже, вырастают листья («отец»). А русское название этого всем известного растения акцентирует внимание на другой его характерной особенности – верхняя и нижняя поверхности листьев на ощупь существенно отличаются. Мягкая, «теплая» нижняя и холодная, гладкая верхняя – «мать-и-мачеха». Это названия, которые являются отражением сферы духовной народной культуры.

Поскольку номинативный процесс имеет ярко выраженный антропоцентрический характер, признаки, положенные в основу наименований, могут отражать не только объективные свойства растений, но и такие, которыми они не обладают, которые приписывает этому растению номинатор, а также эмоциональные состояния человека, связанные с воздействием на него того или иного растения. Следовательно, номинативные

признаки могут быть обусловлены ситуацией, состоянием субъекта, его ассоциациями, уровнем его языковой компетенции. В этой связи можно выделить две другие группы принципов номинации: 1) принципы номинации, обусловленные в большей степени *объективными факторами*, и 2) принципы номинации, в большей степени связанные с *субъективными факторами* семиозиса.

«Отобъектные» (термин М.Э. Рут) номинации обусловлены реальными свойствами денотата, конкретными знаниями человека о том или ином растении, а также ориентировочной функцией фитонимов, стремлением номинатора отразить в названиях практически значимые для опознания и использования растений признаки: *hawthorn* (*Crataegus* – боярышник), *henbane* (*Hyoscyamus* – белена), *ice plant* (*Mesembrianthemum cristallinum* – хрустальная травка), *passion-flower* (*Passiflora* – пассифлора, страстоцвет), *sensitive plant* (*Mimosa* – мимоза), *wallflower* (*Cheiranthus* – желтофиоль) [8]. Большое значение в мотивационном процессе номинации имеют прагматические свойства растений, которые фиксируют разнообразие практических подходов человека к миру растений. Они употребляются в медицине, для приготовления различных снадобий и составов, в процессе приготовления пищи, в сельском хозяйстве, при производстве и обработке материалов, при выпечке хлеба, в парфюмерной промышленности, при изготовлении ядов, в пищу животным и т.д. Немаловажную роль играют и локативные свойства растений, которые выражают ориентацию человека на местности применительно к тому или иному растению.

Однако существующие у разных народов представления о растениях как о живых существах, наделенных злыми и добрыми силами, заставляют искать в названиях не только рациональные, но и эмоционально-оценочные, характеристические, сакральные и другие мотивы номинации. В связи с этим можно выделить группу «отсубъектных» номинаций (хотя и в них в какой-то мере находят отражение знания человека о свойствах того или иного растения). В народной фитонимии фиксируются прежде всего те свойства растений, которые имеют познавательную-оценочную ориентацию. Целебные и ядовитые свойства растений, наличие у них приятного или неприятного запаха, как правило, реализуются в оценочных номинациях:

1) модель оценочной идентификации положительных или отрицательных свойств растения через сакральные словесные «образы» (бог, богородица), много английских названий растений относится к Деве Марии: *Our Lady's bedstraw* (*Galium* – подмаренник), *Lady's candlesticks* (*Primula* – примула), *Our Lady's cushion* (*Armeria* – армерия), *Our Lady's hands*

(*Lamium maculatum* – яснотка пятнистая), *Lady's mantle* (*Alchemilla* – манжетка обыкновенная), *Lady's seal* (*Polygonatum multiflorum* – купена многоцветковая), *Lady's smock* (*Cardamine pratensis* – сердечник луговой, горлянка, белоцветка), *Our Lady's gloves* (*Digitalis purpurea* – наперстянка) и *Our Lady's ribbons* (*Phalaris* – двукисточник, канареечник), чертополох (*Silybum marianum*) – это *Lady's thistle*, *Marian thistle*, *Mary thistle* [12, с. 33];

2) названия, отражающие поверья, связанные с народным календарем природы (фитонимы, образованные по такой номинативной модели, чаще всего представляют собой производные от имен святых): *herb Archangel* (*Lamiastrum* – зеленчук), *Saint John's wort* (*Hypericum* – гиперикум, зверобой), *Saint Bridget's anemone* (*Anemone coronaria* – анемон), *Saint Bruno's lily* (*Paradisea liliastrum* – парадизея лилиевидная), *Saint Bernard's lily* (*Anthericum liliago* – венечник лилиаго), *Saint George's beard* (*Sempervivum tectorum* – молодило кровельное) и мн. др., в Уэльсе нарцисс (*Narcissus Pseudo-Narcissus*) называется *Saint Peter's bell* «колокол святого Петра», а *Saint Peter's herb* («трава святого Петра») является названием для примулы (*Primula veris*) в некоторых частях Англии [Там же, с. 33];

3) принципы номинации, связанные с языческими представлениями и верованиями, и «образы нечистой силы» (ведьма, дьявол): *witch panic grass* (*Panicum capillare* – просо волосовидное), *devil grass* (*Elytrigia repens* – пырей ползучий), *devil's-flax* (*Linaria vulgaris* – льнянка обыкновенная), *devil's ironweed* (*Mulgedium* – чертова вернония, молокан канадский) и т.д.

Можно отметить факт кумуляции культурно-мифологических представлений в народной фитонимике, ориентированной на отражение объективно присущих растениям свойств.

Понятие «принцип номинации» достаточно широко используется в современной лингвистике при ономасиологическом описании различных тематических групп лексики и в первую очередь – лексики природы. Ономасиологическая специфика обнаруживается не только в больших и своеобразных группах названий, но и в их более частных подгруппах, например, принципы номинации трав и ягод несколько отличаются от принципов номинации грибов. Субъективная сторона принципов номинации проявляется в другого типа сопоставлениях: при сопоставлении одной группы названий в разных языках или в разных функциональных сферах языка, например, народной номенклатуры с научно-биологической или с наименованиями искусственно выведенных сортов растений [5].

Если более подробно рассматривать принципы научно-ботанической номенклатуры и «бытовые» названия растений, то легко заметить, что

английскому языку (в отличие от русского) присуща бóльшая образность, поэтому в нем чаще встречаются названия, образованные метафорическим способом номинации: *milk-vetch*, *needlegrass*, *monk's hood*, *pheasant's eye*, *fox tail*, *windflower*, *southern lady fern*, *fairy-slipper*, *shepherd's purse*, *camel's tail*, *mouse-ear chickweed*, *hawthorn*, *thorn-apple*, *haw*, *cock's foot*, *dragonhead*, *flag fleur-de-lis* и мн. др. Это можно объяснить многовековой историей садоводства в Великобритании и любовью англичан к миру природы, их внимательным отношением к окружающим растениям и как следствие – олицетворение, сравнение, антропоцентричность и яркая образность.

Библиографический список

1. Арьянова В.Г. О способах номинации растений в среднеобских говорах // Материалы научной конференции молодых ученых г. Томска. Т. 2. Томск, 1968. – С. 380–383.
2. Блинова О.И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика 1971. Л., 1972. С. 92–104.
3. Булах Е.А. К вопросу о мотивационных основаниях номинации растений в английском, немецком и французском языках. URL: <http://www.rusnauka.com/PRNIT/Philologia/bulah%20e.a..doc.htm> (дата обращения: 01.02.2011).
4. Гадамер Х.Г. Истина и метод. М., 1988.
5. Голев Н.Д. Труды по лингвистике. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles> (дата обращения: 01.02.2011).
6. Гришина И. П. Из диалектной лексики флоры Рязанской области // Уч. Зап. Рязанского ГПИ. Т. 25. Рязань, 1959. С. 187–248.
7. Дубровина С.Ю. Русская ботаническая терминология в этнолингвистическом освещении (На материале названий растений, образованных от названий животных и птиц): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
8. Копочева В.В. Соотношение искусственной и естественной номинации (На материале названий растений): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985.
9. Меркулова А. О некоторых принципах этимологии названий растений // Этимология – 1964. М., 1965. С. 72–87.
10. Протапопова О.В. Лексика природы в системе языковой культуры (На материале тамбовских говоров и произведений писателей XIX–XXI вв.): Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004.
11. Розова С.С. Научная классификация и ее виды // Вопросы философии. 1964. № 8. С. 69–79.
12. Фирек В. Лингвистический атлас Европы и его вклад в Европейскую историю культуры: результаты исследований в рамках проекта *Atlas linguarum Europae* // Вопросы языкознания. 2003. № 5. С. 30–39.
13. Янценецкая М.Н. Семантические вопросы словообразования: производящее слово. Томск, 1991.
14. Bullen A. *The Language of Flowers*. L., 2004.

Абашева Диана Владимировна – доктор филологических наук; профессор кафедры литературы, Чувашский государственный педагогический университет. E-mail: abasheva.diana@yandex.ru.

Аглеева Зухра Равильевна – кандидат педагогических наук; доцент кафедры современного русского языка, Астраханский государственный университет. E-mail: z.agleeva@yandex.ru.

Амири Людмила Петровна – кандидат филологических наук; доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов, Южный федеральный университет. E-mail: liudmila.amiri@gmail.com.

Бабаева Ольга Кукаевна – аспирант кафедры перевода и переводоведения МГГУ им. М.А. Шолохова; ассистент кафедры общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Московский институт юриспруденции. E-mail: olgabov97@yandex.ru.

Боронин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, докторант кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; старший преподаватель кафедры иностранных языков, Московский государственный медико-стоматологический университет. E-mail: inloco@inbox.ru.

Диброва Елена Иннокентьевна – доктор филологических наук, профессор; заведующая кафедрой русского языка, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: kna13@yandex.ru.

Ершов Максим Валерьевич – аспирант кафедры теории и методики преподавания иностранных языков МГГУ им. М.А. Шолохова; ассистент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт (г. Коломна). E-mail: botan-06vic@mail.ru.

Левина Вера Николаевна – кандидат филологических наук; доцент кафедры русского языка Института филологии, Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина. E-mail: levina_vn@mail.ru.

Парастаев Георгий Николаевич – аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного социально-гуманитарного института (г. Коломна). E-mail: georgar@inbox.ru.

Попова Евгения Юрьевна – аспирантка кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация» Саратовского государственного социально-экономического университета; специалист по учебно-методической работе Центра академической мобильности, Саратовский государственный социально-экономический университет. E-mail: evgenia_fx@inbox.ru.

Постникова Екатерина Георгиевна – кандидат филологических наук; доцент кафедры русской классической литературы, Магнитогорский государственный университет. E-mail: ekaterinapost@mail.ru.

Шумбасова Светлана Сергеевна – аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного социально-гуманитарного института (г. Коломна); старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной социальный гуманитарный институт (г. Коломна). E-mail: svetlana-kudinova@mail.ru.

D. Abasheva

“Eternity entrusts its key to me”:
to the 300-th anniversary of M.V. Lomonosov

The article is focused on the understanding his works and eternity by the poet. National character, high value of the humanities as the basis of enlightenment in our country, their educational role, poetic symbolism – all this is highly appraised by coryphaei of the Russian culture.

Key words: M.V. Lomonosov, historical value of M.V. Lomonosov’s works, M.V. Lomonosov’s poetics, national character, image-symbol.

Z. Agleeva

Phraseological constructions
with a component “where”

Different types of phraseological constructions with a component “where” which go back to subordinate clause of a compound sentence are presented in the article. Three groups of phraseological constructions, phraseological schemes and models with this component are singled out and considered there.

Key words: phraseological constructions, verbalization, universal, ethnospecific, spatial relations, invariable and variable components of a model.

L. Amiri

Word-formation Play: On the Quantitative Relation
between Occasional Nouns, Adjectives and Verbs
in Advertising Texts

This article presents an analysis of word-formation play in the language of advertising based on examples of occasional nouns, adjectives, and verbs (the majority are nouns, since they are the most neogenic part of the language) and their quantitative relation. The analysis of the material shows that playful neologisms are characterized by their own distinctive part of speech. However,

any such neologism may be accompanied by other features of language play, depending on the intentions of its creator

Key words: advertising language, word-formation play, analogical and interlaced derivation, occasionalism.

O. Bavayeva

Metaphoric parallels in modern English
(on the example of image nominations
that depict and define a person)

This article describes different studies on linguistic equivalency. It is stated that equivalency is a fundamental and inherent feature of any language, caused by its structure, system as well as extralinguistic factors. Metaphoric expressions are another development of parallelism in the language.

Key words: linguistic equivalency, metaphor, metaphoric parallels.

A. Boronin

An event and a character's microtext

The aim of the present paper is to describe the interrelations between two principle notions: "event" and "character's microtext". It is shown that the plan of contents of a character's microtext is divided into four semantic subspheres, each one determining the specific representation of the category of Event. The issue discussed in the article stimulates further applied studies of fictional communication within the scope of foreign language teaching and cross-cultural language investigation.

Key words: event, character's microtext, mental and semiotic communicative facts, information, discourse.

E. Dibrova

Quantal character and well principle
as features of speech thinking

The paper addresses the problems of the contemporary philology as a scientific discipline combining the methods of the humanities and exact sciences. A syncretic approach to fiction texts involves the ideas of quantum mechanics justifying dualistic structures: corpusculas i.e. nuclei (its analogue in philology being semes) and discontinuity, i.e. intermittence and ruggedness. The latter feature is characteristic of fiction texts which are dividable into segments of the following types: words, sentences, paragraphs, chapters, parts.

Key words: syncretism of a science, text, segmentation, quantal character, well principle, paragraph, composite.

M. Ershov

The opposition of the invariant in a play
(on the basis of "Pygmalion" by B. Shaw)

The article deals with the opposition in the sphere of invariant which helps to reveal the main idea of the dramatic text on the deep level of functional semantic dependence and to find its oppositional characteristics. That points to the monocentric character of the idea of the text. The article also points out the role of the author in the transmission of his vision through this opposition.

Key words: functional semantic dependence, invariant, opposition, dramatic text.

V. Levina

Linguistic structure of the landscape unit "snowstorm"
in prose text

The article studies linguistic structure of the landscape unit 'snowstorm' in prose text. The author shows the evolution of this unit in Russian literature of different periods. The peculiarities of its language representation are analyzed in modern prose.

Key words: prose text, landscape unit "snowstorm", language structure, literary picture of the world.

G. Parastaev

The problem of manipulation
in American political discourse
(on the example of public speeches delivered
by American politicians)

The article deals with the problem of manipulation in politics, performing in American political discourse by means of language. The author analyzes public speeches delivered by American politicians. Manipulation is an integral part of American political discourse, all speech strategies of which are aimed at one purpose: to influence a recipient, persuade him or her to make a decision that will be beneficial for a politician.

Key words: political discourse, manipulation, political culture, the image of a politician, concept of "friend-or-foe", "axis of evil", political propaganda.

E. Popova

The literary precedential phenomena as means of explication of the postmodernist illusive and absurd motives in V. Pelevin's works

The article deals with the explication of the illusive and absurd motives in different types of intertextual links verbalizing the literary precedential phenomena in V. Pelevin's postmodernist novels "Generation P" and "Numbers". The author concludes that the issue of the world's illusiveness and absurdity in the writer's fiction universe is multidimensional.

Key words: literary precedential phenomenon; intertextual link; post-modernism; illusive motive; absurd motive; fiction discourse; V. Pelevin.

E. Postnikova

The role of food and sexual taboo in the life of the city of Glupov ("The history of one town" by M.E. Saltykov-Shchedrin)

The author states that the principal subject of satirical portrayal in the literary work by M.E. Saltykov-Shchedrin is the Russian authority with its mythology and archaic principals of the power relations organization. The author proves that ancient food and sexual taboo mark the relations of power in the society of Glupov, whilst the town ignores the Christian laws as well as rational and legal laws.

Key words: satire, mythology, authority relations, Saltykov-Shchedrin, food and sexual taboo.

S. Shumbassova

English names of plants: methods of nomination and classification

This article deals with various ways of giving names to plants in the English language. The process of nomination is closely connected with so-called "world picture" and reflects the nominator's attitude towards the object. One and the same plant often has several names: botanical (scientific) and ordinary (common); the latter can also be represented in several variations depending on diverse factors. Different classifications, methods and principles of nomination were summed up and examples from the English language are provided.

Key words: "world picture", name of plant, method of nomination, principle of nomination, motivating sign.

Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов) в формате Word.

К статье прилагается анкета автора: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание (если имеются); должность; место работы/учебы или соискательства (полное название в именительном падеже); почтовый адрес (место проживания); телефон; E-mail.

Затем следует заглавие, аннотация статьи (8–10 строк) и ключевые слова (не более 10).

Резюме на английском языке должно включать: название статьи; фамилию, инициалы автора(ов); аннотацию, ключевые слова.

Объем статей не должен превышать 30 000 знаков, включая пробелы (т.е. 16 типовых машинописных страниц), а рецензии или отзывы на книгу – 3 страниц. Помимо бумажного, необходимо представить электронный вариант:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- чертежи, графики, диаграммы, схемы должны быть выполнены с учетом возможностей черно-белой печати (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов);
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – не менее 2,5 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывать;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в квадратных скобках;

– библиографический список располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала идет литература на русском языке, затем – на иностранном).

К предлагаемым для публикации статьям прилагается отзыв научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование.

Автор гарантирует соответствие содержания файла на электронном носителе бумажному варианту.

Контактная информация

Материалы направлять по адресу:

109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18, комн. 225.

Тел.: (495) 647-4477, доб. 1-1102 – Журавлева Татьяна Юрьевна,
заместитель главного редактора журнала.

E-mail: arhat_5@mail.ru.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
А. А. Алексеева
Обложка, макет,
компьютерная
верстка
М. В. Кантакузен

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «Филологические науки»
2011.3

Электронная версия журнала: www.mgoru.ru

Сдано в набор 02.09.2011 г.
Подписано в печать 06.09.2011 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 6,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.